РФ
П68

330
П-68

ИСТОРІЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ

ВЪ ЕЯ ГЛАВНЫХЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЯХЪ.

Проф. Л. ПРАЙСЪ.

АНГЛІЙСКІЕ ЭКОНОМИСТЫ.

Адамъ Смитъ. — Давидъ Рикардо. —
Джонъ-Стюартъ-Милль.

Съ приложеніемъ выдержекъ изъ ихъ трудовъ.

Переводъ съ англійскаго
Н. СЕКЕРИНА,
подъ редакціей В. В. БИТНЕРА.

1383
3743493 ф52
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» БИБЛИОТЕКА
Инв. 2856.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издательство „ВѢСТНИКЪ ЗНАНІЯ“
1907.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Выпуская „Исторію политической экономіи въ ея главныхъ представителяхъ", первую часть которой составляютъ „Англійскіе экономисты", мы считаемъ нужнымъ ознакомить читателей съ общимъ планомъ намѣченнаго нами изданія.

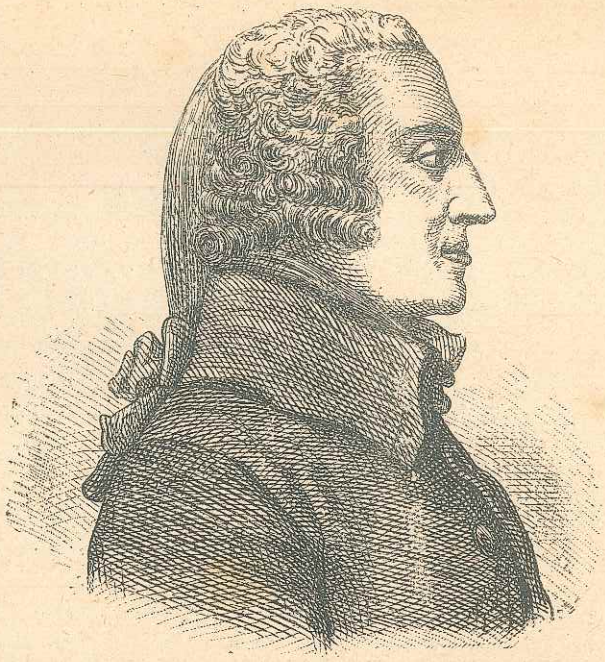
Дѣло въ томъ, что тѣ учебники исторіи политической экономіи, которые до сихъ поръ издавались, отличаясь большими или меньшими достоинствами, страдали однимъ, на нашъ взглядъ, важнымъ недостаткомъ,—въ нихъ читатель не имѣетъ возможности ознакомиться непосредственно съ самими произведеніями основателей экономическихъ системъ, и, такимъ образомъ, характерныя черты изложенія каждаго автора, его система аргументаціи и особенности разсужденій оставались совершенно неизвѣстными. Для первоначальнаго учебника, въ особенности, если составитель хорошо справился со своею задачею и сумѣлъ изложить постепенный ходъ развитія экономической науки, такой недостатокъ, пожалуй, несуществененъ. Но исторія политической экономіи, имѣющая въ виду лицъ, которыя захотятъ впослѣдствіи изучать экономическія науки нѣсколько серьезнѣе, не можетъ считаться удовлетворяющею своему назначенію если она не знакомитъ читателя съ произведеніями экономистовъ, о которыхъ она трактуетъ. Само собою понятно, что непосредственное чтеніе собраній сочиненій каждаго автора, даже еслибы переводы ихъ на русскій языкъ имѣлись въ продажѣ, и не встрѣчалось бы препятствій въ отношеніи пріобрѣтенія книгъ,—должно встрѣтить не мало затрудненій хотя бы только со стороны оріентированія въ матеріалѣ далеко не одинаковой научной цѣнности, не говоря уже о другихъ препятствіяхъ. Поэтому, снабженіе „Исторіи" систематематически подобранными, наиболѣе характерными для каждаго автора и цѣнными въ научномъ отношеніи выдержками, несомнѣнно является существенно важнымъ, и мы не сомнѣваемся, что читатели признаютъ эти дополненія очень полезными.

Въ частности, предлагаемая книга представляетъ собою часть труда проф. Л. Прайса „History of political economy in England", къ которой мы сдѣлали упомянутыя дополненія.

Въ слѣдующей книгѣ изъ этой серіи мы намѣрены дать французскихъ экономистовъ.

В. В. Битнеръ.

ПОГАШЕНО

Адамъ Смитъ.

Исторія политической экономіи въ ея главныхъ представителяхъ.

Проф. Л. Л. Прайсъ.

Англійскіе экономисты.

I.

Адамъ Смитъ (1723—1790 гг.).

Историческое значеніе «Богатства народовъ». Жизнь Адама Смита. Состояніе англійскаго земледѣлія и промышленности и иностранная торговля. Преклоненіе Смита передъ «естественной свободой». Отношеніе Смита къ физіократамъ. Моральная философія Смита. Его утвержденіе, что «внутри каждаго человѣка сидитъ шотландецъ». Опредѣленіе «естественной свободы». Память Смита и образность изложенія. Краткое изложеніе «Богатства народовъ». Принципы обложенія. Взглядъ Смита на «раздѣленіе труда». Различныя формы раздѣленія труда. Его выгоды: 1) увеличеніе искусства; 2) сбереженіе искусства; возможныя невыгоды; 3) введеніе машинъ; 4) сбереженіе времени. Условія раздѣленія труда. Механизмъ обмѣна. Происхожденіе денегъ. Функція денегъ, какъ 1) посредника въ обмѣнѣ, 2) какъ мѣрила цѣнности. Истинная природа осуществляемой деньгами функціи. Защита А. Смитомъ свободы торговли, покоющаяся на 1) раздѣленіи труда между народами, 2) природѣ денегъ. Меркантильная система. Связь съ проблемами нашего времени.

Первое великое имя, которое мы встрѣчаемъ въ исторіи политической экономіи въ Англіи, это—Адамъ Смитъ. Правда, значительное число положеній, развитыхъ Смитомъ въ его «Богатствѣ народовъ», могутъ быть найдены

въ блѣдной и отрывочной формѣ на страницахъ болѣе раннихъ писателей [1]); равнымъ образомъ, было бы колоссальной ошибкой предполагать, что Смитъ сказалъ послѣднее слово въ цѣломъ рядѣ вопросовъ, которые имъ разсматривались. Но его трудъ является наиболѣе удобнымъ и подходящимъ исходнымъ пунктомъ для изслѣдованія, будемъ ли мы изучать предшествовавшее ему состояніе науки или ея позднѣйшее развитіе. Если мы тщательно изслѣдуемъ теоріи тѣхъ экономистовъ, которые предшествовали Смиту, то убѣдимся, что онъ представилъ ихъ въ такой формѣ, что въ его рукахъ онѣ могутъ разсматриваться, какъ совершенно новыя; а съ другой стороны, если вчитаемся внимательно въ работы тѣхъ, кто выступилъ въ литературѣ послѣ него, то откроемъ, что въ цѣломъ рядѣ случаевъ онъ—говоря безъ всякаго преувеличенія—предвосхитилъ существеннѣйшіе пункты ихъ ученій. Если бы, поэтому, была сдѣлана попытка расположить въ извѣстной градаціи писателей, произведенія которыхъ составили эпохи въ исторіи экономической науки, то первое мѣсто почти по всеобщему признанію было бы отведено Адаму Смиту; и, если, вообще, какое-либо экономическое сочиненіе можетъ притязать на наименованіе «безсмертнаго», то «Богатство народовъ» больше, чѣмъ какое-либо другое, имѣетъ право на этотъ титулъ.

Черезъ пятнадцать лѣтъ по опубликованіи его Адамъ Смитъ умеръ; но оно уже успѣло выдержать шесть изданій и было переведено на важнѣйшіе европейскіе языки. Питтъ читалъ его съ такимъ вниманіемъ, что Адамъ Смитъ заявилъ какъ-то, что этотъ государственный дѣятель понимаетъ его не хуже, чѣмъ самъ авторъ; а одинъ вдумчивый наблюдатель современныхъ Смиту теченій общественной мысли осмѣлился предсказать, что Смитъ «убѣдитъ живущее нынѣ поколѣніе и будетъ управлять ближайшимъ». И послѣдующій ходъ событій вовсе не свидѣтельствуетъ, что это предвидѣніе было лишено основаній, хотя дата точнаго осуществленія предсказанія и должна бы была быть отодвинута на одно или два поколѣнія. Книга оказала на практическую жизнь такое вліяніе, которое повергла бы Смита въ величайшее изумленіе. Онъ говоритъ, что «ожидать», чтобы «свобода промышленности», за которую онъ такъ энергично боролся, «была когда-либо цѣликомъ возстановлена въ Великобританіи, такъ же нелѣпо, какъ ожидать, что въ ней будетъ когда-либо учреждена Океанія или Утопія». И тѣмъ не менѣе, главнымъ образомъ, благодаря вліянію—прямому и косвенному—его ученія, эта «свобода промышленности» была «цѣликомъ возстановлена». Современный намъ экономистъ, бывшій въ то же время и человѣкомъ практической жизни, — Бэджготъ [2]), говоритъ, что «Богатство народовъ» породило «удивительные результаты. Жизнь почти каждаго человѣка въ Англіи—быть можетъ даже каждаго—сдѣлалась благодаря ему совершенно иной и значительно лучшей. Никакое другое созданіе политической философіи никогда не имѣло на насъ и тысячной доли его вліянія; ученіе Смита осѣло въ общемъ сознаніи націи и сдѣлалось неустранимымъ изъ него».... И нужно признать, что этотъ отзывъ не грѣшитъ преувеличеніемъ.

Въ чемъ же заключался секретъ этого единственнаго въ своемъ родѣ и почти магическаго вліянія? Нѣкоторый отвѣтъ на нашъ вопросъ мы быть можетъ, найдемъ въ обстоятельствахъ, среди которыхъ протекала жизнь Адама Смита. На первый взглядъ можетъ показаться, что эта жизнь была лишена событій. Смитъ родился въ Киркальди, въ графствѣ Файфъ, въ

---

[1]) Напримѣръ, у сэра Дэдли Норта (Sir Dudley North) въ его „Discourses upon Trade“ (1691 г.).

[2]) Bagehot, Economic Studies, p. 1.

1723 г., и былъ воспитанъ матерью, которая передъ его рожденіемъ лишилась мужа, бывшаго мелкимъ таможеннымъ чиновникомъ. Учился онъ вначалѣ въ своемъ родномъ городѣ, а затѣмъ въ университетѣ въ Глазго, гдѣ занимался математикой и естественной философіей и откуда поступилъ, какъ стипендіатъ, въ Balliol College въ Оксфордѣ. Здѣсь онъ прожилъ около семи лѣтъ, посвятивъ себя, главнымъ образомъ, изученію моральныхъ и политическихъ наукъ съ цѣлью получить званіе магистра философіи. Затѣмъ онъ вернулся въ Киркальди и приблизительно черезъ два года началъ лекціи по риторикѣ и «изящной литературѣ» въ Эдинбургѣ. Онъ завязалъ прочныя дружескія отношенія съ философомъ Давидомъ Юмомъ [1]) и пріобрѣлъ такую научную репутацію, что въ 1751 г. былъ назначенъ профессоромъ логики, а въ слѣдующемъ году профессоромъ моральной философіи въ университетѣ, въ Глазго. Существеннѣйшее содержаніе части лекцій, которыя онъ читалъ съ этой послѣдней каѳедры, было имъ впослѣдствіи включено въ «Богатство народовъ»; самъ онъ объ этомъ времени своей профессорской дѣятельности говоритъ, что это былъ «безъ сомнѣнія, самый полезный и потому самый счастливый и самый почтенный періодъ въ его жизни». Въ 1759 г. Смитъ опубликовалъ изслѣдованіе о «Теоріи нравственныхъ чувствъ», а въ 1763 г. получилъ предложеніе сопровождать молодого герцога Бёккле въ его поѣздкѣ за границу. Онъ принялъ предложеніе и прекратилъ профессорскую дѣятельность; за границей онъ пробылъ до 1766 г.; въ этомъ году онъ вернулся въ Киркальди и посвятилъ себя всецѣло разработкѣ своего великаго произведенія. Это послѣднее появилось въ 1776 г., и значительнѣйшую часть слѣдующихъ двухъ лѣтъ Смитъ провелъ въ Лондонѣ, въ самомъ изысканномъ обществѣ. Въ 1778 г. онъ былъ назначенъ членомъ таможеннаго совѣта Шотландіи и поселился въ Эдинбургѣ. Въ 1787 г. Глазговскій университетъ избралъ его своимъ ректоромъ, а въ 1790 г. въ возрастѣ 67 лѣтъ Смитъ скончался.

Подобная жизнь, на первый взглядъ, можетъ показаться совершенно спокойной и лишенной яркихъ событій; и тѣмъ не менѣе, уже въ разсказанномъ нами не трудно найти указанія на тѣ вліянія, которыя опредѣлили характеръ сочиненія Смита и обезпечили ему столь замѣчательный успѣхъ.

Прежде всего, Смитъ жилъ въ то время, когда старая промышленная эпоха заканчивалась, но новый порядокъ еще не получилъ полнаго развитія. Онъ жилъ въ то время, когда правила и нормы, регулировавшія въ очень многихъ случаяхъ промышленную дѣятельность, утратили ту разумность, которою они обладали въ условіяхъ прошлой жизни, и сдѣлались безполезнымъ и мучительнымъ пережиткомъ давно отшедшей въ вѣчность эпохи. Въ продолженіе большей части его жизни сельское хозяйство въ странѣ велось еще во многихъ мѣстахъ по почти той же самой системѣ, какая господствовала въ средніе вѣка. Во многихъ мѣстахъ существовали еще открытыя, незагороженныя поля съ надѣлами, составленными изъ мелкихъ разбросанныхъ участковъ, и съ правомъ общаго пользованія для пастьбы паромъ и лугами. «Очень значительная часть страны», пишетъ самъ А. Смитъ, «остается еще невоздѣланной, а общераспространенная система обработки была прямо-таки жалкой. Въ смѣнѣ засѣваемыхъ злаковъ не существовало никакой настоящей послѣдовательности, не было раціональнаго разведенія скота, свекловица и искусственное травосѣяніе оста-

[1]) Юмъ посвятилъ нѣкоторые изъ своихъ этюдовъ экономическимъ вопросамъ (напр., изслѣдованію процента, денегъ, торговаго баланса) и, повидимому, оказалъ весьма значительное вліяніе на Ад. Смита.

вались неизвѣстными, за исключеніемъ лишь отдѣльныхъ округовъ, напр. Норфолька, гдѣ Тоуншендъ успѣлъ уже пріобрѣсти одновременно и почетное и насмѣшливое наименованіе «свекловичнаго Тоуншенда», и Лейстершира, гдѣ Бэкуелль началъ уже привлекать изо всѣхъ частей свѣта посѣтителей, которые желали бы изучить принципы раціональнаго скотоводства. Но эти современныя усовершенствованія не выходили, въ большинствѣ случаевъ, за предѣлы тѣхъ графствъ, гдѣ они возникли; во всей же остальной странѣ господствовали еще примитивные ненаучные методы, и велись непрерывные споры по поводу границъ земельныхъ участковъ и правъ пастьбы.

Въ обрабатывающей промышленности положеніе было не лучше; здѣсь, сверхъ всего прочаго, дѣйствовали стѣснительное регулированіе и принудительная рутина. Самое слово «manufacturer» не потеряло еще своего первоначальнаго значенія человѣка, работающаго своими собственными руками, ибо промышленная дѣятельность осуществлялась въ большинствѣ случаевъ при господствѣ такъ наз. «домашней системы» ремесленниками, работавшими своими собственными руками въ своихъ собственныхъ помѣщеніяхъ. Встрѣчались правда и въ это время немногочисленные примѣры капиталистическихъ предпринимателей современнаго намъ типа; Смитъ называетъ ихъ «undertakers», но говоритъ о нихъ очень рѣдко и почти неизмѣнно употребляетъ терминъ «manufacturer» въ его первоначальномъ смыслѣ. Во многихъ случаяхъ рабочій не могъ заниматься своимъ ремесломъ, если только онъ не пробылъ опредѣленнаго времени въ ученикахъ и не получилъ разрѣшенія отъ ремесленной корпораціи. Число учениковъ, которыхъ могъ имѣть ремесленникъ, равно какъ и срокъ ихъ ученія, регулировались во многихъ городахъ и профессіяхъ прямо закономъ, въ другихъ же—обычаемъ, который имѣлъ такую же обязательность, какъ и законъ; а рабочій, который переселялся изъ одной мѣстности въ другую, рисковалъ тѣмъ, что, опираясь на статутъ объ осѣдлости, его принудятъ вернуться въ только-что покинутый имъ приходъ, изъ опасенія, что онъ въ случаѣ болѣзни или при отсутствіи заработка ляжетъ бременемъ на приходское управленіе своего новаго мѣстожительства. Шерстяная промышленность была, какъ и раньше, важнѣйшимъ видомъ промышленности въ странѣ; но Адамъ Смитъ замѣчаетъ, что со времени царствованія Эдуарда IV въ ней было введено только три важныхъ механическихъ улучшенія [1]). Желѣзодѣлательная промышленность, распространенная, главнымъ образомъ, въ Сессексѣ, гдѣ еще можно было видѣть плавку желѣза древеснымъ углемъ въ небольшихъ горнахъ, которые раздувались кожаными мѣхами, приводимыми въ движеніе животной силой, постепенно вымирала, а хлопчатобумажная промышленность была настолько незначительна, что въ «Богатствѣ народовъ» о ней упоминается очень рѣдко, да и то случайнымъ образомъ.

Если, однако, оставить въ сторонѣ серьезныя ограниченія, которыя налагались на трудъ «исключительностью» ремесленныхъ корпорацій (цеховъ), злоупотребленіемъ закономъ объ осѣдлости и обязательностью пребыванія «въ ученикахъ», то промышленная дѣятельность внутри страны была, выражаясь словами Адама Смита, «почти совершенно свободна», хотя недостатокъ удобныхъ средствъ сообщенія представлялъ собою серьезное препятствіе къ ея развитію. Но, въ противоположность «внутренней промышленности», иностранная торговля связывалась цѣлымъ рядомъ стѣснительныхъ ограниченій. Регулированіе ея имѣло въ виду обезпечить такъ

1) Тойнби (Industrial Revolution, p. 51) говоритъ, что онъ забылъ упомянуть о «четвертомъ».

называемый «благопріятный торговый балансъ», сдѣлавъ, если только возможно, экспортъ (вывозъ) больше импорта (ввоза) и стремясь получить сумму, приходящуюся за этотъ излишекъ, въ металлѣ. «Высокія пошлины», а въ иныхъ случаяхъ «прямое запрещеніе» употреблялись какъ средства «ограничить ввозъ иностранныхъ товаровъ», «экспортъ же, напротивъ, всячески поощрялся, иногда посредствомъ сложенія пошлинъ, иногда же посредствомъ выдачи премій или заключенія выгодныхъ торговыхъ договоровъ съ иностранными государствами, а также путемъ основанія колоній въ отдаленныхъ странахъ». Вѣдь колоніи эти разсматривались, какъ монопольная сфера дѣятельности для метрополіи и привилегированныхъ (получавшихъ особыя хартіи) компаній, которымъ поручалось также иногда и управленіе колоніями.

Со всѣхъ сторонъ, такимъ образомъ, существовали регулированія и ограниченія, которыя имѣли нѣкогда свой смыслъ, но для которыхъ время уже прошло. И нѣтъ, быть можетъ, лучшей иллюстраціи этого, какъ исторія Джемса Уатта, изобрѣтателя паровой машины; Уаттъ поселился въ Глазго и, послѣ того какъ мѣстная корпорація «молотобойцевъ» не разрѣшила ему заниматься своимъ ремесломъ, онъ принужденъ былъ испросить позволеніе у мѣстнаго университета и въ его стѣнахъ устроить свою мастерскую.

Подъ впечатлѣніемъ всего этого у Ад. Смита выросло убѣжденіе, что свобода—вотъ что настоятельнѣе всего необходимо для общества. Тойнби [1]), впадая, быть можетъ, въ нѣкоторое преувеличеніе, говоритъ, что «это было первое и послѣднее слово его политической и экономической философіи»; но совершенно вѣрно, что «каждая страница его сочиненій дышитъ страстью къ свободѣ». «Уничтожьте»,—восклицаетъ Смитъ,—«исключительно привильлегированное положеніе ремесленныхъ корпорацій, отмѣните законъ объ обязательномъ ученичествѣ—и въ томъ и другомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ покушеніемъ на естественную свободу,—и прибавьте еще сюда отмѣну закона объ осѣдлости».

Но что разумѣетъ Смитъ подъ естественной свободой? Здѣсь мы подходимъ къ другому изъ числа великихъ вліяній, опредѣлившихъ его жизнь. Его «преклоненіе передъ свободой» было не только практическимъ послѣдствіемъ реакціи противъ стѣснительной рутины, оно имѣло свое основаніе также и въ теоретической спекуляціи. Смитъ принялъ однажды, какъ мы видѣли, предложеніе сопровождать въ качествѣ учителя герцога Бекклe въ его путешествіи, и значительная часть времени, которое онъ прожилъ заграницей, была проведена имъ въ Парижѣ. Въ эту эпоху во Франціи была группа философовъ и реформаторовъ, «нѣсколько человѣкъ», какъ говоритъ А. Смитъ, «выдающихся по своей учености и уму», которые были извѣстны подъ именемъ физіократовъ или сторонниковъ природнаго (естественнаго) порядка.

Какъ и Смитъ, они возмущались стѣснительнымъ регулированіемъ, которое въ ихъ странѣ связывало промышленность въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ въ Англіи, и питали горячія симпатіи къ простому народу, лишенному, вслѣдствіе этихъ ограниченій, свободнаго распоряженія своей «самой священной и ненарушимой собственностью», трудомъ своихъ рукъ. Они полагали, что разъ этотъ наростъ искусственнаго регулированія будетъ устраненъ, то они найдутъ подъ нимъ «естественную простоту». Они вѣрили въ господствовавшую въ то время философію, которая утверждала, что нѣкогда существовало естественное состояніе, и что, когда создалось общество, то люди вошли во взаимное соглашеніе—«общественный договоръ», какъ его иногда называли,—отказаться отъ нѣкоторыхъ личныхъ

[1]) Toynbee, Industrial Revolution, p. 14.

правъ, которыми они тогда пользовались, и которыя могли придти въ столкновеніе съ правами ихъ ближнихъ. И физіократы доказывали, что существующія общественныя учрежденія должны быть, насколько возможно, приближены къ первоначальной естественной простотѣ, когда всѣ люди были равны и свободны. Это и разумѣлось подъ «естественной свободой». «Разъ всѣ системы»,—пишетъ Адамъ Смитъ, который въ этомъ отношеніи былъ ученикомъ физіократовъ, хотя и указывалъ постоянно на «основную ошибку» ихъ политической экономіи, выставлявшей земледѣліе «единственнымъ источникомъ дохода и богатства каждой страны»,—«разъ всѣ системы, будь то системы покровительства или ограниченія, будутъ, такимъ образомъ, полностью устранены, то очевидная и простая система естественной свободы установится сама собой. И вовсе не случайное совпаденіе, что въ томъ же году, когда вышло въ свѣтъ «Богатство народовъ», была провозглашена и американская декларація независимости, въ которой формально заявлялось, что всѣ люди по природѣ равны и свободны».

Воодушевлявшая Смита вѣра въ высшую цѣнность и необходимость «естественной свободы» подкрѣплялась въ немъ его моральными и теологическими воззрѣніями. Какъ и у всякаго другого человѣка, у него невозможно отдѣлить одну часть его личности отъ другой; и его «страсть къ свободѣ», безъ сомнѣнія, укрѣплялась убѣжденіемъ, которое съ такою горячностью было выражено имъ въ трактатѣ о морали, что любвеобильное Провидѣніе будетъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ приводить отдѣльныхъ лицъ, свободно добивающихся своихъ собственныхъ интересовъ, къ тому, что они будутъ двигать впередъ и интересы общаго блага. «Невидимая рука будетъ направлять индивида къ цѣли, которой онъ никоимъ образомъ и не думалъ себѣ ставить».

Наконецъ, Смитъ былъ шотландецъ, и можно сказать, что онъ въ полной мѣрѣ обладалъ характеромъ шотландца, здравымъ смысломъ и выдержкой. Онъ могъ ясно видѣть обманчивость и лживость аргументовъ, которые часто приводились въ защиту господствовавшихъ въ тѣ времена ограниченій и регулированій. Его національныя особенности сказались въ другомъ; про него—и, кажется, съ полнымъ основаніемъ—утверждали, что онъ «повидимому, думаетъ, будто въ каждомъ человѣкѣ сидитъ шотландецъ». Если бы, въ самомъ дѣлѣ, каждый, кто принимаетъ участіе въ промышленной дѣятельности, обладалъ острой проницательностью и настойчивостью шотландца, если бы всѣ были въ такой же полной мѣрѣ и съ такимъ же постоянствомъ насторожѣ своихъ интересовъ, какъ вошедшій въ пословицу шотландецъ, тогда можно было бы совершенно спокойно предоставить людямъ вполнѣ свободно вести борьбу за свое экономическое существованіе. Конкурренцію можно было бы оставить совершенно свободной, ибо конкурренты были бы равны по своимъ силамъ и интеллигентности. Но именно потому, что люди позволяютъ иногда соображеніямъ непосредственнаго интереса или преходящему вліянію страсти ослѣпить себя настолько, что они забываютъ свои настоящіе постоянные интересы; именно потому, что имѣются люди (во всякомъ случаѣ, имѣются такія женщины и дѣти), которые вступаютъ въ экономическую борьбу съ какой-либо невыгодной особенностью, не устраняемой чисто экономическими силами, напр., съ недостаткомъ въ физическомъ или умственномъ развитіи или въ денежныхъ средствахъ,—именно поэтому-то послѣдующій опытъ привелъ къ заключенію, что конкурренція не можетъ быть оставлена ничѣмъ не сдерживаемой и свободной, если только желать, чтобы весь народъ пользовался дѣйствительнымъ и постояннымъ благополучіемъ. Именно потому, что «шотландецъ не сидитъ внутри каждаго изъ насъ», «естественная свобода» и подверглась на практикѣ регулированію посредствомъ фабричнаго законодательства, организаціи взаимопомощи и рабочихъ союзовъ.

Но эти соображенія нисколько не лишаютъ цѣнности произведенія Ад. Смита. Подобно своимъ предшественникамъ, физіократамъ, онъ признавалъ возможность исключеній изъ правила «естественной свободы», хотя, какъ и они, не подчеркивалъ этихъ исключеній. Та самая фраза, въ которой впослѣдствіи такъ часто резюмировали принципы «естественной свободы», «laissez faire, laissez passer (или aller)», имѣла первоначально, повидимому, совершенно другой смыслъ, чѣмъ какой впослѣдствіи сообщали ей. Она означала, что каждый долженъ имѣть право заниматься тою профессіею, какая ему угодна, изготовлять свои товары въ такомъ видѣ, какъ ему кажется наиболѣе подходящимъ, а не по предписанному правительствомъ образцу; она означала также, что отдѣльнымъ лицамъ и ихъ товарамъ должно быть предоставлено право свободнаго передвиженія по всей странѣ безъ какихъ-либо ограниченій и безъ взысканія пошлинъ. Въ болѣе широкомъ толкованіи она означала: «предоставьте самому себѣ все, что не вредитъ ни добрымъ нравамъ, ни свободѣ, ни собственности, ни личной безопасности».

Поэтому-то А. Смитъ не желаетъ предоставлять воспитаніе и банковое дѣло всецѣло игрѣ индивидуальной свободы, но требуетъ здѣсь вмѣшательства регулирующаго авторитета государства. Разсматривая банковую организацію, онъ говоритъ совершенно опредѣленно: «Тѣ проявленія естественной свободы немногихъ лицъ, которыя могутъ угрожать благосостоянію всего общества, ограничиваются и должны ограничиваться закономъ какъ въ самыхъ свободныхъ, такъ и въ самыхъ деспотическихъ государствахъ». А его осужденіе меркантильной системы и тѣхъ невыгодъ, которыя она *создавала* для иностранной промышленности въ противоположность отечественной, предстанетъ передъ нами въ ясномъ свѣтѣ лишь, когда мы сопоставимъ его съ исключеніемъ, которое Смитъ дѣлаетъ для «Навигаціоннаго Акта», какъ мѣры государственной обороны, которая «имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ богатство». Равнымъ образомъ онъ полагаетъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстныя отрасли промышленности поощрялись путемъ запрещенія ввоза иностранныхъ товаровъ съ тою цѣлью, чтобы доставить заработокъ «значительной массѣ населенія», «человѣчность можетъ требовать, чтобы свобода торговли была возстановлена лишь въ медленной постепенности, съ большою осторожностью и осмотрительностью».

И опять-таки, когда Смитъ говоритъ, что, «если національное богатство долгое время оставалось стаціонарнымъ, то число рабочихъ рукъ е с т е с т в е н н о увеличится въ такихъ размѣрахъ, что превыситъ потребность въ нихъ,—было бы полнымъ извращеніемъ его мысли предполагать, что въ этомъ отрывкѣ онъ понимаетъ подъ словомъ «естественно» нѣчто большее, чѣмъ, что случилось бы, если бы не существовало никакихъ ограниченій для личной свободы; но онъ вовсе не хочетъ сказать, что это неизбѣжно случится или должно случиться. Смыслъ, въ которомъ онъ употребляетъ выраженія «естественный» и «естественно», конечно, колеблющійся, несвободный отъ двусмысленности, которая можетъ иногда породить путаницу; но его собственная искренняя вѣра въ любвеобильное управленіе міромъ Божественнаго Провидѣнія приводила его къ мысли, что то, что, въ дѣйствительности, возникаетъ въ результатѣ свободнаго дѣйствія отдѣльныхъ лицъ, должно имѣть мѣсто и согласно требованіямъ нравственности.

Позднѣйшіе экономисты выраженіе «естественный» замѣнили другимъ словомъ—«нормальный», имѣя въ виду избѣжать такимъ путемъ ассоціаціи съ этой своеобразной этической доктриной и развить концепцію политической экономіи какъ науки, тогда какъ самъ А. Смитъ сбивался иногда на пониманіе ея какъ искусства. Лишь послѣ того, какъ мы разрѣшили трудную научную задачу и выяснили всѣ послѣдствія свободной

конкурренціи между индивидами, преслѣдующими всегда свои истинные постоянные интересы,—можемъ мы опредѣлить, гдѣ эта конкурренція должна быть на практикѣ ограничена, разъ мы вступаемъ въ область реальной жизни со всѣми ея неравенствами, невѣжествомъ и бѣдностью. Экономическая наука, какъ и всякая другая наука, изслѣдуетъ соотношеніе между причиной и слѣдствіемъ и опредѣляетъ, въ чемъ заключается причина; искусство же филантропіи или политики опредѣляетъ, какимъ образомъ знаніе, доставленное намъ наукой, можетъ быть использовано нами въ качествѣ руководителя въ практической дѣятельности. Было высказано, поэтому, мнѣніе [1]), что главная заслуга самого А. Смита заключалась не столько въ его энергичной и убѣдительной защитѣ практической доктрины экономической свободы, сколько въ его «тщательномъ и научномъ изслѣдованіи того, какимъ образомъ цѣнность опредѣляетъ человѣческіе мотивы».

Позднѣйшіе экономисты выдвинули, такимъ образомъ, на первый планъ различіе между искусствомъ и наукой, которое во время А. Смита существовало—если только, вообще, существовало—лишь въ скрытой формѣ, и попытались выяснить то, что въ его сочиненіяхъ способно породить недоразумѣнія въ умѣ читателя, хотя самому автору дѣло представлялось вполнѣ яснымъ.

Большинство изъ нихъ, однако, согласится, что регулированіе соперничества и ограниченіе «естественной свободы» допустимы лишь въ исключительныхъ случаяхъ и должны оправдываться полнымъ своеобразіемъ этихъ случаевъ; эти экономисты должны признать практическую мудрость замѣчанія Смита, что «каковъ тотъ родъ промышленности, куда долженъ быть вложенъ капиталъ, и продукты какого производства обѣщаютъ представлять собою наибольшую цѣнность,—это можетъ каждый отдѣльный индивидъ въ своихъ мѣстныхъ условіяхъ опредѣлить для себя, очевидно, гораздо лучше, чѣмъ любой законодатель или политическій дѣятель». Никто также не станетъ отрицать, что наиболѣе настоятельной потребностью той эпохи, когда жилъ Смитъ, являлась отмѣна всякаго рода искусственныхъ ограниченій.

И Смитъ обладалъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, данными, необходимыми, чтобы доказать это положеніе. Въ дѣтствѣ онъ отличался замѣчательной памятью, а что дѣлало его лекціи въ Глазго особенно привлекательными, такъ это его удивительное умѣніе иллюстрировать свои положенія образными сравненіями. До насъ дошелъ разсказъ, что свои лекціи онъ начиналъ иногда съ нѣкоторымъ колебаніемъ, какъ будто бы не чувствовалъ себя полнымъ хозяиномъ предмета, но, по мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, «у него, казалось, собирался матеріалъ», а благодаря богатству и разнообразію примѣровъ, предметъ постоянно пріобрѣталъ въ его рукахъ все большіе и большіе размѣры. Большую службу ему сослужили и впечатлѣнія, вынесенныя изъ заграничнаго путешествія; онъ собственными глазами видѣлъ положеніе дѣлъ во Франціи. Онъ, безъ сомнѣнія, не разъ бесѣдовалъ съ Глазговскими купцами, среди которыхъ, какъ и въ наши дни, было немало умныхъ, видѣвшихъ свѣтъ людей; онъ, такимъ образомъ, имѣлъ возможность на фактахъ провѣрить свои теоріи. Уже съ дѣтства у Смита развилась страсть къ книгамъ, и подъ конецъ жизни у него составилась библіотека не менѣе, чѣмъ въ пять тысячъ томовъ; превосходная же память позволила ему такъ свободно распоряжаться этимъ громаднымъ матеріаломъ, что во всемъ «Богатствѣ Народовъ» мы лишь рѣдко можемъ встрѣтить сноску или ссылку на опредѣленное

[1]) Marshall, Principles of Economics, p. 58.

сочиненіе. Это-то обиліе удачныхъ примѣровъ—обиліе, которое нигдѣ, быть можетъ, такъ хорошо не замѣтно, какъ въ главѣ, трактующей о причинахъ различія въ размѣрахъ заработной платы и прибыли въ различныхъ отрасляхъ промышленности,—равно какъ обширное знакомство съ дѣйствительными фактами и его постоянныя ссылки на нихъ, и сообщили его труду такую привлекательность и длительный интересъ въ глазахъ практическихъ людей и дали теоретикамъ поводъ спорить о томъ, строилъ ли Смитъ свои теоріи, исходя изъ фактовъ, или пользовался фактами, чтобы иллюстрировать и провѣрять свои теоріи.

«Изслѣдованіе природы и причинъ богатства народовъ» состоитъ изъ краткаго введенія, въ которомъ излагается планъ всей работы, и пяти книгъ. Изъ нихъ двѣ первыя разсматриваютъ, главнымъ образомъ, тѣ вопросы, которые въ настоящее время спеціально разумѣются подъ именемъ «экономической теоріи». Въ первой главѣ предметомъ изслѣдованія являются «причины улучшеній» въ производительныхъ силахъ труда и «тотъ естественный порядокъ, согласно которому продуктъ распредѣляется между различными слоями и группами населенія»; во второй же главѣ Смитъ изслѣдуетъ «природу основного капитала» и «способъ, какимъ онъ постепенно накопляется», а также его «употребленіе», состоящее въ томъ, что онъ «приводитъ въ дѣйствіе различныя количества труда». Пользуясь современной экономической терминологіей, можно сказать, что эти двѣ книги даютъ теорію производства и распредѣленія богатства. Третья книга имѣетъ историческій характеръ и рисуетъ «различный ростъ богатства въ различныхъ странахъ». «Политика однихъ государствъ», замѣчаетъ Смитъ, «оказывала преимущественное покровительство сельской промышленности, въ другихъ странахъ—городской промышленности». Различныя системы политики, въ свою очередь, породили «различныя системы политической экономіи», и эти ложно понятыя теоріи онъ и изслѣдуетъ въ четвертой книгѣ. Смитъ подробно излагаетъ и подвергаетъ критикѣ «важнѣйшіе и опаснѣйшіе пріемы» меркантильной системы, «возвеличивавшей значеніе городской промышленности», и болѣе кратко выясняетъ «основную ошибку» той агрикультурной системы французскихъ физіократовъ, которая, «несмотря на всѣ свои несовершенства», все же «быть можетъ, наиболѣе близко подходила къ истинѣ», изо всего, что когда-либо «высказывалось по политико-экономическимъ вопросамъ». Въ пятой и заключительной книгѣ онъ разсматриваетъ «доходъ государя или государства» въ его отличіе отъ «дохода народныхъ массъ», разсматривавшагося во всѣхъ предшествовавшихъ главахъ.

Въ этой-то книгѣ онъ устанавливаетъ и выясняетъ тѣ четыре принципа обложенія, которые въ послѣдующее время всегда связывались съ его именемъ. Первый принципъ «равенства» требуетъ, чтобы «подданные каждаго государства облагались повинностями въ насколько возможно большемъ соотвѣтствіи съ ихъ относительной платежеспособностью, т. е. пропорціонально доходамъ, которыми они пользуются подъ охраной государства». Второй принципъ—принципъ «опредѣленности». Налогъ, который каждое лицо должно уплачивать, долженъ быть вполнѣ опредѣленъ, а не произволенъ. Время уплаты, способы уплаты, сумма, подлежащая уплатѣ—все должно быть вполнѣ опредѣленно и ясно какъ для плательщика, такъ и для всякаго другого лица». Согласно третьему принципу, принципу «удобства», «каждый налогъ долженъ взиматься въ такое время и въ такой формѣ, которыя, по всѣмъ вѣроятіямъ, являются наиболѣе удобными для плательщика». Четвертый и послѣдній принципъ можетъ быть названъ принципомъ «экономіи», ибо, согласно ему, «каждый налогъ долженъ быть построенъ такимъ образомъ, чтобы брать изъ кармана

у населенія какъ можно меньше сверхъ того, что онъ доставляетъ прямо въ государственное казначейство». Послѣдующіе писатели подвергли эти принципы подробному критическому разсмотрѣнію; но все же они оказались общепринятыми въ англійской теоріи и часто примѣнялись и въ англійской практикѣ.

Открывая свой трактатъ, А. Смитъ приводитъ богатство народовъ къ его первоначальному источнику, труду. «Ежегодный трудъ каждой націи», говоритъ онъ, «есть фондъ, который первоначально снабжаетъ ее всѣмъ тѣмъ необходимымъ и всѣми тѣми благами, которыя она ежегодно потребляетъ», а продуктъ этого труда зависитъ прежде всего отъ «искусства, ловкости и пониманія, съ какимъ трудъ обыкновенно примѣняется. Это приводитъ Смита къ разсмотрѣнію въ первой главѣ первой книги «раздѣленія труда», ибо значительнѣйшая часть искусства, ловкости и пониманія «явились», какъ можно думать, «результатомъ систематическаго приложенія названнаго принципа». Обработку этой темы Смитомъ одинъ современный писатель [1]) назвалъ недавно «непревзойденной» («unrivalled Exposition»), и она всегда занимала выдающееся мѣсто въ исторіи экономической науки. Поэтому, мы изслѣдуемъ ее съ нѣкоторой тщательностью, такъ какъ она даетъ типическую иллюстрацію метода Смита; вмѣстѣ съ тѣмъ мы убѣдимся, что она является удобнымъ введеніемъ къ нѣкоторымъ наиболѣе важнымъ и достойнымъ вниманія частямъ его остальной работы.

Съ характерной, вообще, для Смита высокой оцѣнкой значенія дѣйствительныхъ фактовъ, онъ выясняетъ природу раздѣленія труда, разсматривая, «какимъ образомъ оно примѣняется въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ производствахъ», и въ качествѣ примѣра, сдѣлавшагося съ тѣхъ поръ «классическимъ», беретъ «булавочное производство». Смитъ рисуетъ, какъ одинъ человѣкъ вытягиваетъ проволоку, другой выпрямляетъ ее, третій обрѣзываетъ, четвертый заостряетъ, пятый сплющиваетъ ее съ одного конца, чтобы надѣть головку», какъ «изготовленіе головки требуетъ двухъ или трехъ различныхъ операцій», какъ «надѣваніе ея составляетъ самостоятельное знаніе, точно такъ же какъ и побѣлка», какъ «даже упаковка булавокъ въ бумагу сдѣлалась особой спеціальностью», и какъ «слѣдовательно, столь несложное, повидимому, производство, какъ булавочное, разбивается на почти восемнадцать самостоятельныхъ операцій, которыя въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ выполняются каждая отдѣльнымъ рабочимъ, хотя въ другихъ одинъ человѣкъ выполняетъ иногда двѣ и три изъ нихъ». Смитъ указываетъ различныя формы признанія, которое нашелъ въ исторіи принципъ раздѣленія труда. «Отдѣленіе различныхъ промысловъ и занятій другъ отъ друга», начавшееся «при выходѣ общества изъ грубаго состоянія и достигшее наибольшаго развитія въ тѣхъ странахъ, гдѣ промышленность и прогрессъ сдѣлали наибольшіе успѣхи»—одинъ изъ методовъ проведенія этого принципа въ жизнь. Другой методъ—раздѣленіе между значительнымъ числомъ рукъ того труда, который «необходимъ для изготовленія полнаго продукта», напр. при производствѣ полотна или платья, трудъ распредѣляется между цѣлымъ рядомъ лицъ, начиная съ «земледѣльцевъ, засѣвающихъ ленъ, и кончая бѣлильщиками и гладильщиками полотна въ первомъ случаѣ, и съ овцеводовъ вплоть до красильщиковъ и заготовщиковъ платья—во второмъ. Въ самомъ дѣлѣ», замѣчаетъ Смитъ, «безъ помощи и кооперації [2]) многихъ тысячъ другихъ людей самый простой человѣкъ въ цивилизованномъ обществѣ не могъ бы быть снабженъ необходимымъ для него даже въ той, яко бы небольшой мѣрѣ, въ какой онъ обыкновенно обслуживается».

---

[1]) Jngram's History of Political Economy, p. 94.

[2]) Курсивъ мой. Авторъ.

Позднѣйшіе изслѣдователи немногое прибавили къ описанію Смита. Были, правда, установлены взаимная связь и различіе, которыхъ Смитъ не выразилъ ясно, и экономисты стали пользоваться терминомъ «простая кооперація» для обозначенія того, что происходитъ, когда нѣсколько человѣкъ помогаютъ другъ другу въ одномъ дѣлѣ, работая вмѣстѣ «въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же мѣстѣ и совершенно одинаковымъ образомъ», какъ, напр., при рубкѣ деревьевъ или при греблѣ веслами,— и «сложная кооперація» для выраженія того, что происходитъ, когда нѣсколько человѣкъ помогаютъ другъ другу, выполняя различныя функціи. Послѣдняя форма и извѣстна, главнымъ образомъ, подъ именемъ раздѣленія труда, и современная система промышленности развила ее гораздо дальше, чѣмъ можно было наблюдать въ эпоху А. Смита. Напр., организація, существующая внутри какой-нибудь отдѣльной фабрики, гораздо болѣе сложна, чѣмъ это могло быть при домашней системѣ. Начиная съ предпринимателя и кончая мальчикомъ, который служитъ на посылкахъ, принципъ раздѣленія труда находитъ себѣ систематическое примѣненіе. Раздѣленіе промысловъ и занятій въ свою очередь пошло значительно дальше, и въ настоящее время отдѣльныя отрасли одного производства такъ же разграничены между собою, какъ въ прошлыя времена были разграничены самыя производства.

По, несмотря на эти измѣненія и успѣхи, сдѣланный Смитомъ анализъ выгодъ, доставляемыхъ этой системой, остается по существу совершенно правильнымъ, съ небольшими дополненіями онъ и теперь можетъ разсматриваться, какъ вполнѣ отвѣчающій дѣйствительности. Эти выгоды троякаго рода. Первая—«увеличеніе ловкости и искусства въ каждомъ отдѣльномъ рабочемъ». «Раздѣленіе труда», замѣчаетъ Смитъ, «сводя дѣятельность каждаго рабочаго къ одной единственной операціи и дѣлая изъ этой операціи единственное занятіе въ его жизни, по необходимости значительно увеличиваетъ искусство рабочаго». По его словамъ, онъ видѣлъ небольшую булавочную мастерскую, гдѣ были заняты даже не полные восемнадцать, а лишь десять человѣкъ. И какъ они ни были «бѣдны и плохо снабжены необходимыми инструментами», все же, примѣняя принципъ раздѣленія труда, они могли вырабатывать въ день около двѣнадцати футовъ или свыше сорока восьми тысячъ булавокъ. Можно сказать, слѣдовательно, что каждый изъ нихъ вырабатывалъ свыше четырехъ тысячъ восьмисотъ булавокъ; но если бы они работали отдѣльно и независимо другъ отъ друга, каждый изъ нихъ безъ сомнѣнія не сдѣлалъ бы и двадцати, а можетъ быть, и одной булавки въ день.

Эта выгода раздѣленія труда получила впослѣдствіи любопытное подтвержденіе [1]). Привычка, говорятъ, вторая природа; и физіологія свидѣтельствуетъ, что, если какой-либо актъ совершается въ первый разъ, то чувствительные нервы глаза и руки «посылаютъ извѣстія въ мозгъ», чтобы освѣдомить его о положеніи дѣлъ. Мозгъ начинаетъ работать и посылаетъ инструкціи черезъ посредство «проводящихъ» нервовъ руки. Но, если актъ повторяется нѣсколько разъ, то между «чувствительнымъ» и «проводящимъ» нервомъ возникаетъ автоматическая связь, и актъ проходитъ безъ участія сознанія. «Привычка—вторая природа», и благодаря этому мозгъ можетъ или запяться другимъ дѣломъ, или оставаться въ покоѣ и быть готовымъ приступить свѣжимъ къ работѣ, когда подневольный трудъ законченъ. Въ извѣстномъ смыслѣ возможно даже дѣлать одновременно два дѣла.

Раздѣленіе труда у в е л и ч и в а е т ъ, такимъ образомъ, искусство (этотъ

---

[1]) Ср. Marshall,s Principles of Economics Bk. IV, Chap. IX.

пунктъ остается незамѣченнымъ А. Смитомъ и былъ выдвинутъ лишь Чарльзомъ Беббеджомъ [1]). Если бы всѣ дѣйствія, необходимыя для производства какого-либо предмета, выполнялись однимъ лицомъ, это лицо «должно было бы обладать достаточнымъ искусствомъ, чтобы выполнить самыя трудныя, и достаточной силой, чтобы выполнить самыя тяжелыя операціи, на которыя разбивается работа». Но, если примѣнить принципъ раздѣленія труда, то каждый отдѣльный видъ искусства и силы можетъ непрерывно и исключительно прилагаться къ той работѣ, которая ему наиболѣе подходитъ.

Правда, исключительное сосредоточеніе человѣка на одной какой-нибудь спеціальной дѣятельности можетъ породить извѣстныя невыгодныя послѣдствія, и А. Смитъ недостаточно подробно на нихъ остановился; но въ то время, когда онъ писалъ, они лишь едва начинали давать о себѣ знать. Раздѣленіе и подраздѣленіе труда можетъ сдѣлать для рабочаго весьма затруднительнымъ полученіе занятія въ другомъ производствѣ, если его собственное перестанетъ его кормить. Вѣдь рабочій не можетъ развить въ себѣ спеціальные навыки и спеціальное искусство для всѣхъ производствъ. Но, съ другой стороны, благодаря раздѣленію труда переходъ отъ одной изъ многихъ вѣтвей, на которыя въ настоящее время дѣлится производство, къ свободнымъ вѣтвямъ въ другомъ производствѣ можетъ оказаться легче, чѣмъ переходъ въ прежнія времена отъ одного производства къ другому. Напримѣръ, къ концу Сѣверо-Американской гражданской войны одна ружейная фабрика была преобразована въ мастерскую для изготовленія швейныхъ машинъ [2]).

Опять-таки указывалось,—и А. Смитъ отмѣчаетъ это возраженіе въ другой части своей книги,—что раздѣленіе труда дѣлаетъ трудъ каждаго рабочаго монотоннымъ. Но, хотя трудъ отдѣльнаго лица въ цивилизованныхъ странахъ и монотоненъ, «въ занятіяхъ всего общества наблюдается почти безконечное разнообразіе». Въ самомъ дѣлѣ, если трудъ даннаго лица исключительно мускульный, то монотонность, безъ сомнѣнія, является весьма серьезнымъ зломъ; но, если онъ сравнительно легокъ и интеллектуальнаго характера, то зло ужъ вовсе не такъ велико. А раздѣленіе труда, безъ сомнѣнія, стремится къ уменьшенію размѣровъ чисто мускульнаго труда, такъ какъ допускаетъ въ самой широкой мѣрѣ замѣну его машиннымъ.

А. Смитъ заявляетъ, что «изобрѣтеніемъ всѣхъ тѣхъ машинъ, которыя такъ сильно облегчили и сократили трудъ, мы первоначально обязаны, повидимому, раздѣленію труда». Постоянное занятіе опредѣленнымъ видомъ труда и сосредоточеніе на немъ вниманія должны привести, по мнѣнію Смита, «къ открытію легчайшихъ и скорѣйшихъ способовъ» достиженія результатовъ этого труда. «Въ началѣ при паровыхъ машинахъ находился всегда мальчикъ, который поперемѣнно долженъ былъ открывать и закрывать сообщеніе между котломъ и цилиндромъ соотвѣтственно тому, подымался ли или опускался поршень. Одинъ изъ такихъ мальчиковъ, любившій поиграть съ своими товарищами, замѣтилъ, что, если привязать веревку отъ ручки клапана, открывавшаго это сообщеніе, къ другой части машины, то клапанъ будетъ открываться и закрываться безъ его помощи и позволитъ ему на полной свободѣ бѣгать съ своими сверстниками». И этого намека оказалось достаточно, чтобы въ машинѣ было произведено

---

[1]) Беббеджъ издалъ въ 1832 г. книгу On the Economy of Machinery and Manufacture Cp. Sec 168.

[2]) Cf. Marshall,s Economics of Industry, Bk. IV, ch. IX. Проф. Маршалль указываетъ въ своихъ Principles of Economics p. 338, что пользованіе машинами приводитъ къ возрастанію спроса на о б щ і я качества интеллигентности и умственнаго развитія.

«одно изъ величайшихъ усовершенствованій». Сходнымъ образомъ были созданы и многія другія улучшенія, которыя, будучи взяты въ отдѣльности могутъ показаться незначительными, но въ своей совокупности могутъ привести къ преобразованію машины. «Многими изобрѣтеніями», правда, обязаны мы также «и проницательности строителей машинъ, а иными тѣмъ лицамъ, которые именуются философами или людьми умозрѣнія, и главное занятіе которыхъ состоитъ не въ томъ, чтобы дѣлать что-нибудь, а въ томъ, чтобы все наблюдать». Но и въ обоихъ этихъ случаяхъ, какъ и въ приведенномъ выше, результатъ можетъ быть приписанъ раздѣленію труда; вѣдь, въ согласіи съ этимъ принципомъ отдѣльные виды занятій отдѣляются другъ отъ друга, и «изготовленіе машинъ» становится «особой спеціальностью»; равнымъ образомъ «съ прогрессомъ общества философія или спекуляція становится, подобно всякой другой профессіи, важнѣйшимъ или даже единственнымъ занятіемъ или промысломъ небольшого разряда людей».

Введеніе усовершенствованныхъ машинъ можетъ быть приписано раздѣленію труда еще и на другомъ основаніи. Въ числѣ выгодъ, доставляемыхъ примѣненіемъ этой системы, Смитъ указываетъ также на «экономію времени, которое обыкновенно теряется при переходѣ отъ одного рода занятій къ другому». «Невозможно», говоритъ онъ, «быстро перейти отъ одной работы къ другой, если послѣдняя выполняется въ совершенно иномъ мѣстѣ и съ помощью совершенно иныхъ орудій»; и даже «если оба вида работы могутъ быть выполнены въ одномъ и томъ же рабочемъ помѣщеніи», то и тогда «потеря времени», хотя безъ сомнѣнія и меньшая, все же «весьма значительна», ибо «всякій человѣкъ обыкновенно нѣсколько медлитъ, переходя отъ одного занятія къ другому». Послѣдующіе писатели показали, однако, что здѣсь возможна и другая точка зрѣнія. «Перемѣна занятія», говоритъ Милль, «доставляетъ часто нѣкоторый отдыхъ, да кромѣ того, привычка быстро переходить отъ одного занятія къ другому можетъ быть пріобрѣтена». Но, въ общемъ, мы можемъ все же сказать, что и здѣсь, какъ и въ другихъ пунктахъ, послѣдующее развитіе экономической науки имѣло тенденцію подкрѣпить и расширить теоріи Смита.

Къ сбереженію времени, которое теряется при переходѣ отъ одного занятія къ другому, мы можемъ теперь прибавить сбереженіе времени, затрачиваемаго на изученіе промысла, если знакомишься не со всѣмъ производствомъ, а лишь съ частью его. Это можетъ конечно показаться сомнительной выгодой, но ужъ никакое сомнѣніе невозможно относительно выгодности того сбереженія времени, которое имѣетъ мѣсто при ознакомленіи съ техническими изобрѣтеніями и усовершенствованіями, если производства локализованы въ отдѣльныхъ округахъ. Не можетъ также подлежать сомнѣнію, что раздѣленіе труда приводитъ къ сокращенію времени, которое теряется вслѣдствіе того, что машины стоятъ въ бездѣйствіи, и что, слѣдовательно, введеніе и распространенность машиннаго производства зависятъ въ значительной степени отъ размѣровъ, въ которыхъ примѣняется этотъ принципъ. Это ясно, если принять во вниманіе, что употребленіе машинъ выгодно лишь, когда выполняются однообразныя операціи, которыя часто повторяются, такъ какъ каждая спеціальная машина можетъ выполнять одну опредѣленную работу. Распространенность машинъ зависитъ далѣе, подобно раздѣленію труда, отъ размѣровъ рынка [1]).

Раздѣленіе труда, какъ видѣлъ Смитъ, предполагало наличность извѣстныхъ условій. Оно требовало свободы труда и свободы обмѣна. Каждый человѣкъ долженъ имѣть возможность безъ стѣснительнаго вмѣшательства закона объ осѣдлости, статута объ ученичествѣ или «исключи-

[1]) Сеніоръ указываетъ (Political Economy) на экономію, которая происходитъ отъ того

тельныхъ привилегій корпорацій» заниматься тѣмъ трудомъ, къ которому онъ наиболѣе пригоденъ; онъ долженъ также быть въ состояніи достать отъ другихъ людей всѣ необходимые ему предметы путемъ свободнаго обмѣна на блага, которыя онъ произвелъ,—въ противномъ случаѣ онъ умеръ бы отъ недостатка необходимаго для жизни. Чѣмъ дальше проведена эта свобода обмѣна, тѣмъ больше вѣроятія, что будетъ существовать достаточный спросъ на продукты, изготовляемые каждымъ отдѣльнымъ индивидомъ, такъ что его исключительное занятіе однимъ дѣломъ станетъ и выгоднымъ и прочнымъ. Раздѣленіе труда, слѣдовательно, ограничивается размѣрами рынка. «Въ одинокихъ фермахъ и очень небольшихъ деревняхъ горной Шотландіи», замѣчаетъ Смитъ, «каждый фермеръ долженъ быть и мясникомъ, и пекаремъ, и пивоваромъ для своей семьи»; а исторія торговли показываетъ, что «на морскомъ берегу и вдоль судоходныхъ рѣкъ», доставлявшихъ въ раннія времена болѣе обширныя и лучшія средства сообщенія, чѣмъ суша, «вполнѣ естественно впервые начинаетъ дифференцироваться и улучшаться всякаго рода промышленность».

Эти соображенія привели Смита къ изслѣдованію механизма рынковъ и различныхъ методовъ обмѣна, практиковавшихся какъ въ первобытномъ обществѣ, такъ и на болѣе высокихъ ступеняхъ общественнаго развитія. Въ раннія времена существовалъ лишь прямой обмѣнъ или непосредственный обмѣнъ однихъ благъ на другія; но по мѣрѣ того, какъ развивалось раздѣленіе труда, и люди перестали сами потреблять все, что они произвели, и производятъ сами все, что они потребляли,-система непосредственнаго обмѣна «должна была часто встрѣчать въ своемъ дѣйствіи очень значительныя помѣхи и неудобства».

Прежде всего нужно было «совпаденіе потребностей». «У мясника», напримѣръ, пишетъ А. Смитъ, «въ лавкѣ больше мяса, чѣмъ самъ онъ въ состояніи потребить, а пивоваръ и булочникъ охотно бы купили часть его; но въ обмѣнъ они ничего не могутъ предложить, кромѣ различныхъ продуктовъ своего спеціальнаго труда, мясникъ же запасся уже всѣмъ хлѣбомъ и всѣмъ пивомъ, въ которомъ онъ непосредственно нуждается. Въ этомъ случаѣ между ними не можетъ состояться никакого обмѣна. Онъ не можетъ сдѣлаться ихъ купцомъ, а они—его покупателями». «Для избѣжанія такихъ неудобныхъ положеній всякій разумный человѣкъ, въ какую бы то ни было эпоху общественнаго развитія послѣ того, какъ установилось раздѣленіе труда, долженъ естественно стремиться такимъ образомъ устраивать свои дѣла, чтобы во всякое время имѣть у себя, кромѣ спеціальныхъ продуктовъ своего производства, еще нѣкоторое количество тѣхъ или другихъ благъ, относительно которыхъ онъ полагаетъ, что лишь очень немногіе люди откажутся обмѣнять на нихъ продукты своего производства».

«Разнообразнѣйшіе продукты», продолжаетъ Смитъ, «употреблялись для этой цѣли въ различныя времена». «Въ варварскую эпоху скотъ былъ, какъ говорятъ, обычнымъ орудіемъ торговаго обмѣна», хотя, добавляетъ Смитъ, «онъ долженъ былъ выполнять эту функцію весьма неудовлетворительно». Въ его собственные дни, по разсказамъ путешественниковъ, въ Абиссиніи пользовались для этой цѣли солью; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на берегу Индіи—раковинами; въ Нью-Фаундлендѣ—сушеной рыбой; въ Виргиніи—табакомъ; въ нѣкоторыхъ изъ англійск. Вестъ-Индскихъ колоній—сахаромъ; въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ—шкурами или выдѣланными кожами. «Но неотразимыя по своей убѣдительности соображенія заставили

что „усилія, необходимыя, чтобы произвести одинъ опредѣленный результатъ, часто бываютъ достаточны, чтобы произвести и сотню и тысячу такихъ же точно результатовъ“; въ качествѣ примѣра онъ приводитъ „доставку писемъ“ черезъ посредство почтовыхъ учрежденій.

подъ конецъ повсюду отдать предпочтеніе металламъ». Металлъ не только прочнѣе, чѣмъ любой другой предметъ, онъ точно также гораздо легче допускаетъ дѣленіе «на любое число частей», и это свойство, болѣе, чѣмъ какое другое, дѣлаетъ металлъ пригоднымъ къ тому, чтобы быть орудіемъ торговаго оборота и обмѣна. Въ различныхъ странахъ употреблялись различные металлы—желѣзо въ Спартѣ, мѣдь у древнихъ римлянъ, «золото и серебро у всѣхъ богатыхъ и торговыхъ народовъ» въ виду того, что благодаря своей «полезности, красотѣ и рѣдкости» они содержатъ въ небольшомъ кускѣ весьма значительную цѣнность. Въ началѣ, однако, металлы употреблялись, повидимому, въ формѣ «грубыхъ, необдѣланныхъ кусковъ, не подвергаясь чеканкѣ и штемпелеванію», но впослѣдствіи началъ налагаться «общественный штемпель», чтобы засвидѣтельствовать прежде всего доброкачественность, а затѣмъ вѣсъ содержащагося въ монетѣ металла.

Такова, въ общихъ чертахъ, развитая Смитомъ теорія «происхожденія и употребленія денегъ», и исходя изъ нея, Смитъ показываетъ, какъ деньги сдѣлались «у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ всеобщимъ орудіемъ торговаго оборота, при содѣйствіи котораго всякаго рода предметы покупаются и продаются, или обмѣниваются другъ на друга». Такимъ образомъ, деньги являются, пользуясь техническимъ языкомъ экономическихъ учебниковъ, «посредникомъ въ обмѣнѣ» или «орудіемъ обмѣна».

Но въ этихъ учебникахъ мы находимъ, также указаніе на вторую функцію денегъ, являющуюся слѣдствіемъ первой и устраняющую второе неудобство системы непосредственнаго обмѣна. «Когда прямой обмѣнъ прекратился», пишетъ А. Смитъ, «и деньги сдѣлались всеобщимъ орудіемъ торговаго оборота, каждая отдѣльная потребительная цѣнность, каждая вещь обмѣнивается гораздо чаще на деньги, чѣмъ на другую вещь». А «отсюда происходитъ, что мѣновая цѣнность каждой вещи опредѣляется гораздо чаще количествомъ денегъ, чѣмъ количествомъ труда или какого-либо другого блага, которое можетъ быть получено въ обмѣнъ на него». Деньги являются, поэтому, не только «посредникомъ обмѣна», но и «мѣрою цѣнности», и это ихъ употребленіе устраняетъ неудобство, присущее системѣ непосредственнаго обмѣна: «затруднительность» опредѣленія того, какая пропорція между обмѣниваемыми предметами должна быть положена въ основу обмѣна.

Въ обоихъ этихъ важныхъ отношеніяхъ употребленіе денегъ сильно облегчаетъ обмѣнъ экономическихъ благъ, и А. Смитъ весьма убѣдительно показалъ это. Но съ неменьшею тщательностью старался онъ опредѣлить дѣйствительную природу того, что въ этой области было осуществлено въ жизни, и его слава покоится въ значительной степени на выясненіи ошибочности мѣръ, къ которымъ привело неправильное пониманіе разсматриваемаго нами вопроса. Смитъ видѣлъ, что деньги очень удобное «орудіе торговаго оборота», и что ими обыкновенно опредѣляется богатство. «О богатомъ человѣкѣ мы говоримъ», замѣчаетъ Смитъ, «что у него очень много денегъ, а о бѣдномъ, что у него мало денегъ». Но отсюда Смитъ не дѣлалъ того вывода, который считалъ опасной ошибкой меркантильной системы; и его энергичная защита свободы промышленности основывалась, можно сказать, съ одной стороны, на выводахъ, которые онъ извлекъ изъ анализа раздѣленія труда, а съ другой—на выработанномъ имъ представленіи о функціяхъ денегъ.

Различіе между системой непосредственнаго обмѣна и системой денежнаго обмѣна можетъ быть сведено къ слѣдующему. При первой системѣ экономическія блага обмѣниваются прямо на другія блага; вторая система предполагаетъ посредничество «другой потребительной цѣнности»; здѣсь одни блага обмѣниваются сначала на деньги, а затѣмъ деньги на другія

блага. Легкость совершенія обмѣна безконечно возросла; вѣдь, всякій охотно возьметъ деньги въ обмѣнъ за продукты, зная, что онъ всегда въ обмѣнъ за деньги сможетъ получить какіе угодно продукты; кромѣ того, всѣ связанныя съ обмѣномъ вычисленія становятся значительно легче, когда приходится сравнивать между собою цѣны различныхъ продуктовъ, а не самые продукты, какъ происходило раньше при каждомъ отдѣльномъ мѣновомъ актѣ. Но по существу дѣло отъ этого нисколько не измѣнилось: все еще оставался обмѣнъ однихъ предметовъ на другіе. Самые разнообразные продукты служили въ прошлыя времена цѣли, которую нынѣ выполняютъ металлы, а золото и серебро сами были такіе же продукты, какъ и всѣ остальные. Они измѣнялись въ своей «цѣнности», были «иногда дешевле, иногда дороже», «купить ихъ было иногда легче, иногда труднѣе»; вмѣстѣ со всѣми другими продуктами, они «обнаруживали естественную тенденцію бѣжать съ худшаго рынка на лучшій».

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они, можно даже сказать, стоятъ ниже, чѣмъ другіе продукты. «Золотыя и серебряныя деньги въ странѣ», весьма удачно и образно замѣчаетъ Смитъ, «можно сравнить съ большой дорогой, которая несетъ и переправляетъ на рынокъ всю траву и весь хлѣбъ изъ деревни, но сама не производитъ ни того, ни другого». Золото и серебро, замѣчаетъ Смитъ, «были въ этой роли весьма полезны, какъ «прекрасное, хотя и дорого стоющее орудіе торговаго оборота», но, пока они выполняютъ эту функцію, ими нельзя воспользоваться ни для какой другой цѣли; лишь, разставшись съ ними, можно получить дѣйствительные средства потребленія. «Единственное назначеніе денегъ—облегченіе циркуляціи предметовъ потребленія». «Деньги необходимо бѣгутъ за предметами потребленія, но предметы потребленія не всегда и не по необходимости бѣгутъ за деньгами. Покупатель не всегда имѣетъ въ виду въ свою очередь продать покупаемую теперь вещь; онъ часто намѣревается пользоваться ею. Напротивъ, продавецъ всегда думаетъ о томъ, чтобы вновь что-нибудь купить. Тотъ, кто покупаетъ, выполняетъ этимъ часто все свое дѣло, но тотъ, кто продаетъ, никогда не можетъ выполнить этимъ актомъ болѣе, чѣмъ половину того, что имѣетъ въ виду. Не ради самихъ денегъ люди стремятся къ деньгамъ, а ради того, что на деньги можно купить». «Великое колесо торговаго оборота совершенно отлично отъ тѣхъ благъ, которыя съ помощью его оборачиваются».

Защита Адамомъ Смитомъ свободы торговли покоится на этомъ представленіи о функціи денегъ, въ связи, какъ мы уже выше замѣтили, съ вѣрою въ выгоды раздѣленія труда. Во всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ главахъ четвертой книги, въ которыхъ онъ съ неутомимой настойчивостью сводитъ къ ихъ источнику всѣ разнообразные ошибочные доводы, приводившіеся въ защиту «вредныхъ и несправедливыхъ мѣропріятій» меркантильной системы,—доказательство покоится, можно сказать, на этихъ двухъ основаніяхъ. Новѣйшіе писатели упрекали его за его «космополитизмъ»; и, дѣйствительно, не подлежитъ сомнѣнію, что, согласно его твердому и неоднократно высказывавшемуся имъ убѣжденію, выгоды раздѣленія труда нисколько не перестаютъ быть реальными, когда націи занимаютъ на экономической аренѣ мѣсто дѣйствующихъ лицъ, и что то положеніе, согласно которому деньги ни больше, ни меньше, какъ удобное средство торговаго оборота, нисколько не теряетъ въ своей правильности, когда обмѣнивающіяся стороны принадлежатъ не къ одной, а къ различнымъ націямъ. «Если бы всѣ государства», пишетъ Смитъ, «слѣдовали либеральной системѣ свободнаго вывоза и свободнаго ввоза, то различныя государства, на которыя дѣлится великій континентъ, въ такой же мѣрѣ походили бы на различныя провинціи одной великой имперіи».

Выгоды раздѣленія труда не переставали, слѣдовательно, по его мнѣнію, дѣйствовать съ переходомъ черезъ, географическія границы данной народности. Націи, подобно отдѣльнымъ лицамъ, обладаютъ различными выгодными особенностями,—естественными или пріобрѣтенными, обусловленными положеніемъ, почвой, климатомъ, или возникшими благодаря долгой практикѣ или унаслѣдованной способности,—которыя дѣлаютъ ихъ особенно пригодными къ производству именно даннаго рода продуктовъ. Раздѣленіе труда между отдѣльными рабочими, промыслами, мѣстностями, приводитъ къ увеличенію искусства и сбереженію времени; сходныя послѣдствія имѣли бы мѣсто и при раздѣленіи труда между народами. И та и другая сторона оказались бы въ выгодѣ при свободномъ обмѣнѣ продуктами, къ производству которыхъ каждая изъ нихъ наиболѣе пригодна.

Доводы въ пользу свободы торговли, можно сказать, еще до настоящаго времени покоятся на томъ основаніи, на которомъ А. Смитъ открыто или въ нѣсколько замаскированной формѣ строилъ свою защиту. Можно, правда, замѣтить, что аналогія между націями и отдѣльными лицами требуетъ многихъ поправокъ и улучшеній. Далѣе можно указать—и А. Смитъ самъ призналъ нѣкоторую основательность за этимъ аргументомъ,—что, поскольку продолжительная практика или унаслѣдованная способность являются источникомъ выгодъ, политика, охраняющая борющіяся производства, можетъ сдѣлать для молодой страны болѣе вѣрнымъ достиженіе полной независимости и промышленной зрѣлости, если только покровительство въ подходящій моментъ будетъ устранено. А съ другой стороны, тѣ невыгодныя послѣдствія, которыя могутъ возникнуть при примѣненіи раздѣленія труда между отдѣльными лицами, вовсе не связаны въ такой же мѣрѣ или въ такой же формѣ съ раздѣленіемъ труда между народами. Уже сама по себѣ отдаленность производства отъ мѣста сбыта продуктовъ создаетъ нѣчто въ родѣ «естественнаго покровительства» мѣстнымъ производителямъ тѣхъ продуктовъ, которые не допускаютъ легкой и дешевой перевозки изъ иностранныхъ государствъ. Кромѣ того, нація въ цѣломъ никогда не можетъ быть такой односторонней, а ея трудъ такимъ монотоннымъ, какъ это можетъ имѣть мѣсто для отдѣльныхъ индивидовъ.

Но къ какому бы выводу мы ни пришли относительно значенія доводовъ Смита въ этой ихъ части, гдѣ самъ Смитъ скорѣе заставляетъ насъ догадываться о его воззрѣніяхъ, чѣмъ выражаетъ ихъ ясно [1]),—у насъ не можетъ возникнуть вопроса объ отношеніи, которое имѣетъ другая часть его теоріи къ волнующимъ наше время проблемамъ. Тотъ фактъ, что торговля является по существу обмѣномъ однихъ предметовъ на другіе, будучи разъ понятъ, не можетъ серьезно оспариваться; а выводъ, сдѣланный отсюда А. Смитомъ, что народъ долженъ оплатить свой импортъ своимъ экспортомъ, совершенно неустранимъ. Способъ уплаты, допускаетъ Смитъ, можетъ быть непрямой и замаскированный, а срокъ ея отложенъ на время. Но въ конечномъ счетѣ продукты, которые нація импортировала изъ другихъ странъ, должны быть получены въ обмѣнъ за продукты, которые она экспортировала. Часть этого экспорта или часть этого импорта можетъ, правда, принять форму денегъ или металла въ слиткахъ, но если бы какая-либо нація была подобна Великобританіи и не добывала сама драгоцѣнныхъ металловъ въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ, то она могла бы достать необходимыя деньги лишь путемъ предшествовавшаго вывоза другихъ продуктовъ, и во всякомъ случаѣ движе-

---

[1]) Полковникъ Торренсъ (1780—1864 г.), написавшій нѣсколько этюдовъ и памфлетовъ по экономическимъ вопросамъ, характеризуетъ международную торговлю, какъ «территоріальное раздѣленіе труда».

210407
Центральная университет Российской Федерации» БИБЛИОТЕКА

ніе металла въ слиткахъ было бы очень невелико въ сравненіи съ транспортомъ товаровъ и никогда не имѣло бы мѣста, какъ только бы представлялась возможность избѣжать сго безъ особенныхъ неудобствъ. Каждый купецъ «естественно» «напрягаетъ всю свою изобрѣтательную способность на то, чтобы найти возможность расплатиться съ своими иностранными долгами скорѣе посредствомъ вывоза продуктовъ, чѣмъ посредствомъ вывоза золота и серебра.

Меркантильная система, на которую А. Смитъ нападалъ, какъ на представительницу ошибочныхъ взглядовъ, господствовавшихъ тогда относительно денегъ и иностранной торговли, подвергалась, правда, иногда лжетолкованію; и это лжетолкованіе имѣло своимъ источникомъ отчасти ту безпощадную борьбу, которую велъ съ меркантилизмомъ Смитъ. Позднѣйшія изслѣдованія показали, что система меркантилизма имѣетъ нѣкоторое оправданіе въ условіяхъ ея возникновенія, за что ея безотвѣтственные сторонники проводили ее въ жизнь въ гораздо болѣе крайней формѣ, чѣмъ того могли бы желать ея идейные творцы [1]). Нѣкоторые изъ аргументовъ, выставленныхъ ея защитниками, по признанію самого Смита заслуживаютъ вниманія, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ они были и «отчасти софистичны». Эти сторонники меркантилизма не одобряли, напр., положительнаго запрещенія вывоза золота и серебра. Свое вниманіе они обращали скорѣе на «торговый балансъ». Но въ цѣломъ система благопріятствовала, повидимому, представленію, что деньги—главная форма богатства, и что національное богатство состоитъ въ обиліи золота и серебра, и несомнѣнно поддерживала ту идею, что народъ не можетъ достигнуть дѣйствительнаго экономическаго процвѣтанія, если только въ «торговомъ балансѣ» притокъ драгоцѣнныхъ металловъ въ общемъ итогѣ не превышаетъ ихъ вывоза, и что для обезпеченія «благопріятнаго баланса» экспортъ продуктовъ долженъ быть выше ихъ импорта; для достиженія этой цѣли экспортъ долженъ былъ поощряться преміями, а импортъ задерживаться пошлинами, хотя послѣднія и не должны были налагаться на сырой матеріалъ, необходимый для мануфактуръ.

А. Смитъ выступилъ противъ этихъ положеній съ выясненіемъ истинныхъ функцій денегъ и дѣйствительной природы обмѣна. Деньги—продуктъ, который, подобно всякому другому продукту, будетъ направляться туда, гдѣ въ немъ, главнымъ образомъ, ощущается нужда, и всѣ поощренія къ ихъ ввозу совершенно ненужны, равно какъ и всякія стѣсненія ихъ вывоза должны оказаться, въ концѣ концовъ, совершенно тщетными. «Страна, которая будетъ имѣть, чѣмъ купить золото и серебро, никогда не будетъ нуждаться въ этихъ металлахъ», а «въ виду ихъ относительно небольшого размѣра и высокой цѣнности никакіе другіе продукты не допускаютъ такой легкой перевозки съ одного мѣста въ другое». Меркантильная система, въ дѣйствительности, мѣшала осуществленію своей собственной цѣли. Ибо, разъ гдѣ установился бы на долгое время «благопріятный» торговый балансъ и экспортъ превышалъ бы импортъ, то приливъ металла понизилъ бы его цѣнность и поднялъ бы цѣны продуктовъ. А это породило бы стремленіе выписывать изъ за-границы скорѣе продукты, чѣмъ деньги, чтобы использовать высокія цѣны; и наоборотъ, за-границу стали бы высылаться скорѣе не продукты, а деньги, которыя тамъ сравнительно рѣдки, а потому и болѣе цѣнны... Равнымъ образомъ, деньги не являются и наиболѣе желательной формой богатства. «Было бы въ самомъ дѣлѣ слишкомъ смѣшно серьезно доказывать, что богатство не состоитъ въ деньгахъ или въ золотѣ и серебрѣ, а въ томъ, что можно купить на деньги, которыя потому лишь и

[1]) Какъ, напр., Томасъ Менъ и Джозія Чальдъ, писавшіе въ XVII ст.

цѣнны, что даютъ возможность покупать продукты». «Нужно помнить, что золото и серебро, въ формѣ ли монетъ или въ видѣ слитковъ, являются лишь орудіями или приборами для достиженія опредѣленной цѣли, подобно, напр., кухоннымъ приборамъ», и «думать достигнуть увеличенія богатства въ странѣ, ввозя въ нее или удерживая въ ней ненужное количество золота и серебра, такъ же нелѣпо, какъ пытаться улучшить столъ какой-либо семьи, обязывая ее держать ненужное количество кухонныхъ приборовъ».

Въ этихъ вопросахъ выводы Смита имѣютъ и въ настоящее время такое же жизненное значеніе, какъ и тогда, когда они были впервые высказаны. Доводы современныхъ протекціонистовъ такъ же обыкновенно запечатлѣны нѣкоторымъ ошибочнымъ представленіемъ о деньгахъ и торговомъ оборотѣ, какъ и у былыхъ сторонниковъ меркантильной системы, хотя теперь это скрывается, быть можетъ, болѣе искусно. И въ наши дни мы видимъ то же нежеланіе признать, что торговля, по существу, является обмѣномъ однихъ продуктовъ на другіе, что покупка предполагаетъ продажу, что при употребленіи денегъ человѣкъ, продающій продукты за деньги, въ дѣйствительности, покупаетъ деньги на продукты, а человѣкъ, покупающій продукты на деньги, въ дѣйствительности продаетъ деньги за продукты, что и народъ такимъ же образомъ платитъ за свой импортъ экспортомъ, что деньги составляютъ «незначительную» часть этого импорта и экспорта и «естественно» текутъ туда, гдѣ въ нихъ имѣется нужда, и что страна, не производящая драгоцѣнныхъ металловъ, должна добывать ихъ себѣ путемъ предшествующаго экспорта другихъ продуктовъ.

Въ наши дни факты, правда, менѣе ясны и болѣе сложны; они, поэтому, могутъ легче ввести въ заблужденіе. Англія, напр., обладаетъ широко развитой промышленностью, и ея морской транспортъ представляетъ собой, въ дѣйствительности, громадный по своей цѣнности вывозъ капитала и труда. Но онъ не фигурируетъ въ статистикѣ экспорта, а между тѣмъ возмѣщеніе его должно, несомнѣнно, указываться въ импортѣ. Далѣе, Англія ссудила и продолжаетъ ссужать громадные капиталы иностраннымъ государствамъ. Этотъ капиталъ, отправляясь за-границу, увеличиваетъ экспортъ, а проценты съ него изъ года въ годъ увеличиваютъ импортъ. Наконецъ, еще одно замѣчаніе. Прогрессъ обрабатывающей промышленности, улучшеніе средствъ сообщенія и развитіе финансовой организаціи привели Англію въ торговыя сношенія со всѣми частями свѣта. И можетъ быть, что, какъ и во времена А. Смита, она платитъ за ввозъ изъ одной страны своимъ вывозомъ въ другую, но можетъ быть также, что теперь въ цѣпи больше звеньевъ... Обстоятельства вродѣ указанныхъ затемняютъ факты; но по существу они нисколько не затрагиваютъ ни прочности теоріи Смита, ни ея значенія для разногласій, существующихъ въ наше время.

Выдержки изъ труда Адама Смита „Изслѣдованіе о природѣ и причинахъ богатства народовъ“.

1. Счастливые результаты раздѣленія труда для промышленности и общества.

Возьмемъ примѣръ мануфактуры, которая имѣетъ весьма малое значеніе, но въ которой раздѣленіе труда часто обращало на себя

вниманіе, а именно, булавочную мануфактуру. Человѣкъ, не привыкшій къ этого рода работѣ, изъ которой раздѣленіе труда сдѣлало особое ремесло, и не умѣющій обращаться съ обычно употребляющимися при ней инструментами, изобрѣтеніе которыхъ, вѣроятно, составляетъ результатъ того же раздѣленія труда, врядъ-ли могъ бы въ теченіе дня сдѣлать больше одной булавки, какъ бы ловокъ онъ ни былъ, и, разумѣется, не сдѣлалъ бы двадцати штукъ. Но при томъ способѣ, какимъ оборудовано теперь это производство, не только вся работа въ цѣломъ образуетъ особое ремесло, но она въ свою очередь раздѣлена на большое число вѣтвей, большая часть которыхъ составляетъ соотвѣтственное количество особыхъ операцій. Одинъ рабочій тянетъ проволоку . . . . . , другой выправляетъ ее, третій рѣжетъ, ... четвертый заостриваетъ, пятый занятъ обтачиваніемъ кончика, къ которому должна быть прилажена головка. Эта головка сама является предметомъ двухъ или трехъ отдѣльныхъ операцій; выковать ее составляетъ одну особую работу, отбѣлить булавку—другую; даже прокалываніе бумажекъ и вкалываніе въ нихъ булавокъ является особымъ и отдѣльнымъ занятіемъ [1]); такимъ образомъ, трудъ, необходимый для созданія одной булавки, раздѣленъ на восемнадцать, или около того, самостоятельныхъ операцій, которыя на нѣкоторыхъ фабрикахъ исполняются такимъ же количествомъ различныхъ рабочихъ, хотя на другихъ одинъ и тотъ же рабочій дѣлаетъ двѣ или три операціи. Я видѣлъ небольшую мануфактуру, которая занимала только десять рабочихъ, и гдѣ, поэтому, нѣкоторые изъ нихъ выполняли двѣ или три операціи. Но, несмотря на то, что фабрика эта была очень бѣдна и, вслѣдствіе этого, была снабжена плохими инструментами, тѣмъ не менѣе, когда они принимались за работу, они достигали того, что всѣ вмѣстѣ вырабатывали около двадцати фунтовъ булавокъ въ день; но каждый фунтъ заключаетъ въ себѣ свыше четырехъ тысячъ булавокъ средней величины. Такимъ образомъ, эти десять рабочихъ вмѣстѣ могли вырабатывать болѣе сорока восьми тысячъ булавокъ въ одинъ день; слѣдовательно, можно считать, что каждый рабочій—такъ какъ доля его равна одной десятой части всего продукта—производилъ въ день четыре тысячи восемьсотъ булавокъ. Но, если бы они всѣ работали отдѣльно и независимо одинъ отъ другого, и если бы они не привыкли къ этой спеціальной работѣ, то каждый изъ нихъ, разумѣется, не сдѣлалъ бы и двадцати булавокъ въ день, а можетъ быть, и ни одной, другими словами, не сдѣлалъ бы и одной двѣсти сороковой, а можетъ быть и одной четыре тысячи восьмисотой части того, что они въ состояніи сдѣлать теперь, вслѣдствіе раздѣленія и соотвѣтствующей комбинаціи ихъ различныхъ операцій.

Во всякомъ другомъ ремеслѣ или въ другой мануфактурѣ результаты раздѣленія труда тѣ же самые, какими мы ихъ только-что наблюдали на булавочной фабрикѣ, хотя въ большинствѣ случаевъ трудъ не можетъ быть подраздѣленъ до такой степени и сведенъ къ столь простымъ операціямъ...

Это громадное увеличеніе въ количествѣ работы, которую въ состояніи выполнить одно и то же число рукъ, вслѣдствіе раздѣленія труда, обусловливается тремя различными обстоятельствами: 1) возрастаніемъ ловкости каждаго рабочаго индивидуально [2]); 2) сбереженіемъ времени, кото-

---

[1]) Этого нѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ булавки стали производить механическимъ способомъ, но примѣръ Адама Смита отъ этого не сталъ менѣе доказательнымъ.

[2]) «Посмотрите на движенія піаниста, на быстроту рукъ складывальщицы газетъ, типографскаго наборщика, счетчика и т. д.».

рое обыкновенно теряется при переходѣ отъ одного рода работы къ другому; 3) наконецъ, изобрѣтеніемъ большого числа машинъ, которыя облегчаютъ и сокращаютъ трудъ, и которыя позволяютъ одному человѣку исполнять работу нѣсколькихъ.

Это громадное увеличеніе количества продуктовъ всевозможныхъ искусствъ и ремеслъ, какъ результатъ раздѣленія труда, въ хорошо управляемомъ обществѣ является источникомъ всеобщаго достатка, распространяющагося до послѣднихъ классовъ народа. Каждый рабочій оказывается обладателемъ большого количества произведеній своего труда, которыми онъ можетъ располагать сверхъ того, что ему необходимо для удовлетворенія своихъ собственныхъ потребностей; а такъ какъ другіе рабочіе находятся въ такомъ же положеніи, то онъ въ состояніи обмѣнять большое количество произведенныхъ имъ товаровъ на большое же количество товаровъ другихъ рабочихъ, или, что то же самое, на цѣну этихъ товаровъ. Онъ въ изобиліи можетъ снабжать этихъ другихъ рабочихъ тѣмъ, въ чемъ они нуждаются, и взамѣнъ получить отъ нихъ то, что ему нужно, такъ что среди различныхъ классовъ общества распространяется всеобщее довольство.

Обратите вниманіе на то, что въ цивилизованной и цвѣтущей странѣ является движимымъ имуществомъ простого поденщика или послѣдняго чернорабочаго, и вы увидите, что число людей, промышленная дѣятельность которыхъ въ той или иной мѣрѣ способствовала доставленію ему этого имущества, не поддается даже исчисленію. Шерстяная куртка, напр., которая покрываетъ этого поденщика, сколь бы грубой она ни была, является продуктомъ совокупнаго труда безчисленнаго множества рабочихъ. Пастухъ, сортировщикъ шерсти, чесальщикъ и трепальщикъ, красильщикъ, прядильщикъ, ткачъ, валяльщикъ, ворсовщикъ и гладильщикъ сукна—всѣ они вложили свою долю труда въ дѣло созданія этого грубаго произведенія. Сколько, помимо этого, должно было быть занято купцовъ и извозчиковъ для того, чтобы доставить матеріалъ этимъ различнымъ рабочимъ, часто живущимъ въ мѣстностяхъ, находящихся на очень значительномъ разстояніи другъ отъ друга. Какая оживленная торговля на сушѣ и на морѣ! Сколько кораблестроителей, матросовъ, рабочихъ, дѣлающихъ паруса и снасти, нужно для того, чтобы доставить, нерѣдко изъ отдаленнѣйшихъ пунктовъ міра, различные матеріалы, необходимые для красильщика. Какое разнообразіе работъ требуется также для изготовленія инструментовъ самаго послѣдняго изъ этихъ рабочихъ! Не говоря уже о такихъ сложныхъ машинахъ, какъ купеческое судно, или валяльная машина, или даже ткацкій станокъ, посмотримъ только, какое множество работъ требуетъ одна изъ самыхъ простыхъ машинъ, ножницы, которыми пастухъ стрижетъ овецъ. Для производства этого орудія необходимо участіе и совокупная работа рудокопа, строителя доменной печи, гдѣ плавится руда, дровосѣка, рубившаго строевой лѣсъ, угольщика, заготовлявшаго уголь для плавки металла, кирпичника, каменщика, рабочихъ, строившихъ печь, рабочихъ, поставившихъ кузницу, кузнеца, ножевщика. Если бы мы хотѣли подобнымъ же образомъ анализировать каждую изъ прочихъ частей одежды того же самаго поденщика или каждую утварь его домашняго хозяйства, грубую холщевую рубашку, которую онъ носитъ на тѣлѣ, башмаки, облегающіе его ноги, постель, на которую онъ ложится отдыхать, и всѣ разнообразныя составныя ея части; рѣшетку, на которой онъ варитъ для себя пищу, каменный уголь, употребляемый имъ, извлеченный изъ нѣдръ земли и доставленный, быть можетъ, долгимъ путемъ по сушѣ и по морю, всѣ прочія его кухонныя принадлежности, его столовый приборъ, его ножи и вилки, глиняныя или оловянныя тарелки, на которыхъ

онъ ѣстъ и рѣжетъ свою пищу, разныя руки, занятыя приготовленіемъ ему хлѣба и пива, оконное стекло, доставляющее ему одновременно и теплоту, и свѣтъ, защищая его отъ вѣтра и дождя; искусство и знанія, необходимыя для приготовленія этого счастливаго и великолѣпнаго изобрѣтенія, безъ котораго мы едва ли были бы въ состояніи жить въ нашемъ сѣверномъ климатѣ; если бы мы подумали о безчисленномъ количествѣ инструментовъ, необходимыхъ для рабочихъ, занятыхъ въ производствѣ этихъ различныхъ предметовъ удобства; если бы мы изслѣдовали всѣ эти вещи во всѣхъ подробностяхъ, если бы мы приняли въ соображеніе все разнообразіе и количество работы, которое предполагаетъ каждая изъ нихъ,—то мы поняли бы, что безъ помощи и содѣйствія многихъ тысячъ лицъ въ цивилизованной странѣ ни одинъ бѣднякъ не могъ бы быть одѣтъ и жилище его меблировано, даже если одежда его и мебель будутъ, по нашимъ довольно неосновательнымъ понятіямъ, самыя простыя, обыкновенныя. Само собой разумѣется, что его движимое имущество покажется чрезвычайно простымъ и вульгарнымъ, если сопоставить его съ необычайной роскошью какого-нибудь богатаго господина, и, тѣмъ не менѣе, между домашней утварью какого-нибудь европейскаго принца и утварью трудолюбиваго и порядочнаго крестьянина окажется, можетъ быть, меньше различія, чѣмъ между домашнимъ хозяйствомъ этого послѣдняго и обстановкой какого-нибудь африканскаго короля, который царствуетъ надъ десятью тысячами голыхъ дикарей и неограниченно распоряжается ихъ свободой и жизнью.

2. Законъ образованія цѣнъ.

Если цѣна товара—не выше и не ниже того, что слѣдуетъ заплатить по ихъ естественной нормѣ въ качествѣ арендной платы за землю, въ качествѣ заработной платы за трудъ, въ качествѣ прибылей на капиталъ, затраченный на производство даннаго сырого матеріала, на его обработку и доставку на рынокъ,—то этотъ товаръ продается по цѣнѣ, которую можно назвать его естественной цѣной.

Товаръ продается при этихъ условіяхъ именно за то, что онъ стоитъ или во что онъ дѣйствительно обошелся тому, кто доставляетъ его на рынокъ; въ самомъ дѣлѣ, хотя на обыкновенномъ языкѣ въ первоначальную цѣну товара не входитъ прибыль того, кто изъ продажи его дѣлаетъ себѣ занятіе, тѣмъ не менѣе, если бы онъ продавалъ его по такой цѣнѣ, которая не давала бы ему обычной въ данной мѣстности нормы прибыли, то занятіе его, очевидно, было бы для него убыточнымъ, такъ какъ онъ могъ бы получить эту прибыль, помѣщая свой капиталъ инымъ образомъ. Притомъ, его прибыль составляетъ его доходъ; для торговца—это источникъ его средствъ существованія. Подобно тому, какъ продавецъ выплачиваетъ своимъ рабочимъ ихъ заработную плату или ихъ средства существованія во время приготовленія товара и перевозки его на рынокъ, совершенно также онъ оплачиваетъ свое собственное содержаніе, соотвѣтствующее вообще говоря, по величинѣ, прибыли, которую онъ можетъ благоразумно ожидать отъ продажи своего товара. Съ полнымъ правомъ можно утверждать, что лишить его этой прибыли—значитъ не заплатить ему цѣны, соотвѣтствующей дѣйствительной стоимости для него даннаго товара.

Поэтому, хотя цѣна, которая даетъ ему эту прибыль, и не является всегда самой низкой, по какой продавецъ можетъ иногда уступить свой товаръ, тѣмъ не менѣе, она есть самая низкая цѣна, по какой онъ можетъ его отдавать въ теченіе сколько-нибудь значительнаго промежутка времени, по крайней мѣрѣ, если онъ пользуется полной свободой или если онъ можетъ мѣнять занятіе, когда ему угодно.

Цѣна, по какой обыкновенно продается тотъ или другой товаръ, составляетъ то, что называется его рыночной цѣной [1]). Послѣдняя можетъ быть выше или ниже, или совпадать съ естественной цѣной.

Рыночная цѣна каждаго отдѣльнаго товара опредѣляется пропорціей между количествомъ этого товара въ данный моментъ на рынкѣ и спросомъ на него тѣхъ людей, которые готовы заплатить за него его естественную цѣну, или цѣнность, эквивалентную суммѣ платы за землю, прибыли и заработной платы, необходимыхъ для доставленія его на рынокъ. Ихъ можно назвать дѣйствительными заказчиками, а ихъ спросъ—дѣйствительнымъ спросомъ, такъ какъ онъ достаточенъ для дѣйствительнаго привлеченія товара на рынокъ. Онъ отличается отъ абсолютнаго спроса. Бѣднякъ въ томъ или другомъ случаѣ можетъ, разумѣется, предъявить спросъ на коляску въ шестерку лошадей, т. е. выразить желаніе, что онъ хотѣлъ бы ее имѣть у себя; но его спросъ не есть дѣйствительный спросъ, способный когда-либо привлечь этотъ товаръ на рынокъ для его удовлетворенія.

Когда количество какого-либо товара на рынкѣ оказывается ниже дѣйствительнаго спроса, тогда не всѣ тѣ, которые готовы заплатить полную цѣнность платы за землю, прибыли и заработной платы, необходимыхъ для появленія даннаго товара на рынкѣ, могутъ достать себѣ потребное его количество. Не желая обойтись безъ него, нѣкоторые изъ нихъ согласятся дать больше. Между ними сейчасъ же возникнетъ конкуренція, и рыночная цѣна станетъ болѣе или менѣе выше естественной цѣны, смотря по тому, насколько размѣры недостатка, богатство или фантазія конкурентовъ сдѣлаютъ интенсивной эту борьбу. Данные размѣры недостатка, вообще, могутъ вызвать болѣе или менѣе острую борьбу между соперниками равно богатыми, или равно щедрыми, смотря по тому, какое значеніе пріобрѣтетъ для нихъ въ этотъ моментъ покупаемый товаръ: отсюда—страшное повышеніе цѣнъ на предметы необходимые для жизни во время осады города или голода.

Когда количество товара на рынкѣ превышаетъ дѣйствительный спросъ, тогда все оно не можетъ быть продано тѣмъ, которые согласны платить совокупную цѣнность платы за землю, заработной платы и прибыли, необходимыхъ для появленія этого количества товара на рынкѣ. Нужно непремѣнно, чтобы какая-нибудь часть была продана тѣмъ, которые хотятъ платить меньше этой полной цѣнности, и низкая цѣна, предлагаемая этими послѣдними, неизбѣжно уменьшаетъ цѣну всего количества. Рыночная цѣна падетъ тогда болѣе или менѣе ниже естественной цѣны смотря по тому, насколько размѣры излишка увеличатъ конкурренцію продавцовъ, или же смотря по тому, насколько имъ необходимо сейчасъ же сбыть съ рукъ этотъ товаръ. Одинъ и тотъ же излишекъ въ непрочномъ товарѣ вызоветъ гораздо болѣе упорную конкуренцію въ этомъ смыслѣ, чѣмъ излишекъ въ товарѣ, не поддающемся скорой порчѣ; при продажѣ апельсиновъ, напр., она будетъ упорнѣе, чѣмъ при продажѣ стараго желѣза.

Когда количество товара на рынкѣ какъ разъ достаточно, чтобы удовлетворить дѣйствительный спросъ, и нисколько не больше, тогда рыночная цѣна, конечно, точно совпадаетъ съ естественной цѣной, поскольку, по крайней мѣрѣ, можно объ этомъ судить. Все количество товара, предназначенное для продажи, будетъ продано по этой цѣ-

[1]) Это названіе „рыночная цѣна“ (prix de marchè) замѣняется обыкновенно выраженіемъ „текущая цѣна“ (prix courant).

нѣ; да оно и не могло бы быть продано по цѣнѣ болѣе высокой. Конкуренція различныхъ продавцовъ заставляетъ ихъ согласиться на эту цѣну, но она не вынуждаетъ ихъ соглашаться на меньшую.

Количество каждаго товара на рынкѣ естественно и автоматически сообразуется съ размѣрами дѣйствительнаго спроса. Въ интересахъ всѣхъ тѣхъ, которые употребляютъ свою землю, свой трудъ или свой капиталъ, доставлять на рынокъ тотъ или другой товаръ въ такомъ количествѣ, чтобы оно никогда не превышало дѣйствительнаго спроса; съ другой стороны, въ интересахъ всѣхъ другихъ,—чтобы это количество никогда не падало ниже его.

Если это количество въ теченіе нѣкотораго времени превышаетъ дѣйствительный спросъ, то это значитъ, что одна изъ частей, образующихъ цѣну товара, будетъ оплачена ниже своей естественной цѣны. Если это арендная плата, то интересъ собственниковъ побудитъ ихъ немедленно же освободить часть своихъ земель отъ этого употребленія; а если это заработная плата или прибыль, то въ интересахъ рабочихъ, въ первомъ случаѣ, и въ интересахъ ихъ нанимателей, во второмъ,—извлечь часть своего труда или своихъ капиталовъ изъ этого производства. Въ такомъ случаѣ, количество вынесеннаго на рынокъ товара немедленно станетъ не больше, чѣмъ достаточно для дѣйствительнаго спроса. Всѣ различныя составныя части цѣны этого товара поднимутся до своего естественнаго уровня, и общая его цѣна вернется къ естественной цѣнѣ.

Если бы, наоборотъ, количество вынесеннаго на рынокъ товара въ теченіе нѣкотораго времени оставалось ниже дѣйствительнаго спроса, то нѣкоторыя части, составляющія его цѣну, неизбѣжно поднялись бы выше своего естественнаго уровня. Если это арендная плата, тогда въ интересахъ всѣхъ другихъ земельныхъ собственниковъ будетъ, разумѣется, имѣть въ своемъ распоряженіи большее количество земли для производства этого товара; если же это заработная плата или прибыль, то въ интересахъ всѣхъ другихъ рабочихъ и предпринимателей сейчасъ же употребить больше труда и капиталовъ для производства и доставки этого товара на рынокъ. Добавочное его количество будетъ скоро достаточно для удовлетворенія дѣйствительнаго спроса. Всѣ различныя составныя части цѣны этого товара скоро упадутъ до своего естественнаго уровня, и общая цѣна товара снова понизится до его естественной цѣны.

Естественная цѣна, поэтому, является, такъ сказать, центральнымъ пунктомъ постояннаго тяготѣнія цѣнъ всѣхъ товаровъ. Разнообразныя обстоятельства случайнаго характера могутъ иногда въ теченіе извѣстнаго времени держать ихъ выше, а иногда заставлять ихъ опускаться ниже этой цѣны. Но, каковы бы ни были препятствія, мѣшающія имъ фиксироваться на этой постоянной центральной точкѣ покоя, тѣмъ не менѣе, онѣ всегда стремятся къ ней.

3. Обстоятельства, вліяющія на заработную плату [1]).

Сколько я могъ наблюдать, главныя обстоятельства, которыя воспол-

[1]) Изслѣдованія о богатствѣ народовъ, кн. I, гл. X, т. I. Въ этой одной изъ наиболѣе извѣстныхъ и лучшихъ главъ его книги Ад. Смитъ говоритъ, что, въ сущности, существуетъ равновѣсіе между выгодами и неудобствами различныхъ работъ. Несмотря на свою внѣшнюю парадоксальность, это положеніе согласно съ истиной, если только брать его въ настоящихъ границахъ. „Большая часть различій въ заработной платѣ объясняется либо разницей въ трудѣ, либо тѣмъ обстоятельствомъ, что трудъ не есть единственный факторъ, его сопровождаетъ капиталъ или рискъ, либо, наконецъ, тѣмъ, что для того, чтобы быть полезнымъ, трудъ ищетъ другихъ условій, чѣмъ простая мускуль-

няютъ скудность денежнаго заработка въ однѣхъ профессіяхъ и уравновѣшиваютъ щедрость его въ другихъ, сводятся къ слѣдующимъ пяти: 1) удовольствію или неудовольствію, вызываемому самой профессіей; 2) легкости или дешевизнѣ, съ какой можно научиться данному занятію, или трудности и затратамъ, сопровождающимъ ея изученіе; 3) постоянству доставляемой ею работы или перерывамъ, которымъ она подвергается; 4) большей или меньшей степени довѣрія, которымъ должны быть облечены тѣ, которые занимаются данной профессіей; и 5) степени вѣроятности успѣха или неудачи [1]).

Во-первыхъ, заработная плата измѣняется смотря по тому, легко ли занятіе или тягостно, чисто или грязно, почетно или презирается [2])... Почетъ оказываетъ большое вліяніе на заработную плату въ нѣкоторыхъ профессіяхъ. По отношенію къ денежному вознагражденію, всякое почетное занятіе оплачивается, какъ общее правило, весьма скудно. Презрѣніе, сопровождающее какое-либо занятіе, вызываетъ обратное дѣйствіе. Самое ужасное изъ всѣхъ занятій, ремесло общественнаго палача, принимая во вниманіе количественную сторону труда, оплачивается лучше, чѣмъ какое бы то ни было другое ремесло...

Отвращеніе и презрѣніе къ данному занятію оказываютъ такое же вліяніе и на прибыль съ капитала. Хозяинъ постоялаго двора или харчевни, который никогда не имѣетъ своего угла и вынужденъ подвергаться грубостямъ перваго пьянаго посѣтителя, не занимается дѣломъ ни очень пріятнымъ, ни очень почетнымъ; и однако, какъ мало имѣется занятій, гдѣ можно съ небольшимъ капиталомъ реализовать столь крупные барыши.

Во-вторыхъ, заработная плата измѣняется смотря по легкости и дешевизнѣ обученія или трудности и затратамъ, сопряженнымъ съ даннымъ занятіемъ.

Когда вводятъ какую-нибудь дорогую машину, то надѣются, что то громадное количество работы, которое она выполнитъ раньше, чѣмъ сдѣлаться негодной, замѣститъ капиталъ, потраченный на ея сооруженіе, плюсъ обычная прибыль, по крайней мѣрѣ. Человѣка, который потратилъ много времени и труда на изученіе профессіи, требующей особеннаго искусства и опыта, можно сравнить съ такой дорогой машиной. Онъ разсчитываетъ, что работа, къ которой онъ готовитъ себя, вернетъ ему, кромѣ платы за простой трудъ, также и всѣ его издержки на обученіе вмѣстѣ съ обычной, по крайней мѣрѣ, прибылью на капиталъ соотвѣтствующей величины. Необходимо также, чтобы это вознагражденіе онъ получилъ въ извѣстный промежутокъ времени, принимая во вниманіе очень неопредѣленную продолжительность человѣческой жизни, совершенно такъ же, какъ нужно было принять въ расчетъ болѣе опредѣленный періодъ дѣйствія машины.

ная работа или даже простая умственная работа: въ нѣкоторыхъ случаяхъ оплачиваютъ извѣстное моральное качество... Лишь только вознагражденіе гдѣ-нибудь увеличивается, трудъ устремляется туда; и какъ только заработная плата становится ниже общаго уровня, трудъ удаляется и отправляется искать въ другомъ мѣстѣ болѣе высокой нормы платы (Росси, Курсъ т. 3, 8-ой урокъ.)

[1]) Каждое изъ этихъ условій Смитъ разсматриваетъ и въ ученіи о прибыли на капиталъ.

[2]) Это не совсѣмъ вѣрно, наиболѣе неопрятныя ремесла, какъ, напр. метельщика, оплачиваются, вообще, наиболѣе низко. Скудность заработной платы зависитъ въ этомъ случаѣ отъ того, что эти ремесла не требуютъ никакихъ способностей.—Само собой разумѣется, что мы имѣемъ въ виду здѣсь область политической экономіи, т. е. область полезнаго: въ самомъ дѣлѣ, для нѣкоторыхъ лицъ, напр., сестеръ милосердія движущимъ мотивомъ является отнюдь не заработная плата и не соображеніе объ общественномъ уваженіи.

На этомъ, именно, принципѣ и основано различіе между платой за трудъ, требующій особенной подготовки, и вознагражденіемъ за обыкновенный трудъ. (Ремесленникъ, которому нужно было учиться, оплачивается лучше, чѣмъ простой чернорабочій).

Еще гораздо болѣе продолжительно и дорого обученіе искусствамъ, требующимъ особенныхъ способностей, и подготовка къ либеральнымъ профессіямъ. Поэтому, денежное вознагражденіе живописцевъ, скульпторовъ, законовѣдовъ и медиковъ должно быть значительно выше; такъ оно и есть въ дѣйствительности.

Въ-третьихъ, заработная плата измѣняется въ различныхъ профессіяхъ въ зависимости отъ постоянства и необезпеченности занятія.

Въ извѣстныхъ профессіяхъ работа болѣе постоянна, чѣмъ въ другихъ. Въ большей части мануфактурныхъ работъ поденщикъ можетъ быть увѣренъ, что будетъ имѣть работу въ теченіе всего года, разъ только онъ будетъ въ состояніи работать; каменщикъ или кирпичникъ, напротивъ того, не можетъ работать въ сильные холода или въ дурную погоду, да и въ остальное время онъ можетъ разсчитывать на работу только до тѣхъ поръ, пока его хозяинъ будетъ въ немъ нуждаться; поэтому, онъ часто можетъ очутиться безъ работы. Нужно, стало быть, чтобы во время работы онъ зарабатывалъ не только свое содержаніе на періодъ, когда у него работы нѣтъ, но еще и нѣчто вродѣ вознагражденія за безпокойства и заботы, которыя причиняетъ ему по временамъ мысль о своемъ столь необезпеченномъ существованіи. Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ заработокъ большей части мануфактурныхъ рабочихъ стоитъ почти на одномъ уровнѣ съ поденной платой простыхъ чернорабочихъ, заработокъ каменщиковъ въ среднемъ выше платы этихъ послѣднихъ въ полтора или два раза.

...И, однако, нѣтъ болѣе легкаго для изученія ремесла, чѣмъ работа каменщика. Разсказываютъ, что въ теченіе лѣта въ Лондонѣ въ качествѣ кирпичниковъ нанимаютъ иногда носильщиковъ стульевъ. Высокая заработная плата этихъ рабочихъ представляетъ собой не столько вознагражденіе за ихъ ловкость, сколько возмѣщеніе убытковъ, связанныхъ съ непостоянствомъ ихъ занятія...

Когда къ непостоянству занятія присоединяется еще трудность работы, ея непріятный характеръ и нечистота, тогда въ нѣкоторыхъ случаяхъ заработная плата за самый грубый трудъ поднимается выше платы за ремесло, требующее выучки. ...Какъ бы велики ни казались заработки въ нѣкоторыхъ профессіяхъ, все-таки, въ случаѣ, если бы они были болѣе, чѣмъ достаточны, для компенсированія непріятныхъ сторонъ этихъ профессій, къ нимъ устремились бы моментально столько конкурентовъ, не пользующихся никакой исключительной привилегіей, что заработки очень скоро понизились бы до самаго низкаго уровня.

Въ-четвертыхъ, заработная плата можетъ измѣняться въ зависимости отъ степени довѣрія, возлагаемаго на работника.

Ювелиры и брилліантщики, въ виду дорогой цѣны довѣряемыхъ имъ матеріаловъ, всюду получаютъ большую заработную плату, чѣмъ многіе другіе рабочіе, работа которыхъ требуетъ не только столько же, но даже больше искусства и ловкости.

Мы вручаемъ врачу наше здоровье, адвокату и повѣренному наше состояніе, а иногда и нашу жизнь, и нашу честь: столь дорогіе намъ предметы мы не можемъ довѣрить людямъ бѣднымъ, не пользующимся уваженіемъ. Необходимо, стало быть, чтобы вознагражденіе могло создать имъ въ обществѣ положеніе, котораго требуетъ та высокая степень довѣрія, которой они облечены. Когда къ этому обстоятельству присоединяются еще

продолжительность и крупные расходы предварительной подготовки, то плата за ихъ трудъ, очевидно, должна быть еще гораздо выше.

Въ-пятыхъ, заработная плата въ различныхъ профессіяхъ измѣняется въ зависимости отъ степени вѣроятности успѣха.

Въ различнаго рода занятіяхъ вѣроятность, что ученикъ пріобрѣтетъ необходимыя познанія для выполненія работы, для которой онъ себя готовитъ, весьма не одинакова. Въ большей части ремеслъ успѣхъ почти обезпеченъ; но онъ далеко не гарантированъ въ свободныхъ профессіяхъ. Отдайте вашего сына въ ученики къ сапожнику; нѣтъ почти никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ выучится дѣлать сапоги; но пошлите его въ школу правовѣдѣнія, и можно держать одинъ противъ двадцати, что онъ не достигнетъ въ ней такихъ успѣховъ, чтобы быть въ состояніи жить этой профессіей. Въ совершенно правильной лотереѣ тѣ, которые вытягиваютъ выигрышные билеты, должны выиграть все, что теряютъ тѣ, которые вытащили пустые билеты. Въ профессіи, гдѣ двадцать лицъ проигрываютъ, и только одинъ достигаетъ успѣха, этотъ послѣдній долженъ получить все, что могло бы выпасть на долю двадцати, потерпѣвшихъ крушеніе. Адвокатъ, который, можетъ быть, въ сорокъ лѣтъ только начинаетъ получать выгоду отъ своей профессіи, долженъ получить вознагражденіе не только за свое долгое и дорогое образованіе, но и за тѣхъ двадцать студентовъ, которымъ, вѣроятно, это образованіе никогда не принесетъ никакой пользы. Сколь бы огромными ни казались намъ иногда гонорары адвокатовъ, ихъ дѣйствительное вознагражденіе должно быть еще выше... И, между тѣмъ, стремленіе къ этимъ профессіямъ не меньше, чѣмъ ко всѣмъ другимъ, и, несмотря на эти обезкураживающія перспективы, множество талантливыхъ и благородныхъ умовъ спѣшатъ на это поприще. Двѣ разныя причины объясняютъ намъ это тяготѣніе: первая —это желаніе славы, выпадающей на долю людей этой профессіи; и вторая —это естественная во всякомъ человѣкѣ увѣренность не только въ своихъ талантахъ, но и въ своемъ счастьѣ.

---

4. Въ защиту свободы труда.

Несомнѣнно, что свободное распоряженіе своимъ трудомъ является наиболѣе священнымъ и неприкосновеннымъ видомъ собственности, такъ какъ оно представляетъ первоисточникъ, вообще, всякой собственности.

Все богатство бѣдняка заключается въ силѣ и ловкости его рукъ, и всякое препятствіе приложенію ихъ къ такому труду, какой онъ сочтетъ для себя наиболѣе подходящимъ, разъ этотъ трудъ не приноситъ вреда никому—является явнымъ нарушеніемъ этой первичной собственности.

Болѣе того, такое препятствіе, въ сущности, вопіющее насиліе надъ законной свободой не только работника, но и работодателя, потому что оно мѣшаетъ первому взяться за ту работу, которую онъ считаетъ для себя наиболѣе подходящею, а второму—выбрать такого работника, который для него наиболѣе пригоденъ.

Сужденіе о томъ—заслуживаетъ ли данный работникъ труда,—можно вполнѣ основательно возложить на благоразуміе работодателя, руководимаго, въ данномъ случаѣ, собственнымъ интересомъ.

Выставляемое законодателемъ требованіе, сущность котораго сводится къ тому, чтобы лица, не способныя къ данному труду, не получали его, очевидно, въ такой же степени абсурдно, какъ и неосновательно.

---

5. Постоянный и оборотный капиталы [1]).

Для того, чтобы капиталъ приносилъ его владѣльцу доходъ или прибыль, возможны два способа.

Во-первыхъ, капиталъ можетъ быть употребленъ на производство средствъ пропитанія, на ихъ переработку или на ихъ покупку съ цѣлью выгодной перепродажи. Капиталъ, употребленный такимъ способомъ, не можетъ приносить своему владѣльцу доходъ или прибыль, оставаясь въ его обладаніи въ своей постоянной формѣ.

На самомъ дѣлѣ—товары купца принесутъ ему прибыль лишь тогда, когда онъ превратилъ ихъ въ деньги, а деньги, въ свою очередь, дадутъ прибыль лишь при послѣдующемъ превращеніи въ товары.

При этомъ капиталъ, выходя изъ рукъ въ одной формѣ, возвращается въ другой, и только при условіи такой циркуляціи или послѣдовательныхъ мѣнъ онъ и можетъ приносить прибыль.

Капиталъ такого рода надлежитъ, поэтому, назвать *циркулирующимъ* или *оборотнымъ*.

Во-вторыхъ,—капиталъ можно употребить на улучшеніе земли, на покупку полезныхъ машинъ, орудій и тому подобныхъ предметовъ, могущихъ принести извѣстный доходъ, не выходя, такъ сказать, изъ рукъ своего владѣльца; этотъ родъ капитала весьма удобно назвать *постояннымъ*.

Отношеніе между капиталами постояннымъ и оборотнымъ находится въ зависимости отъ рода занятій ихъ обладателя. Капиталъ купца, напр., исключительно оборотный, такъ какъ купецъ не нуждается ни въ машинахъ, ни въ орудіяхъ производства, если не принимать за таковыя его лавку или магазинъ.

Ремесленникъ или фабрикантъ уже обладаютъ постояннымъ капиталомъ, каковымъ являются орудія ихъ производства. Относительная величина постояннаго капитала, въ данномъ случаѣ, однако весьма сильно мѣняется—въ зависимости отъ рода спеціальности ремесленника.

Отличительная особенность постояннаго капитала состоитъ въ томъ, что онъ приноситъ доходъ, оставаясь постоянно въ рукахъ своего владѣльца. Его можно представить, главнымъ образомъ, въ видѣ слѣдующихъ четырехъ формъ:

1) Всѣ машины и орудія производства, облегчающія и сокращающія работу.

2) Всѣ зданія, предназначенныя для утилитарной цѣли, служащія средствомъ извлеченія дохода не только для собственника, получающаго плату за отдачу постройки въ наемъ, но и для лицъ, снимающихъ помѣщенія въ зданіяхъ и платящихъ наемную плату; таковы лавки, магазины, мастерскія, сельскія постройки съ ихъ службами—конюшнями, ригами и т. п. Эти зданія весьма отличны отъ собственно жилыхъ домовъ; они скорѣе являются орудіями производства, и ихъ правильнѣе разсматривать именно въ качествѣ таковыхъ.

3) Улучшеніе земли; все то, что затрачено для этого цѣлесообразнымъ образомъ: распахиваніе, огораживаніе, удобриваніе мергелемъ, унаваживаніе, произведенныя для приведенія земли въ состояніе, годное для культуры.

4) Полезныя знанія, усвоенныя людьми, членами человѣческаго общества. Пріобрѣтеніе этихъ знаній сопряжено съ нѣкоторой дѣйствительной затратой, идущей на содержаніе даннаго лица во время его воспитанія и

---

[1]) „Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations.“

обученія, и эта затрата является постояннымъ капиталомъ, реализированнымъ, такъ сказать, въ лицѣ даннаго члена общества.

Оборотный капиталъ, характерная особенность котораго состоитъ въ томъ, что онъ приноситъ доходъ лишь при условіи постоянной циркуляціи и смѣны владѣльцевъ, такъ же можетъ быть четырехъ родовъ:

1) Деньги, при посредствѣ которыхъ три остальные рода оборотнаго капитала циркулируютъ и распредѣляются между потребителями [1]).

2) Запасы пищевыхъ продуктовъ, которые находятся въ рукахъ мясниковъ, скотоводовъ, фермеровъ, хлѣботорговцевъ, пивоваровъ и др., извлекающихъ доходъ продажей этихъ продуктовъ.

3) Запасы матеріаловъ или вполнѣ сырыхъ, или уже болѣе или менѣе обработанныхъ, предназначенныхъ для одежды, мебели или построекъ; запасы, которые еще не явились окончательно въ видѣ одной изъ этихъ трехъ формъ, но находятся пока въ рукахъ производителей-фабрикантовъ, разносчиковъ, драпировщиковъ, лѣсоторговцевъ, плотниковъ, столяровъ, каменщиковъ и т. п.

4) Наконецъ, тѣ законченныя и вполнѣ готовыя издѣлія, которыя находятся еще въ рукахъ фабриканта или купца и не распредѣлены между потребителями; къ такимъ издѣліямъ относятся, напр., всѣ тѣ, которыя мы повседневно видимъ выставленными въ лавкахъ торговцевъ скобянымъ товаромъ, мебелью, драгоцѣнностями, посудой и т. п.

Всякій постоянный капиталъ возникаетъ первоначально изъ оборотнаго и нуждается въ постоянномъ питаніи на счетъ послѣдняго. Всѣ машины и орудія производства, въ сущности, произошли изъ оборотнаго капитала, давшаго матеріалъ, изъ котораго они сдѣланы, и содержаніе сдѣлавшимъ ихъ рабочимъ. Для постояннаго поддержанія машинъ и орудій производства въ надлежащемъ состояніи необходимо неизмѣнно прибѣгать къ оборотному капиталу.

Никакой постоянный капиталъ не можетъ приносить дохода иначе, какъ черезъ посредство капитала оборотнаго. Самыя превосходныя машины и орудія производства ничего не смогутъ произвести сами безъ оборотнаго капитала, который дастъ имъ матеріалъ для переработки и средства орудующимъ ими рабочимъ.

Какъ бы ни была обработана земля, она такъ же не принесетъ дохода безъ оборотнаго капитала, дающаго средство къ жизни земледѣльцамъ, культивирующимъ эту землю и собирающимъ съ нея жатву.

Капиталы, какъ постоянные, такъ и оборотные, не имѣютъ иного назначенія, какъ поддерживать и увеличивать запасы потребленія [2]). Это — тѣ запасы, которые питаютъ и одѣваютъ народъ и даютъ ему жилище. Люди бываютъ богаты или бѣдны, въ зависимости отъ того, съ обиліемъ

---

[1]) Здѣсь это слово взято въ его наиболѣе общемъ значеніи и обозначаетъ, вообще, всякія обращающіяся деньги. По опредѣленію М. Шевалье, „деньги, представляя по отношенію ко всему обществу постоянный капиталъ, для отдѣльнаго лица являются капиталомъ оборотнымъ. (La Monnaie, section XIV, ch. II). Самъ Ад. Смитъ, нѣсколькими страницами далѣе, справедливо называетъ деньги „великимъ колесомъ обращенія“, служащимъ для передачи въ руки каждаго слѣдуемой ему части прибыли. Но, разсматриваемыя съ такой точки зрѣнія, деньги должны быть уподоблены механизму, который, какъ и всѣ машины, является капиталомъ постояннымъ. Деньги имѣютъ еще другое сходство съ предметами, составляющими постоянный капиталъ: подобно тому, какъ всякая экономія въ расходахъ производства и въ содержаніи машинъ, не уменьшающая продуктивности труда, выражается въ чистомъ доходѣ общества, такъ равно и всякое сбереженіе въ образованіи и содержаніи денегъ ведетъ къ такому же результату.

[2]) Т. е. ту часть общественнаго капитала, которая служитъ непосредственно для потребленія и имѣетъ то отличіе, что она не приноситъ дохода

или недостаточно снабжены обоими видами капитала тѣ запасы, которые служатъ непосредственно для потребленія.

Въ виду того, что значительная часть оборотнаго капитала непрерывно переходитъ въ постоянный капиталъ и въ запасы потребленія, онъ долженъ въ свою очередь пополняться изъ нѣкоторыхъ источниковъ, безъ чего онъ скоро бы изсякъ.

Такихъ источниковъ, главнымъ образомъ, три: продукты земледѣлія, горнаго хозяйства и рыболовства.

Эти источники даютъ новыя количества пищевыхъ продуктовъ и матеріаловъ, часть которыхъ далѣе перерабатывается въ разныя издѣлія и возмѣщаютъ, такимъ образомъ, непрерывно потребляемый оборотный капиталъ.

---

6. Полезные и безполезные расходы.

Существуютъ такіе виды расходовъ, которые въ большей степени, нежели остальные, содѣйствуютъ росту общаго достатка. Доходъ какого-нибудь лица можетъ расходоваться или на предметы непосредственнаго потребленія, по отношенію къ которымъ расходы, разсматриваемые для цѣлаго ряда дней, не измѣняются, по крайней мѣрѣ—въ широкихъ предѣлахъ, или же на предметы, не потребляемые непосредственно. По отношенію къ предметамъ послѣдняго рода расходы, произведенные, напр, въ данный день, могутъ или сократить расходы слѣдующаго дня, или даже совершенно ихъ устранить.

Напр., богатый человѣкъ можетъ расходовать свои доходы на то, чтобы держать пышный и обильный столъ, содержать значительное число слугъ, имѣть множество собакъ и лошадей; или же, довольствуясь умѣреннымъ столомъ и немногочисленной прислугой, онъ можетъ помѣщать большую часть своихъ доходовъ въ улучшенія своихъ городскихъ и деревенскихъ домовъ, воздвигать различныя постройки для собственнаго удовольствія или удобства, покупать мебель—необходимую и декоративную, собирать коллекціи книгъ, статуй или картинъ. Онъ можетъ помѣщать также свой доходъ въ предметы болѣе пустого свойства—въ драгоцѣнности, въ занятныя бездѣлки разнаго рода; или, наконецъ, совсѣмъ ужъ легкомысленно,—въ колоссальный гардеробъ роскошныхъ одеждъ.

Изъ двухъ богачей, располагающихъ одинаковымъ доходомъ, тотъ, который тратитъ его на пріобрѣтеніе предметовъ, имѣющихъ болѣе или менѣе постоянную цѣнность, будетъ непрерывно увеличивать роскошь своей жизни, такъ какъ расходъ каждаго дня для него ведетъ до нѣкоторой степени къ увеличенію и возвышенію дѣйствія расхода слѣдующаго дня.

Благосостояніе второго богача, наоборотъ, къ концу его карьеры не станетъ значительнѣе, чѣмъ въ началѣ.

Первый въ концѣ концовъ станетъ наиболѣе богатымъ изъ двухъ, такъ какъ онъ явится обладателемъ извѣстнаго запаса богатствъ того или другого рода, которыя, если и потеряютъ, можетъ быть, нѣсколько изъ своей первоначальной стоимости, то все же будутъ представлять собою значительную цѣнность; отъ расходовъ же второго богача, въ результатѣ десяти или двадцатилѣтней расточительности, не останется въ концѣ концовъ никакихъ слѣдовъ.

Для государства, такъ же, какъ и для отдѣльнаго лица, общее благосостояніе въ такой же степени обусловливается тѣмъ или инымъ способомъ расходованія доходовъ.

Дома, мебель, одежда богатаго человѣка по прошествіи нѣкотораго времени становятся достояніемъ среднихъ и низшихъ классовъ [1]).

Люди, принадлежащіе къ названнымъ классамъ, покупаютъ всѣ эти предметы, ставшіе ненужными или надоѣвшіе богатымъ, и, такимъ образомъ, затраты послѣднихъ ведутъ отчасти къ тому, что мало народа получаетъ возможность пользоваться нѣкоторыми удобствами.

Болѣе того, затраты, совершенныя на предметы, не теряющіе своей цѣнности, благопріятствуютъ не только накопленію богатствъ, но и экономіи. Всякое лицо, позволившее себѣ разъ произвести такого рода затраты въ значительномъ размѣрѣ, можетъ ихъ потомъ вовсе не дѣлать, не вызывая этимъ никакихъ разговоровъ въ обществѣ. Но отказаться сразу отъ многочисленной прислуги, отъ обильнаго стола съ замѣной его умѣреннымъ, отъ экипажей и лошадей—невозможно, не подвергаясь риску вызвать обсужденіе со стороны сосѣдей и ихъ молчаливое осужденіе прежней расточительности. Боязнь того и другого удерживаетъ многихъ богачей отъ сокращенія своихъ расходовъ и ведетъ, въ концѣ концовъ, ихъ къ полной гибели своего состоянія и къ банкротству.

Богачъ же, который занимался постройкой домовъ или пріобрѣтеніемъ цѣнной мебели, книгъ или картинъ, можетъ сократить свои расходы въ этомъ отношеніи, не подвергаясь риску быть обвиненнымъ въ недостаткѣ благоразумія. Разъ произведенные, такого рода расходы устраняютъ необходимость ихъ продолженія и, когда богачъ ихъ прекращаетъ, то каждый скорѣе подумаетъ, что это прекращеніе явилось слѣдствіемъ наступившаго удовлетворенія желаній или фантазій, но не стѣсненія въ денежныхъ дѣлахъ.

Съ другой стороны, расходы, произведенные на пріобрѣтеніе цѣнныхъ предметовъ, даютъ средства къ существованію гораздо большему числу людей, чѣмъ, напр., расходы на обильныя яства.

Изъ двухсотъ или трехсотъ фунтовъ разной провизіи, пріобрѣтенныхъ для какого-нибудь пира, половина, можетъ быть, выбрасывается, а значительная часть является лишней или испорченной. Но, если бы деньги, затраченныя на такое празднество, были употреблены для того, чтобы дать работу каменщикамъ, плотникамъ, обойщикамъ и художникамъ, то то же количество провизіи было бы распредѣлено между значительно боль-

---

[1]) Извѣстно, что у англичанъ одна и та же одежда послѣдовательно служитъ людямъ различныхъ классовъ общества

Вотъ, что говоритъ по этому поводу Теоѳиль Готье: „Народонаселеніе Лондона имѣетъ болѣе бѣдную внѣшность, чѣмъ въ Парижѣ. У насъ рабочій и, вообще, человѣкъ низшихъ классовъ носитъ, хотя и грубую, но ему свойственную, особенную одежду. Если вы видите на немъ сегодня порванный пиджакъ, то вы все же можете быть увѣрены въ томъ, что нѣкогда онъ имѣлъ его цѣлымъ и новымъ. Въ Лондонѣ дѣло обстоитъ иначе... Народъ одѣвается у старьевщика; сюртукъ джентльмена, странствуя послѣ своего обладателя по чужимъ спинамъ, въ концѣ концовъ, оказывается принадлежащимъ какому-нибудь ночлежнику, а шелковая шляпа герцогини красуется на затылкѣ простой горничной; даже въ самомъ Сэнъ-Джилль—въ этомъ печальномъ ирландскомъ кварталѣ, своею бѣдностью превосходящемъ всякое представленіе о всемъ самомъ ужасномъ и грязномъ, можно видѣть шляпы или черные сюртуки, напяленные прямо на голое тѣло, сквозящее сквозь дыры платья. И, однако, Сэнъ-Джилль находится всего въ двухъ шагахъ отъ Оксфордъ-Стрита и Пиккадилли. Контрастъ не смягченъ никакимъ промежуточнымъ оттѣнкомъ:—вы сразу попадаете изъ царства ослѣпительной роскоши въ царство ужасающей нищеты (Une journée à Londres. R. des Deux Mondes, 15 Avr. 1842).

Съ появленіемъ торговцевъ дешевымъ готовымъ платьемъ положеніе дѣла въ этомъ отношеніи въ Англіи нѣсколько измѣнилось къ лучшему, но все же картина, набросанная Т. Готье, не утратила еще своей правдивости.

шимъ числомъ людей, покупающимъ ее по фунтамъ, и изъ нея не пропало бы ни одного золотника.

Кромѣ того, первый видъ затратъ питаетъ людей, въ сущности говоря, безполезныхъ, тогда какъ послѣдній—ведетъ къ содержанію людей продуктивныхъ и сопровождается увеличеніемъ мѣновой цѣнности годового продукта земли и количества труда въ странѣ.

7. Вліяніе права первородства на производительность земли.

Рѣдко случается, чтобы крупный собственникъ являлся въ то же время и крупнымъ дѣятелемъ въ области амеліораціи земли. Для того, чтобы привести землю въ культурное состояніе и заставить ее давать доходъ, необходимо — какъ и во всякомъ промышленномъ предпріятіи — обращать неустанное вниманіе на самыя мелочныя доходныя статьи и самыя мелкія сбереженія, — къ чему рѣдко бываетъ способенъ человѣкъ, родившійся въ полномъ довольствѣ, будь онъ даже по своей натурѣ весьма экономнымъ. Положеніе такого человѣка предрасполагаетъ его скорѣе къ льстящему его самолюбію декоруму, чѣмъ къ преслѣдованію выгодъ, въ которыхъ онъ испытываетъ нужды.

Элегантность и роскошь его дома, всевозможныхъ украшеній, экипажей, меблировки—вотъ предметы, къ которымъ онъ съ дѣтства привыкъ относиться съ заботливостью. Направленіе, которое даютъ такіе вкусы его идеямъ, сейчасъ же сказывается, какъ только онъ приступаетъ къ хозяйничанью въ своихъ угодьяхъ; онъ, обыкновенно, приводитъ въ изумительное состояніе сто или полтораста десятинъ вокругъ своей усадьбы, затративъ на это въ десять разъ больше, чѣмъ нужно, и убѣждается въ томъ, что, если онъ произведетъ такія же улучшенія (другихъ онъ не признаетъ) не всѣхъ своихъ владѣній, а только одной десятой ихъ, то его ожидаетъ полное банкротство.

Во всѣхъ соединенныхъ королевствахъ Англіи и по наши дни существуютъ эти огромныя фамильныя помѣстья, переходящія изъ рода въ родъ со временъ феодальной анархіи. Достаточно только сравнить современное состояніе этихъ владѣній съ маленькими имѣніями окрестныхъ собственниковъ, для того, чтобы судить,—совершенно не прибѣгая къ другимъ аргументамъ,—до какой степени такіе крупные владѣльцы мало способствуютъ поднятію земельной культуры.

8. Главныя правила для взиманія налоговъ.

Первое правило. Граждане государства обязаны содѣйствовать поддержкѣ правительства, каждый—въ мѣру своихъ возможности и способности, т. е. пропорціонально тому доходу, который онъ получаетъ, пользуясь защитой государства. Расходы правительства по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ могутъ быть сопоставлены съ расходами по управленію крупнымъ помѣстьемъ—по отношенію къ его совладѣльцамъ, которые обязаны участвовать въ содержаніи управленія пропорціонально ихъ части. Соблюденіе или нарушеніе этого правила обусловливаетъ собою то, что называется *равенствомъ* или *неравенствомъ распредѣленія налоговъ.*

Разъ на всегда необходимо уяснить, что всякій налогъ, взимаемый лишь съ одного изъ трехъ видовъ дохода, является неизбѣжно неравнымъ, въ такой мѣрѣ, въ какой онъ не затрогиваетъ двухъ остальныхъ видовъ [1]).

[1]) Адамъ Смитъ сводитъ всѣ доходы къ тремъ различнымъ источникамъ: 1) *рента*—подъ этимъ словомъ онъ понимаетъ чистый доходъ съ земли. 2) *прибыль*—реализуемая промышленнымъ предпринимателемъ. 3) *жалованье* или *заработная плата.*

Второе правило. Такса, или размѣръ налога, которую должно платить каждое лицо, должна быть строго опредѣленной, а не произвольной. Срокъ платежа, его способъ, взимаемая сумма—все это должно быть ясно и отчетливо,—какъ для самаго плательщика налога, такъ и для всякаго другого.

Въ противномъ случаѣ, каждый плательщикъ рискуетъ оказаться въ большей или меньшей зависимости отъ сборщика налога, который можетъ—по непріязни, напр.—увеличить размѣръ налога, или, пользуясь страхомъ плательщика передъ такимъ увеличеніемъ, можетъ вымогать себѣ подарокъ или взятку. Неопредѣленность въ размѣрѣ налога можетъ повести къ разпымъ проявленіямъ наглости и развращенности въ средѣ того класса людей, который, вообще, ненавистенъ народу—даже въ томъ случаѣ, если онъ не наглъ и не развращенъ. Постоянство размѣра налога для каждаго опредѣленнаго лица имѣетъ настолько важное значеніе въ дѣлѣ взиманія налоговъ, что даже значительная неравномѣрность въ распредѣленіи налоговъ, наблюдаемая во всѣхъ странахъ, не является такимъ большимъ зломъ, какъ маленькая степень непостоянства [1]).

Третье правило. Всякій налогъ долженъ быть взимаемъ въ такое время и такимъ способомъ, какіе наиболѣе удобны для плательщика. Налогъ на земельную ренту или на квартирную плату долженъ взиматься въ то время, когда землевладѣлецъ или домохозяинъ получаютъ ту или другую и въ состояніи уплатить налогъ. Налогъ на всѣ предметы роскоши оплачивается способомъ, весьма удобнымъ для потребителя — онъ уплачиваетъ его во время покупки даннаго предмета, распредѣляя, такимъ образомъ, приходящійся на его долю налогъ на роскошь на малыя части; очевидно, что потребитель властенъ покупать или не покупать желаемый предметъ и не можетъ, поэтому, претендовать на обременительность налога.

Четвертое правило. Всякій налогъ долженъ быть сообразованъ съ тѣмъ требованіемъ, чтобы изъ рукъ народа уходило возможно меньше денегъ сверъ того количества, которое необходимо для государственной казны, и съ тѣмъ—чтобы время, которое протекаетъ съ момента взиманія налога до его поступленія въ казну, было такъ же по возможности незначительно. Всякій налогъ можетъ или извлечь изъ рукъ народа сумму больше той, которая необходима для государства, или отдалять, послѣ взиманія, моментъ поступленія въ казну въ большей степени, чѣмъ это вызывается необходимостью, слѣдующимъ образомъ: 1) взиманіе налога можетъ вызвать потребность въ услугахъ многочисленныхъ должностныхъ лицъ, содержаніе которыхъ поглотитъ значительную часть всей суммы налога, и лихоимства которыхъ лягутъ добавочнымъ бременемъ на народъ. 2) Налогъ можетъ затруднить дѣятельность извѣстнаго числа людей и заставить ихъ искать приложенія для своего труда въ такой отрасли торговли или промышленности, которыя уже даютъ занятія и средства къ существованію другой значительной группѣ людей. Въ результатѣ—такой налогъ, побуждая, съ одной стороны, къ уплатѣ, съ другой—уменьшаетъ или, можетъ быть, совершенно уничтожастъ источникъ, который, въ противномъ случаѣ, могъ бы не изсякнуть. 3) Конфискаціи, штрафы и другія наказанія, которымъ подвергаются плательщики, желающіе избѣгнуть уплаты тягостнаго налога, могутъ, въ концѣ концовъ, повести къ ихъ обѣдненію и, такимъ образомъ, уничтожить ту пользу, которую общество извлекало эксплуатаціею ихъ капиталовъ. Неосмотрительно установленный

---

[1]) Это правило въ настоящее время соблюдается всѣми цивилизованными народами, но не то было во времена Ад. Смита. Много налоговъ, дурно распредѣленныхъ, давали поводы къ частымъ препирательствамъ, и разрѣшеніе послѣднихъ не всегда диктовалось справедливостью.

налогъ даетъ поводы къ неудержному обману; но за послѣднимъ слѣдуетъ наказаніе и притомъ тѣмъ большее, чѣмъ значительнѣе первый; въ результатѣ—законъ въ такихъ случаяхъ бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ значительнѣе причины, которыя должны были бы наоборотъ уменьшать степень наказанія. 4) Налогъ, подвергая гражданъ повторнымъ посѣщеніямъ и тягостнымъ розыскамъ со стороны сборщиковъ, можетъ сдѣлать первыхъ жертвой различныхъ безполезныхъ наказаній, прижимокъ и утѣсненій, и, хотя, строго говоря, утѣсненія не могутъ быть приравнены къ денежной затратѣ, они несомнѣнно равнозначущи такимъ затратамъ, цѣною которыхъ всякій желалъ бы отъ нихъ избавиться.

По одной изъ этихъ изложенныхъ четырехъ причинъ налоги часто становятся тягостными для народа въ гораздо большей степени, чѣмъ это можетъ быть желательнымъ для правителя.

Справедливость и полезность приведенныхъ четырехъ правилъ настолько очевидны, что всѣ народы болѣе или менѣе съ ними сообразуются, стремясь по мѣрѣ возможности и по крайнему разумѣнію къ тому, чтобы сдѣлать налоги равномѣрно распредѣленными, неизмѣнными, удобными для плательщиковъ въ отношеніи срока и рода уплаты, и къ тому, чтобы сумма налоговъ составляла возможно меньшую часть общаго дохода гражданъ.

Томасъ Робертъ Мальтусъ.

Глава II.

Томасъ Робертъ Мальтусъ (1766—1834 гг.).

Законъ народонаселенія.

Жизнь Мальтуса.—Происхожденіе его «Опыта».—Измѣненія во второмъ изданіи.—Общія экономическія воззрѣнія Мальтуса.—Современная Мальтусу бѣдность.—Законъ о бѣдныхъ.—Положеніе англійскаго земледѣлія.—Основная мысль «Опыта».—Возрастаніе средствъ потребленія.—Ростъ народонаселенія.—Три «теоремы».—Обстоятельства, задерживающія ростъ населенія.—Положительныя и предупредительныя задержки: порокъ, нищета и моральное воздержаніе.—Характеръ труда Мальтуса.—Отношеніе «Опыта» къ современнымъ фактамъ.—Законъ убывающаго плодородія.—Послѣдующія измѣненія.—Собственная позиція Мальтуса.—Воззрѣнія новѣйшихъ писателей.—Задержки роста народонаселенія.—Взглядъ Мальтуса на нравственное воздержаніе.—Критика Бэджгота.—Собственная позиція Мальтуса.—Эластичность уровня комфорта.—Физіологическія замѣчанія.

Про Мальтуса, который въ исторической послѣдовательности занимаетъ второе мѣсто среди англійскихъ экономистовъ, было какъ-то сказано, что это «человѣкъ, именемъ и идеями котораго наиболѣе злоупотребляли въ XIX стол.» И дѣйствительно, Мальтусъ болѣе, пожалуй, чѣмъ кто-либо другой, пострадалъ отъ неправильныхъ толкованій своихъ воззрѣній какъ противниками, такъ и друзьями; и тѣ и другіе часто довольствовались лишь тѣмъ, что предполагали у него извѣстные взгляды, вовсе не пытаясь удостовѣриться, что онъ въ дѣйствительности самъ говорилъ. Полемика, возникшая при его жизни, не закончилась и до нашихъ дней; но и теперь, какъ и тогда, она ведется такимъ образомъ, что, къ сожалѣнію, слишкомъ мало удѣляетъ мѣста подлиннымъ словамъ автора, воззрѣнія котораго и породили предметъ спора. А вмѣстѣ съ тѣмъ изученіе работъ самого Мальтуса убѣдило бы во многихъ случаяхъ сторонниковъ его теоріи въ томъ, что они несомнѣнно утрируютъ идеи своего учителя, критиковъ же,—что они ихъ неправильно понимаютъ. Должное же вниманіе къ обстоятельствамъ жизни автора и къ условіямъ, въ которыхъ сложились и нашли

себѣ письменное выраженіе его воззрѣнія, могло бы явиться спасительнымъ препятствіемъ къ принятію ихъ безъ разбора и тоже предохранило бы отъ ихъ полнаго осужденія.

Какъ и Адамъ Смитъ, Мальтусъ былъ знакомъ со своей эпохой и окружающими условіями. Его отецъ, Даніилъ Мальтусъ, былъ другомъ, корреспондентомъ и душеприказчикомъ Руссо и раздѣлялъ вѣру французскаго мыслителя въ возможность *созданія совершеннаго человѣка съ преобразованіемъ общества*. Воспитаніе своихъ сыновей онъ велъ приблизительно по тому же плану, какой былъ начертанъ въ «Эмилѣ» Руссо, и пытался предоставить полную свободу для самостоятельнаго развитія ихъ характера. Но мы можемъ думать, что онъ знакомилъ своихъ дѣтей также и съ исповѣдуемыми имъ идеями, и что будущій экономистъ былъ воспитанъ въ атмосферѣ, проникнутой энтузіазмомъ и фантастическими надеждами. Пробывъ до 9 или 10 лѣтъ въ домѣ отца, гдѣ его воспитаніе носило до нѣкоторой степени безпорядочный характеръ, Мальтусъ былъ отданъ затѣмъ въ небольшую частную школу въ Батѣ, а черезъ нѣкоторое время былъ переведенъ въ нѣсколько бо́льшую школу въ Уоррингтонѣ, гдѣ директоромъ состоялъ священникъ, проникнутый, подобно его отцу, воспитательными идеями Руссо. Затѣмъ Мальтусъ перешелъ въ Колледжъ Іисуса въ Кембриджѣ, въ 1788 г. окончилъ его съ дипломомъ 1-й степени, а въ 1797 г. получилъ званіе адъюнктъ-профессора. Послѣ этого онъ прожилъ нѣкоторое время въ домѣ своего отца въ Ольбюри, диспутируя съ нимъ по различнымъ вопросамъ современной жизни.

Но къ этимъ вопросамъ отецъ и сынъ подходили съ различныхъ точекъ зрѣнія, ибо молодой Мальтусъ успѣлъ уже стряхнуть съ себя вліяніе своего ранняго воспитанія и чувствовалъ къ нему ясно выраженную враждебность. Онъ теперь нападалъ на тѣ французскія революціонныя доктрины, которыя отецъ его продолжалъ еще защищать; и въ частности свою критику онъ направилъ противъ той новой формы, въ которую какъ разъ въ этомъ году облекъ ихъ Вилльямъ Годвинъ въ своемъ «Enquiry». Споры эти привели къ тому, что свои мысли Мальтусъ занесъ на бумагу и въ 1798 г. выпустилъ безъ обозначенія своего авторства «Опытъ о законѣ народонаселенія въ его связи съ будущимъ усовершенствованіемъ общества».

Таково происхожденіе его знаменитаго «Опыта». Это былъ, какъ замѣчаетъ одинъ критикъ [1]), «безымянный памфлетъ въ политическомъ спорѣ», и онъ имѣлъ всѣ недостатки политическаго памфлета. «Его главный недостатокъ заключался», какъ говоритъ тотъ же критикъ, «не въ неполнотѣ, а въ ошибочности крайнихъ выводовъ, къ которымъ приводитъ автора увлеченіе». И самъ Мальтусъ позже замѣтилъ, что «найдя лукъ слишкомъ перегнутымъ въ одну сторону, онъ, чтобы сдѣлать его прямымъ, былъ, быть можетъ, склоненъ слишкомъ много перегнутъ его въ другую».

Второе изданіе «Опыта», появившееся въ 1803 г., отличалось поэтому весьма значительно отъ перваго. Въ предисловіи Мальтусъ указываетъ, что онъ пытался смягчить нѣкоторые изъ наиболѣе рѣзкихъ выводовъ первоначальнаго «Опыта», и что «въ своемъ настоящемъ видѣ книга можетъ разсматриваться какъ совершенно новое произведеніе». Въ промежутокъ между этими двумя изданіями онъ путешествовалъ заграницей. Въ 1799 г. онъ посѣтилъ Германію, Швецію, Норвегію, Финляндію и Россію и, по своемъ возвращеніи, написалъ памфлетъ «On the high Price of Provisions» («О дороговизнѣ предметовъ потребленія»), въ которомъ онъ говоритъ, между прочимъ, о второмъ изданіи своего «Опыта». Но прежде чѣмъ исполнить

[1]) Бонаръ въ своемъ соч. «Malthus and his Work», p. 5.

свое обѣщаніе, онъ воспользовался удобнымъ случаемъ, представившимся благодаря временному прекращенію военныхъ дѣйствій послѣ Амьенскаго мира, чтобы посѣтить Францію и Швейцарію; и второе изданіе «Опыта» заключало въ себѣ цѣлую массу детальныхъ наблюденій, большинство которыхъ было получено или, во всякомъ случаѣ, провѣрено путемъ личнаго ознакомленія и изслѣдованія. Названіе книги было измѣнено и теперь гласило: «An Essay on the Principle of Population, or a View of its Post and Present Effects on Human Happiness» («Опытъ о законѣ народонаселенія, или обозрѣніе его прошлаго и настоящаго вліянія на человѣческое благополучіе»). Раньше сочиненіе носило по преимуществу политическій характеръ и имѣло въ виду опровергнуть тѣ мечтанія о будущемъ состояніи идеальнаго совершенства, которыхъ придерживались писатели вродѣ Годвина въ Англіи и Кондорсе во Франціи, или вовсе не замѣчавшіе закона народонаселенія или трактовавшіе его очень легко, полагая, что «затрудненія отъ дѣйствія его могутъ возникнуть лишь черезъ очень продолжительный, почти неизмѣримый періодъ времени». Теперь книга была, главнымъ образомъ, статистической и состояла въ своей значительнѣйшей части изъ обозрѣнія исторіи прошлаго и условій настоящаго.

И въ послѣдующее время Мальтусъ неоднократно повѣрялъ свои выводы, и, можно сказать, что въ дальнѣйшемъ онъ всѣ свои занятія и энергію посвятилъ спеціально на лучшее изложеніе того, что считалъ истиной въ вопросѣ о народонаселеніи, изученію же другихъ отраслей политической экономіи отдавался въ значительно меньшей мѣрѣ. Въ теченіе своей жизни онъ выпустилъ шесть изданій своего «Опыта», постоянно дѣлая въ немъ дополненія и исправленія. Въ результатѣ всѣхъ этихъ измѣненій его позиція во всемъ вопросѣ въ цѣломъ оказалась далеко не такой крайней, какъ часто воображали его послѣдователи и противники; и здѣсь, какъ и въ другихъ работахъ по политической экономіи, онъ склоняется къ средней точкѣ зрѣнія. Онъ критиковалъ абстрактный методъ экономическаго изслѣдованія своего современника Рикардо; этотъ экономистъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Мальтусу, говоритъ, что, если самъ былъ «слишкомъ теоретиченъ» (а это по его мнѣнію «дѣйствительно имѣло мѣсто»), то Мальтусъ, напротивъ, былъ «слишкомъ практиченъ». Благодаря этому въ своихъ сочиненіяхъ по обще-экономическимъ вопросамъ Мальтусъ, повидимому, предвосхитилъ нѣкоторыя изъ обвиненій, выставленныхъ впослѣдствіи сторонниками «исторической школы» противъ «абстрактно-дедуктивнаго» метода изслѣдованія; его несортодоксальныя воззрѣнія по нѣкоторымъ вопросамъ, какъ напр., сочувствіе умѣренному покровительства и опасеніе общаго перепроизводства товаровъ, свидѣтельствуютъ одновременно и объ его твердомъ намѣреніи прислушиваться къ практическимъ требованіямъ и о его склонности принять ту точку зрѣнія, которая кажется ему наиболѣе умѣренной и гуманной.

Общія экономическія изслѣдованія Мальтуса состоятъ изъ трактата «О дороговизнѣ предметовъ въ потребленіи», опубликованнаго въ 1800 г., «Замѣчаній о дѣйствіи хлѣбныхъ законовъ», вышедшихъ въ 1814 г., «О политикѣ ограниченія ввоза» (въ томъ же году), «Природа и ростъ ренты» (въ слѣдующемъ году), «Основы политической экономіи» (вышли въ 1820 г.), «Величина цѣнности» (въ 1823 г.), наконецъ, «Опредѣленія въ политической экономіи» (въ 1827 г.). Но не эти сочиненія Мальтуса, а его «Опытъ о народонаселеніи» заставляетъ насъ и теперь помнить о немъ; эта книга также и вначалѣ доставила ему славу. Въ 1805 г. Мальтусъ былъ назначенъ профессоромъ исторіи и политической экономіи въ East India College въ Гейльбюри, и это мѣсто онъ занималъ вплоть до своей смерти. Въ 1819 г. онъ былъ избранъ адъюнктомъ Королевскаго общества,

въ 1821 г. онъ былъ однимъ изъ учредителей Лондонскаго экономическаго клуба, а въ 1834 г. Лондонскаго статистическаго общества. Въ концѣ этого года онъ неожиданно скончался отъ болѣзни сердца; погребенъ онъ былъ въ батскомъ аббатствѣ, гдѣ его надгробный памятникъ гласитъ, что «то былъ одинъ изъ лучшихъ людей и искреннѣйшихъ мыслителей любой эпохи или страны, благодаря природному благородству духа возвысившійся надъ лжетолкованіями невѣждъ и пренебреженіемъ сильныхъ». Эта надпись производитъ впечатлѣніе чего-то большаго, чѣмъ естественной, хотя и преувеличенной, хвалы пораженныхъ горемъ родственниковъ и друзей; Макинтошъ, бывшій товарищемъ Мальтуса по Гейльбюри, сказалъ какъ-то: «Я зналъ немного Адама Смита, Рикаро я зналъ лучше, Мальтуса—очень близко. И развѣ для науки ничего не значитъ, если сказать, что три величайшихъ представителя были, вѣроятно, тремя лучшими людьми, которыхъ я зналъ?»

Общій характеръ «Опыта о народонаселеніи» былъ, какъ мы видѣли, отчасти опредѣленъ непосредственной личной обстановкой автора. Мальтусъ былъ воспитанъ въ атмосферѣ того, что онъ считалъ иллюзіями, и онъ сдѣлалъ энергичную попытку разрушить эти мечты, показавъ, что «имѣется причина, внутренно связанная съ самой природой человѣка», дѣйствіе которой оказалось бы фатальнымъ для общества, построеннаго, какъ того требовалъ Годвинъ, на равенствѣ. Но условія эпохи, въ которую онъ жилъ, также оказали вліяніе на его работы. Мечты его отца о всеобщемъ счастьѣ въ идеальномъ обществѣ создались во время, предшествовавшее французской революціи, а въ исходѣ столѣтія окончилась его жизнь. Но самъ Мальтусъ писалъ въ то время, когда доставленная Франціей практическая иллюстрація революціонныхъ идей породила общественную реакцію. Въ Англіи на политическомъ горизонтѣ не было видно ничего хорошаго, а экономическое положеніе страны было весьма плачевно. Къ реакціи, порожденной жестокими и насильственными эксцессами французской революціи, присоединился всепоглощающій интересъ войны, и вся законодательная дѣятельность остановилась; тяжесть налоговаго бремени, сильно возростая вслѣдствіе военныхъ расходовъ, увеличивалась еще страданіями, обычно сопровождающими рядъ плохихъ урожаевъ. Средній доходъ рабочаго былъ настолько же ниже современнаго намъ, насколько цѣны на обыкновенные и необходимые предметы его потребленія были выше ихъ теперешняго уровня. Финансовыя средства для войны доставлялись въ значительной степени самой Англіей; было вычислено, что проценты по займамъ, которые были заключены, главнымъ образомъ, въ связи съ военными дѣйствіями, достигли, въ концѣ концовъ, десятой части всего національнаго дохода, всѣ же налоги равнялись одной пятой его. Плохіе урожаи очень сильно подняли цѣны на хлѣбъ, а въ 1801 г. за квартеръ (четверть) пшеницы платили одно время даже по 180 шиллинговъ. Смерть отъ голода была не только угрозой, но и реальнымъ фактомъ, а болѣзни предшествовали ей или сопровождали ее. Въ 1795 г., за три года до появленія «Опыта» Мальтуса, правительство принуждено было прибѣгнуть къ «исключительнымъ законамъ», чтобы удержать «низшіе классы» отъ возмущенія, и черпь съ криками «хлѣба» останавливала на улицахъ экипажъ короля.

Нужда была дѣйствительной и достигла крайней степени, но средство, которое было предложено, было такого рода, что могло произвести лишь временное и кажущееся улучшеніе за счетъ постояннаго и все увеличивающагося зла. Законъ о бѣдныхъ долженъ былъ быть передѣланъ въ направленіи бо́льшихъ послабленій, но болѣе снисходительное пользованіе этимъ закономъ уже начало приводить къ очень печальнымъ послѣдствіямъ. Вслѣдствіе недостаточной осторожности и разборчивости, съ какой выда-

валась помощь, лѣнивый получалъ привилегію за счетъ трудящагося. Зло, возникшее въ результатѣ такого примѣненія закона, достигло своего высшаго пункта незадолго до реформы 1834 г.; но весь періодъ, начиная приблизительно съ 1760 г. и до этого времени, былъ періодомъ все растущихъ послабленій и все усиливающагося зла. Къ концу его возрастаніе обложенія сдѣлалось прямо-таки ужаснымъ. Самостоятельность независимаго рабочаго стала испытывать серьезный и продолжительный ущербъ. Фермеры принуждены были расчитывать старательныхъ и трудоспособныхъ рабочихъ, чтобы дать мѣсто лѣнивцамъ и тунеядцамъ, держать которыхъ принуждалъ ихъ приходъ; для нихъ сдѣлалось также возможнымъ понизить уплачиваемую ими самими заработную плату, остатокъ же восполнять приходскими «пособіями» за счетъ плательщиковъ налога. Королевская комиссія, назначенная для изслѣдованія, каково дѣйствіе нереформированнаго закона о бѣдныхъ, нашла въ одномъ мѣстѣ, что недѣльныя получки паупера больше, чѣмъ недѣльный заработокъ самостоятельнаго рабочаго; въ другомъ мѣстѣ, женщины жаловались на мужей, что тѣ отказываются улучшить свое существованіе, перейдя на положеніе пауперовъ; а въ третьемъ мѣстѣ собственники земли предлагали ее всѣмъ пауперамъ вмѣстѣ по той простой причинѣ, что обложеніе превосходило ренту. Этотъ неразборчивый методъ оказанія помощи доводился до своей крайности особенно на югѣ Англіи, и здѣсь какъ разъ оказалось наиболѣе труднымъ и долгимъ избавиться отъ его губительныхъ послѣдствій.

Примѣненіе закона о бѣдныхъ испытало нѣкоторое послабленіе незадолго передъ тѣмъ, какъ Мальтусъ написалъ свою книгу, ибо въ 1782 г. Gilbert's Act уничтожилъ для работныхъ домовъ «свидѣтельство о бѣдности» и смотрителямъ было положительно запрещено посылать туда кого-либо, кромѣ немощныхъ, а въ 1795 г. на собраніи беркширскихъ магистратовъ въ Спингамлендѣ была введена развращающая система пособій къ заработной платѣ».

Этотъ отказъ отъ прежней строгости началъ уже повидимому приводить къ нѣкоторымъ изъ послѣдствій, которыя къ 1834 г. достигли полнаго развитія. Первая половина столѣтія была отмѣчена повышеніемъ заработной платы и почти полнымъ отсутствіемъ прироста населенія. Домашняя система промышленности въ соединеніи съ нежеланіемъ лендлордовъ строить коттеджи въ своихъ владѣніяхъ изъ страха, что наниматели создадутъ себѣ «осѣдлость» и, можетъ случиться, лягутъ бременемъ на плательщиковъ налога,—заставляла отсрачивать возрастъ, когда рабочій могъ оставить своего отца или хозяина и основать свою собственную семью. Но середина столѣтія совпала съ началомъ ряда важныхъ изобрѣтеній, которыя произвели цѣлую революцію въ характерѣ и методахъ промышленности. Адамъ Смитъ жилъ наканунѣ этой революціи и, во всякомъ случаѣ, видѣлъ едва ли что-либо больше, чѣмъ первые слабые лучи, которые возвѣщаютъ наступленіе дня. Мальтусъ же видѣлъ ея полное развитіе. Промышленность стала покидать мелкія домашнія заведенія въ сельскихъ мѣстностяхъ и постепенно переселялась въ новыя большія фабрики быстро растущихъ городовъ. Явилось много новыхъ занятій, браки сдѣлались болѣе ранними, такъ какъ люди стали больше довѣрять судьбѣ въ томъ, что смогутъ въ дальнѣйшемъ обезпечить свое существованіе. Война съ Франціей еще увеличила спросъ на людей, создавшійся благодаря возникновенію фабрикъ, и политика лендлордовъ и правящихъ классовъ сдѣлалась совершенно иной. Содѣйствіе возрастанію населенія стало считаться дѣломъ національной важности и обязанностью индивида, и постройка коттеджей шла теперь рядомъ съ все увеличивающимися послабленіями въ примѣненіи закона о бѣдныхъ. Чѣмъ больше у человѣка было дѣтей, тѣмъ

больше признавалось за нимъ правъ на приходское пособіе; общественная помощь сдѣлалась «правомъ и честью, а не униженіемъ и безславіемъ».

Но хлѣба, чтобы прокормить эти новыя существа, вступающія въ жизнь, было совершенно недостаточно. Хлѣбъ становился дороже, независимо даже отъ плохихъ урожаевъ; засѣянное пшеницей поле приносило мѣстами не болѣе восьми бушелей съ акра. Кромѣ того, вслѣдствіе ограниченій хлѣбныхъ законовъ его нельзя было свободно ввозить изъ-за границы; а мнѣніе Адама Смита, что возстановленіе полной свободы торговли въ Англіи столь же фантастично, какъ и осуществленіе «Утопіи»,—еще далеко не было опровергнуто фактами. Самъ Мальтусъ тоже высказался какъ-то, что «полная свобода торговли—мечта», которая «можно опасаться, никогда не будетъ осуществлена».

Какія бы, поэтому, мечты о будущемъ счастьѣ ни создавали энтузіасты, нельзя было игнорировать дѣйствительную нужду настоящаго; и поскольку воззрѣнія Мальтуса ошибочны и ненаучны, эта ошибочность и ненаучность должны быть приписаны, главнымъ образомъ, общечеловѣческому свойству, отъ котораго свободны лишь очень и очень немногіе,—слишкомъ поспѣшно обобщать факты современной наблюдателю жизни. Скупость природы и плодовитость человѣка—вотъ два факта, которые особенно рѣзко бросались въ глаза въ эпоху Мальтуса; и ничего, конечно, нѣтъ удивительнаго, что въ своемъ горячемъ стремленіи опровергнуть утопическую позицію Годвина, Мальтусъ придалъ этимъ фактамъ преувеличенное значеніе.

Разсматривая первый изъ нихъ, Мальтусъ развиваетъ весьма важную экономическую теорію. Мальтусъ замѣтилъ, что въ Англіи воздѣлываніе почвы шло, распространяясь съ болѣе богатыхъ участковъ на все болѣе и болѣе бѣдные, доставлявшіе лишь по восьми бушелей съ акра. И это происходитъ, какъ онъ заключилъ, по слѣдующей причинѣ. По мѣрѣ того, какъ спросъ на хлѣбъ сталъ требовать увеличенія его производства, выяснилось, что болѣе богатые участки не даютъ непрерывно тѣ же или увеличенные сборы соотвѣтственно каждому дальнѣйшему послѣдовательному приложенію труда и капитала къ ихъ обработкѣ, а что, если требуется больше хлѣба, то его можно получить, или сдѣлавъ относительно большую чѣмъ предполагаемое увеличеніе урожая, затрату труда и капитала на болѣе богатыхъ участкахъ или привлекая къ обработкѣ болѣе бѣдныя земли. Здѣсь дѣйствовалъ, выражаясь техническимъ языкомъ экономической науки, «законъ убывающаго плодородія», щедрость природы оказывалась ограниченной. Мальтусъ не далъ вполнѣ точной формулировки закона, но въ цѣломъ, повидимому, обладалъ правильнымъ представленіемъ о немъ. Онъ говоритъ, что, если «акръ за акромъ привлекать къ обработкѣ, пока не будетъ занята вся плодородная земля, то дальнѣйшее возрастаніе производства хлѣба должно зависѣть отъ улучшенія почвы, уже находящейся въ обработкѣ. А это фондъ, который, по самой природѣ всякой почвы, долженъ вмѣсто возрастанія постепенно уменьшаться [1]).

Разсмотрѣвъ законъ, опредѣляющій увеличеніе средствъ потребленія, онъ обратился къ росту численности населенія. Мальтусъ изслѣдуетъ «дѣйствіе одной великой причины, внутренне связанной съ самой природой человѣка», которая «постоянно и могуче дѣйствовала, начиная съ самаго основанія общества». Это—«постоянное стремленіе всего живого возрастать за предѣлы имѣющихся въ распоряженіи средства потребленія». «Если бы жизненные зародыши, находящіеся на нашей землѣ», замѣчаетъ Мальтусъ, «могли свободно развиваться, то въ теченіе немногихъ тысячъ лѣтъ они наполнили бы милліоны міровъ». Но это стремленіе, въ концѣ концовъ,

[1]) Цитата взята изъ шестого изданія «Опыта».

сдерживалось «необходимостью, этимъ могучимъ, все проникающимъ закономъ природы», а въ человѣкѣ эта необходимость получала себѣ поддержку въ его разумѣ. «Ни въ одномъ состояніи общества, какое мы только знаемъ», замѣчаетъ Мальтусъ, «способности населенія къ росту не было предоставлено дѣйствовать вполнѣ свободно». «Но въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, гдѣ средства къ существованію были болѣе обильны, народные нравы болѣе чисты, а препятствія къ раннимъ бракамъ не такъ значительны, какъ въ какомъ-либо изъ современныхъ европейскихъ государствъ, населеніе на протяженіи болѣе, чѣмъ полутораста лѣтъ, удваивалось менѣе, чѣмъ въ каждыя двадцать пять лѣтъ», а въ Западныхъ Штатахъ даже въ пятнадцать лѣтъ. Эйлеръ опредѣлилъ періодъ удвоенія въ двѣнадцать и четыре пятыхъ года, а сэръ Вилльямъ Петти въ десять лѣтъ. Но, чтобы быть вполнѣ увѣреннымъ, что «утвержденія его истинны», самъ Мальтусъ беретъ «наименьшую изъ этихъ скоростей возрастанія», и съ нѣкоторымъ пристрастіемъ къ математикѣ, легко объяснимымъ у кембриджскаго адъюнкта, онъ противопоставляетъ возрастаніе населенія «при условіи отсутствія препятствій» «предполагаемому» возрастанію произведеній земли (которое, правда, «не такъ легко опредѣлить»), сравнивая первое съ ростомъ геометрической, а второе съ ростомъ ариѳметической прогрессіи.

Самъ Мальтусъ лучше, пожалуй, чѣмъ нѣкоторые его критики, сознавалъ, что эта аналогія не допускаетъ вполнѣ точнаго приложенія; и онъ разсматривалъ ее скорѣе, какъ указаніе на крайніе предѣлы, которые полагаются, съ одной стороны, минимальной пропорціей возрастанія населенія, а съ другой—максимальной пропорціей увеличенія средствъ существованія. Можно себѣ представить, говоритъ онъ, что запасъ хлѣба въ Англіи будетъ возрастать въ ближайшее и каждое затѣмъ слѣдующее двадцатипятилѣтіе на «количество, равное производимому въ настоящее время»: самый пылкій энтузіастъ не въ состояніи представить себѣ большаго возрастанія, чѣмъ это». Но, съ другой стороны, можно «смѣло сказать»—и этотъ расчетъ будетъ основываться на «самой медленной пропорціи возрастанія»—что населеніе «при отсутствіи препятствіи» «удваивалось бы каждыя двадцать пять лѣтъ».

Точно такъ же можно утверждать, что Мальтусъ предугадалъ нѣкоторыя возраженія, которыя и въ его дни, и послѣ его смерти дѣлались противъ его «Опыта», ибо онъ точно различалъ возможный приростъ отъ дѣйствительнаго. Въ самомъ дѣлѣ, было три положенія, которыя онъ «стремился» доказать. Первое состояло въ томъ, что «населеніе, по необходимости, ограничено средствами существованія». Второе гласило, что «населеніе неизмѣнно возрастаетъ, когда возрастаютъ средства существованія, если только этому не мѣшаютъ какія-либо могущественныя и очевидныя препятствія». Наконецъ, третье и послѣднее: эти препятствія, ограничивающія могучую способность населенія къ возрастанію и удерживающія его на уровнѣ средствъ существованія, сводятся всѣ къ моральному воздержанію, пороку и нищетѣ». «Первое изъ этихъ предложеній», говоритъ Мальтусъ, «едва ли нуждается въ доказательствахъ и примѣрахъ». Второе и третье могутъ быть «достаточно удовлетворительно доказаны обозрѣніемъ непосредственныхъ препятствій къ росту населенія въ прежнемъ и теперешнемъ состояніи общества».

И это обозрѣніе занимаетъ у него значительнѣйшую часть всего «Опыта». Оно содержитъ громадное количество фактовъ, заимствованныхъ изъ записокъ путешественниковъ или основывающихся на личномъ изслѣдованіи. Начиная «съ низшей стадіи человѣческаго общества», Мальтусъ изслѣдуетъ положеніе американскихъ индѣйцевъ, жителей Тихо-океанскихъ острововъ, обитателей различныхъ частей Африки, Сибири, турецкихъ вла-

дѣній и Персіи, Индостана и Тибета, Китая и Японіи, древней Греціи, Рима и Сѣверной Европы. Затѣмъ, во второй книгѣ онъ переходитъ къ болѣе близкимъ намъ временамъ и къ болѣе цивилизованнымъ народамъ; здѣсь онъ пользуется «записями рожденій, смертей и браковъ» и весьма часто прибѣгаетъ къ статистическимъ вычисленіямъ. Онъ разсматриваетъ послѣдовательно препятствія, дѣйствующія въ Норвегіи, Швеціи, Россіи, Средней Европѣ, Швейцаріи, Франціи, Англіи, Шотландіи и Ирландіи. Третья книга изслѣдуетъ «различныя системы или мѣры, которыя предлагались или примѣнялись въ обществѣ, поскольку онѣ касаются бѣдствій, возникающихъ изъ дѣйствія закона народонаселенія». Здѣсь онъ разсматриваетъ тѣ схемы соціальнаго равенства, которыя проповѣдывались Годвиномъ и Кондорсе и подали первоначальный поводъ къ написанію «Опыта», а также эмиграцію и законъ о бѣдныхъ. Въ четвертой и послѣдней книгѣ Мальтусъ изслѣдуетъ, что можно ожидать въ будущемъ «относительно устраненія или смягченія бѣдствій, вытекающихъ изъ закона народонаселенія».

Обстоятельства, задерживающія ростъ населенія, дѣлятся Мальтусомъ на два разряда: на «положительныя» препятствія, уничтожающія населеніе, и «предупредительныя», задерживающія появленіе излишняго населенія на свѣтъ. Мальтусъ устанавливаетъ еще тройное перекрестное дѣленіе: всѣ эти препятствія «могутъ быть сведены къ моральному воздержанію, пороку и нищетѣ». По мѣрѣ того, какъ мы переходимъ отъ низшихъ стадій жизни и ступеней цивилизаціи къ высшимъ, положительныя препятствія уступаютъ свое значеніе предупредительнымъ. Тотъ же процессъ характеризуется возрастающимъ значеніемъ моральнаго воздержанія надъ порокомъ и нищетой.

Изъ положительныхъ препятствій нѣкоторыя, какъ, напр., голодъ и болѣзнь, возникаютъ подъ дѣйствіемъ «законовъ природы» и могутъ быть названы «порожденіемъ нищеты», другія же «мы создаемъ сами, какъ, напр., войну, эксцессы и т. п.», избѣжать ихъ было бы въ нашей власти. «Порождаетъ ихъ порокъ, и послѣдствіемъ ихъ является нужда». «Предупредительная же задержка», съ другой стороны, «поскольку она обусловлена волей, свойственна спеціально человѣку, связана съ отличающимъ его превосходствомъ умственныхъ способностей, благодаря которому онъ имѣетъ возможность предвидѣть отдаленныя послѣдствія». Это предупрежденіе принимаетъ иногда характеръ порока, иногда — нравственнаго воздержанія.

Эта теорія, краткое изложеніе которой нами только что дано, оригинальна скорѣе по формѣ, которая ей сообщена, чѣмъ по способу своего обоснованія. Самъ Мальтусъ говоритъ, что въ теченіе «историческаго изслѣдованія», которое онъ выполнилъ въ промежутокъ между первымъ и вторымъ изданіемъ, онъ убѣдился, что по этому вопросу сдѣлано «значительно больше», чѣмъ онъ думалъ, когда «впервые выпустилъ свой «Опытъ». «Бѣдность и нищета, возникающія изъ слишкомъ быстраго возрастанія населенія, были хорошо извѣстны уже во времена Платона и Аристотеля, и для борьбы съ этимъ бѣдствіемъ предлагались самыя рѣшительныя и жестокія мѣры»; а въ позднѣйшее время этотъ вопросъ разсматривался «нѣкоторыми изъ французскихъ экономистовъ, случайнымъ образомъ и Монтескье», а «изъ нашихъ собственныхъ писателей Д. Франклиномъ, сэромъ Джемсомъ Стюартомъ, Арт. Юнгомъ, и Тоуншендомъ», равно какъ «Юмомъ, Уоллесомъ, Ад. Смитомъ и д-ромъ Прайсомъ», «изъ сочиненій котораго» онъ прямо и «вывелъ законъ, составляющій главное положеніе его «*Опыта*». Самъ же Мальтусъ «лишь съ бо́льшей силой и точностью» произвелъ «сравненіе возрастанія населенія и средствъ продовольствія», изслѣдовалъ «различные способы, какими населеніе удерживается

на уронѣ средствъ существованія», прослѣдилъ «законъ во всемъ его дѣйствіи» и извлекъ практическіе выводы. Но подобно тому, что мы говорили объ А. Смитѣ и его предшественникахъ, пониманіемъ этого закона во всемъ его значеніи экономическая наука обязана Мальтусу; Мальтусъ установилъ его въ такой формѣ, что его разработка можетъ разсматриваться какъ совершенно оригинальная по своему существу. И какъ для А. Смита, такъ и для Мальтуса дальнѣйшее развитіе экономической теоріи лишь модифицировало и дополняло его утвержденія; и мы можемъ теперь разсмотрѣть съ точки зрѣнія современной теоріи, насколько его «Опытъ» соотвѣтствуетъ фактамъ нашихъ дней.

Представленіе, которое онъ, повидимому, составилъ себѣ о законѣ убывающаго плодородія, по существу своему правильно; но Мальтусъ не подчеркиваетъ,—или во всякомъ случаѣ не дѣлаетъ этого достаточно ясно,—условій, ограничивающихъ его приложеніе къ жизни. Законъ убывающаго плодородія есть констатированіе тенденціи, которая можетъ быть уравновѣшена дѣйствіемъ противоположныхъ тенденцій. Законъ этотъ утверждаетъ, что, послѣ того какъ достигнута извѣстная ступень въ обработкѣ земли, при прочихъ равныхъ условіяхъ урожаи не будутъ возрастать пропорціонально новымъ затратамъ капитала и труда. Но опредѣлить съ точностью эту ступень чрезвычайно трудно; другія условія не могутъ оставаться неизмѣнными. Возможно, что возрастаніе населенія, увеличивая спросъ на хлѣбъ, создастъ условія для болѣе систематической организаціи и раздѣленія труда въ производствѣ его; въ результатѣ можетъ явиться, что добавочное приложеніе труда къ воздѣлыванію земли будетъ сопровождаться относительно увеличившимся, а не уменьшившимся сборомъ. Возможно также, что подобный улучшенный методъ воздѣлыванія, сопровождающійся относительно большимъ, а не меньшимъ сборомъ хлѣба, будетъ состоять въ добавочномъ приложеніи капитала въ формѣ удобренія или механическихъ улучшеній. Возможно далѣе, что болѣе бѣдныя земли подвергались обработкѣ ранѣе болѣе богатыхъ, потому-ли что требовавшееся для послѣднихъ первоначальное приложеніе капитала—въ видѣ расходовъ на осушеніе, огораживаніе и т. п.—превышало затраты, которыя были необходимы для болѣе бѣдныхъ участковъ, или по какой-либо другой причинѣ. А когда затѣмъ съ развитіемъ общества эта первоначальная затрата была выполнена, сборы могутъ относительно возрасти, а не уменьшиться. Или, наконецъ, возможно, что на болѣе высокой ступени цивилизаціи участокъ будетъ употребленъ для другихъ цѣлей или будетъ засѣваться другимъ хлѣбомъ; и тогда какъ доходъ при старой формѣ пользованія или при засѣвѣ прежними сѣменами будетъ уменьшаться, при новыхъ онъ будетъ расти.

Всѣ эти возможности до нѣкоторой степени осуществились въ Англіи послѣ Мальтуса. Большее населеніе сдѣлало возможнымъ болѣе систематическую организацію и большее раздѣленіе труда, по крайней мѣрѣ въ промышленности, если не въ земледѣліи; а благодаря отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ увеличившіеся въ своемъ количествѣ продукты англійской промышленности стали обмѣниваться на все большіе запасы иностраннаго хлѣба. Территорія, съ которой англійское населеніе получаетъ свой хлѣбъ, непрерывно росла, пока, наконецъ, не охватила хлѣбныя поля Америки, Россіи и Индіи. Дѣвственныя земли Новаго Міра пришли на подмогу истощенной почвѣ стараго. Во многихъ случаяхъ старую почву оказалось возможнымъ обратить для другого употребленія или засѣвать ее другимъ хлѣбомъ. Средства сообщенія внутри страны и транспортъ изъ-за границы испытали значительныя улучшенія; а расходы по доставкѣ продукта на рынокъ, входящіе составною частью въ общія издержки производства, сильно сократились. Способы воздѣлыванія улучшались; конецъ XVIII и

начало XIX ст. были свидѣтелями такихъ преобразованій въ англійской земледѣльческой практикѣ, которыя шли почти въ ногу съ изобрѣтеніями, произведшими революцію въ обрабатывающей промышленности; періодъ же, послѣдовавшій за отмѣной хлѣбныхъ законовъ и установленіемъ свободы торговли, былъ періодомъ развитія высоко-интенсивнаго фермерскаго хозяйства.

Было бы неправильно сказать, что Мальтусъ не зналъ послѣдствій, которыя могутъ явиться въ результатѣ подобныхъ измѣненій; но онъ, конечно, не могъ предвидѣть ихъ полнаго значенія и размѣровъ. Ему было извѣстно, что «на землѣ имѣются пространства, до сихъ поръ невоздѣланныя и почти не занятыя»; но «процессъ просвѣщенія» «обитателей этихъ слабо населенныхъ мѣстностей» и «улучшенія ихъ промышленной дѣятельности» долженъ быть, по мнѣнію Мальтуса, «по необходимости весьма медленнымъ». Мальтусъ признавалъ, что Европа населена «далеко не такъ густо», какъ могла бы быть, что агрономическая наука усердно изучается въ Англіи и Шотландіи, и что въ этихъ странахъ имѣется весьма значительный процентъ невоздѣланной земли. Онъ говоритъ, что «затрата большихъ капиталовъ на осушеніе» или на примѣненіе «естественныхъ или искусственныхъ удобреній» является «въ высшей степени производительной»; наконецъ, «улучшенная система обработки и употребленіе усовершенствованныхъ орудій можетъ на значительное время болѣе чѣмъ уравновѣсить тенденію» къ «относительно меньшимъ сборамъ». «Я легко могу представить себѣ», пишетъ Мальтусъ, «что эта страна, при разумномъ направленіи національной промышленности, можетъ черезъ нѣсколько столѣтій содержать населеніе, въ два или три раза превышающее теперешнее; и, однако, каждый человѣкъ въ королевствѣ лучше бы питался и былъ бы лучше одѣтъ, чѣмъ въ настоящее время». Но онъ полагалъ, что допустить, «будто при наилучшей возможной политикѣ и энергичномъ содѣйствіи земледѣлію средній размѣръ производства хлѣба въ Великобританіи можетъ быть удвоенъ въ теченіе двадцати пяти лѣтъ», значитъ допустить» такое увеличеніе, ожидать котораго нѣтъ никакихъ разумныхъ основаній»; «предполагать» же, что «въ слѣдующее затѣмъ двадцатипятилѣтіе онъ можетъ учетвериться», «совершенно невозможно и противно всѣмъ нашимъ знаніямъ о свойствахъ земли».

Мальтусъ былъ настолько далекъ отъ пессимизма, что въ давленіи населенія видѣлъ стимулъ къ улучшеніямъ. «Зло существуетъ», пишетъ онъ, «не для того, чтобы порождать отчаяніе, а чтобы пробуждать нашу дѣятельность»; и далѣе онъ утверждаетъ, что возрастаніе населенія является «одновременно и большимъ положительнымъ благомъ и безусловной необходимостью для дальнѣйшаго возрастанія годового производства и труда въ странѣ», «лишь бы только оно происходило своимъ естественнымъ порядкомъ». Это значитъ совершенно не понимать мою теорію», говоритъ Мальтусъ, «если говорить, что я врагъ населенія». «Я только врагъ порока и нищеты». «Всегда надо тщательно отличать излишнее населеніе отъ только многочисленнаго».

Но, какъ замѣчаетъ одинъ французскій экономистъ [1]), Мальтусъ не былъ «географомъ»; и, признавая выгоды иностранной торговли, онъ не могъ предугадать распространенія и развитія англійской торговли, которое должно было послѣдовать за отказомъ отъ протекціонистской политики и за созданіемъ удобныхъ, недорогихъ и быстрыхъ средствъ «перевозки». «Необузданная спекуляція», пишетъ Мальтусъ, «породила мысль (къ которой надо отнестись скорѣе какъ къ шуткѣ, чѣмъ какъ къ серьезному

---

[1]) M. Leroy-Beaulieu.

предложенію), что Европа должна взращивать свой хлѣбъ въ Америкѣ, себя же посвятить исключительно промышленности и торговлѣ, такъ какъ это будетъ наилучшее раздѣленіе труда на землѣ». Онъ не былъ также въ состояніи предвидѣть, какихъ размѣровъ достигнетъ эмиграція труда (и капитала); и по этой-то, быть можетъ, причинѣ онъ видѣлъ въ эмиграціи скорѣе «легкій паліативъ», чѣмъ «подходящее средство лѣченія». «Какъ частичная и временная мѣра, имѣющая въ виду привлеченіе къ обработкѣ новыхъ земель и болѣе широкое распространеніе цивилизаціи» эмиграція является, по его мнѣнію, «одинаково и полезной и цѣлесообразной».

Но главное заключается, повидимому, въ томъ, что все положеніе онъ представлялъ себѣ нѣсколько иначе, чѣмъ мы. Для него населеніе, повидимому, всегда опережало улучшенія и въ этомъ соревнованіи какъ бы напрягало всѣ силы, чтобы остаться впереди. Мы же, быть можетъ, будемъ болѣе близкими къ дѣйствительности, если скажемъ, что въ цивилизованныхъ странахъ улучшенія, въ общемъ и цѣломъ, идутъ впереди населенія. «Хотя препятствія для дальнѣйшаго возрастанія населенія», пишетъ онъ, «далеко не такъ хорошо опредѣлены и ясно видны на континентѣ, какъ на островахъ, все же они почти непреодолимы, и эмигрантъ, измученный бѣдствіями, которыя онъ испыталъ въ своей странѣ, вовсе не можетъ быть увѣренъ, что найдетъ для себя облегченіе въ другой. Мы не знаемъ до сихъ поръ ни одного острова, производство котораго не могло бы быть дальше увеличено. Это все, что можно сказать обо всей землѣ. Каждая страна населена въ соотвѣтствіи съ своей настоящей производительностью». Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: «Когда обращаемся къ практическимъ границамъ населенія, то весьма важно помнить, что они всегда значительно ниже крайней способности земли къ производству хлѣба»; равнымъ образомъ «очень важно имѣть въ виду, что задолго до того, какъ будетъ въ какой-либо странѣ достигнута практическая граница, пропорція возрастанія населенія начнетъ постепенно понижаться». Высказываясь объ опредѣляющемъ вліяніи населенія и отвѣчая на вопросъ, «можетъ ли земледѣліе съ большимъ правомъ быть названо производящей причиной населенія, чѣмъ населеніе производящей причиной земледѣлія», Мальтусъ пишетъ, что многіе предразсудки относительно населенія возникли изъ «ошибочнаго представленія о томъ, что чему предшествуетъ»; однако послѣдующія изслѣдованія заставляютъ насъ сильно сомнѣваться, чтобы самъ Мальтусъ былъ въ этомъ отношеніи совершенно свободенъ отъ ошибокъ. Его представленіе объ эластичной природѣ границы, устанавливаемой закономъ убывающаго плодородія, является лишь слабымъ и неполнымъ въ сравненіи съ нашими болѣе обширными и положительными знаніями; кромѣ того, онъ замыкаетъ обыкновенно свое изслѣдованіе въ рамки земледѣльческой промышленности. Намъ нужно, поэтому, сильнѣе подчеркнуть эластичность указываемой М. границы, а затѣмъ тенденціи къ относительно уменьшающимся сборамъ въ нашемъ земледѣліи противопоставить тенденцію къ все возрастающей производительности англійской промышленности; равнымъ образомъ нужно указать, что въ странахъ, поставляющихъ намъ пшеницу, производительность добавочныхъ затратъ труда или капитала въ земледѣліи въ наше время или относительно повышается или остается стаціонарной, но пока еще не обнаруживаетъ тенденціи къ паденію. Но, съ другой стороны, не слѣдуетъ забываетъ, что даже признаніе «производительности земли абсолютно безграничной» «ни на волосъ не ослабитъ», по мнѣнію Мальтуса, значенія его доводовъ, «покоящихся всецѣло на различной пропорціи возрастанія населенія и средствъ существованія». И въ этомъ отношеніи послѣдующій опытъ свидѣтельствуетъ въ его пользу; въ нашей собственной странѣ, напр., средній урожай пшеницы съ одного акра поднялся съ 23 бу-

шелей въ 1770 г. до 28 въ 1880 г. при одновременномъ увеличеніи населенія съ шести до 26 милліоновъ.

Если мы теперь обратимся къ другой сторонѣ его теоріи, то прежде всего должны сказать, что тенденціи населенія къ возрастанію онъ въ цѣломъ придавалъ, повидимому, гораздо большее значеніе, чѣмъ «положительнымъ предупредительнымъ задержкамъ», которыя онъ столь подробно иллюстрировалъ въ своихъ многочисленныхъ примѣрахъ. «Въ каждой странѣ», пишетъ Мальтусъ, «нѣкоторыя изъ этихъ задержекъ съ большей или меньшей силой дѣйствуютъ постоянно; и, тѣмъ не менѣе, несмотря на ихъ всеобщее преобладаніе, лишь въ очень немногихъ государствахъ мы не замѣчаемъ постояннаго стремленія населенія къ возрастанію за предѣлы средствъ существованія. Эта же постоянная тенденція непрерывно стремится подчинять нуждѣ низшіе классы общества и дѣлаетъ невозможнымъ какое-либо значительное улучшеніе ихъ положенія на болѣе или менѣе продолжительное время». Въ первомъ изданіи своего «Опыта» Мальтусъ дѣлилъ эти препятствія къ возрастанію населенія на двѣ категоріи—на порокъ и нищету; и лишь во второмъ изданіи онъ призналъ «дѣйствіе еще одного задерживающаго обстоятельства»—«моральнаго воздержанія».

Мальтусъ старался дать возможно болѣе точное опредѣленіе того, что онъ понимаетъ подъ этимъ послѣднимъ выраженіемъ. Онъ опредѣляетъ его, какъ «воздержаніе отъ брака по соображеніямъ благоразумія, причемъ поведеніе человѣка въ теченіе всего періода воздержанія остается строго нравственнымъ»; и во всѣхъ его сочиненіяхъ нельзя найти и намека на оправданіе того, что теперь извѣстно подъ именемъ нео-мальтузіанства; это одинъ изъ многихъ примѣровъ ироніи судьбы, пожелавшей, чтобы его имя сдѣлалось жертвой такого злоупотребленія. Въ одномъ мѣстѣ Мальтусъ говоритъ, что «причина, могущая предупредить какое-либо частное зло, можетъ быть внѣ всякаго сравненія хуже самого зла» и далѣе: «мнѣ было бы въ высшей степени печально, если бы я что-либо сказалъ, что прямымъ-ли или самымъ отдаленнымъ образомъ могло быть истолковано въ неблагопріятномъ для дѣла добродѣтели смыслѣ». Равнымъ образомъ Мальтусъ вовсе и не думалъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые его критики, предлагать «законъ, воспрещающій бѣднымъ вступленіе въ бракъ». Онъ стремился единственно лишь «пробудить въ насъ сознаніе нашего долга не вступать въ бракъ, пока мы не имѣемъ достаточныхъ основаній думать, что будемъ въ состояніи содержать нашихъ дѣтей», и утверждалъ, что нужно давать пройти извѣстному времени, «прежде чѣмъ создавать прочныя и продолжительныя привязанности, безъ наличія которыхъ браки порождаетъ обыкновенно значительно больше страданій, чѣмъ счастья». «Цѣль настоящаго сочиненія», пишетъ Мальтусъ, «не въ томъ, чтобы выработать новые планы къ улучшенію общества, а въ томъ, чтобы вселить сознаніе необходимости довольствоваться способомъ улучшенія, который диктуется самой природой вещей и отчасти уже примѣнялся, и не ставить препятствій успѣхамъ, которые иначе, такимъ образомъ, могли бы быть достигнуты».

Бэджготъ замѣтилъ [1]) съ нѣкоторой ироніей, что въ своей первоначальной формѣ «Опытъ о народонаселеніи» весьма послѣдователенъ, какъ теорія, но опирается на невѣрные факты; во второмъ же своемъ изданіи онъ покоится на вѣрныхъ фактахъ, но вовсе не послѣдователенъ и не убѣдителенъ какъ логическое построеніе. Вводя это новое препятствіе, «моральное воздержаніе», Мальтусъ «лишилъ значенія все свое построеніе». Если этотъ принципъ «нравственнаго самовоздержанія» дѣйствителенъ, Мальтусъ нисколько не возражаетъ Годвину: онъ уже не въ состояніи

[1]) Economic Studies, p. 137.

разрушить фантастическихъ мечтаній о совершенномъ строѣ. Если для нравственно-совершеннаго общества возможно сознательно ограничивать свою численность, то члены его будутъ такъ же выполнять эту свою обязанность, какъ они выполняютъ и другія; нѣтъ, слѣдовательно, ненарушимаго принципа, который сдѣлалъ бы невозможнымъ существованіе такой общины; она можетъ приспособлять свою численность къ имѣющимся въ ея распоряженіи запасамъ, и существовать вѣчно».

Въ этомъ отношеніи Мальтусъ скорѣе лишь смутно предвидѣлъ, чѣмъ ясно сознавалъ всѣ послѣдствія, какія вытекаютъ изъ его утвержденій. Его теорія, даже въ своей измѣненной формѣ, была направлена противъ эгалитарныхъ системъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вовсе не отрицала прогресса. «Всюду», пишетъ Мальтусъ, «практика человѣчества въ отношеніи брака стояла значительно выше господствовавшихъ теорій, и какъ бы часто мы ни встрѣчались съ риторическими заявленіями объ обязательности вступленія въ бракъ», на практикѣ каждый человѣкъ, прежде чѣмъ рѣшиться на этотъ столь важный шагъ, считалъ необходимымъ подумать о средствахъ къ содержанію семьи. Великая vis medicatrix reipublicae, желаніе улучшить свое положеніе и страхъ, что сдѣлаешь его только худшимъ,—дѣйствовала постоянно, постоянно направляла людей на правильный путь, несмотря на всѣ декламаціи, которыя стремились свернуть ихъ въ сторону. Благодаря этому могучему здоровому началу, дѣйствующему въ каждомъ обществѣ и являющемуся не чѣмъ инымъ, какъ выводомъ, неизбѣжно напрашивающимся изъ наблюденій надъ общимъ ходомъ жизни,—благоразумное воздержаніе отъ брака возросло въ своемъ значеніи въ Европѣ, и нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что оно сдѣлаетъ дальнѣйшіе успѣхи».

Но, съ другой стороны, въ сочиненіяхъ Мальтуса есть мѣста, которыя, повидимому, свидѣтельствуютъ, что самъ онъ никогда полностью не освободился отъ нѣкоторыхъ мнѣній, развитыхъ имъ въ первомъ изданіи «Опыта». «Меня обвиняли», говоритъ Мальтусъ, «въ томъ, что при обзорѣ различныхъ общественныхъ состояній я не удѣлилъ достаточнаго вниманія моральному воздержанію». «Но я думаю, что не совершилъ въ этомъ отношеніи особенно большой ошибки»... Мальтусъ вовсе не склоненъ былъ отрицать, что половое чувство—«одинъ изъ важнѣйшихъ ингредіентовъ человѣческаго счастья», и что, «если его уничтожить или уменьшить», то «человѣческая жизнь превратится, вѣроятно, въ холодную и безрадостную пустыню или же представитъ собой картину дикой и безпощадной жестокости». «Нужны были, поэтому, регулированіе этого инстинкта и направленіе его въ правильное русло, а не уменьшеніе или полное уничтоженіе». Но, по мнѣнію Мальтуса, «немногіе изъ его читателей питали меньше надеждъ, чѣмъ онъ самъ, на внезапное и большое измѣненіе поведенія людей въ этомъ отношеніи». И какъ ни твердо онъ былъ убѣжденъ, что «система законовъ о бѣдныхъ» является «первымъ большимъ препятствіемъ къ наступленію этого измѣненія», какъ ни горячо онъ заявлялъ, что «эта система—зло, по сравненію съ которымъ національный долгъ со всѣми его печальнѣйшими послѣдствіями имѣетъ лишь небольшое значеніе», все же онъ сознавалъ, что зло это «настолько прочно теперь укоренилось, а помощь, оказываемая въ силу закона о бѣдныхъ, приняла такіе широкіе размѣры, что никто, сохранившій въ себѣ человѣчность, не рѣшится предлагать ихъ прямую отмѣну. Самъ Мальтусъ «никогда не хотѣлъ бы заходить со своими общими принципами слишкомъ далеко и предлагалъ лишь *постепенную* и *очень постепенную* отмѣну законовъ о бѣдныхъ».

Мальтусъ не далъ опредѣленной или связной теоріи соображеній, которыми руководится человѣкъ, практикующій моральное воздержаніе. Иногда онъ говоритъ, что эти соображенія ограничиваются доставленіемъ средствъ,

необходимыхъ для обезпеченія голаго существованія. Иногда онъ включаетъ сюда соображенія, касающіяся соціальнаго положенія самого человѣка и воспитанія дѣтей. «Потребности низшихъ классовъ общества», говорится въ одномъ мѣстѣ, «не ограничиваются однимъ лишь пропитаніемъ и даже не однимъ безусловно необходимымъ». А въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: «спуститься на двѣ или на три соціальныхъ ступени, особенно въ той части общественной лѣстницы, гдѣ кончается образованіе и начинается невѣжество, было бы для большинства людей не призрачнымъ, а дѣйствительнымъ зломъ».

Этой сторонѣ теоріи Мальтуса, равно какъ его ученію о возрастаніи запасовъ пищи, позднѣйшіе экономисты сообщили характеръ эластичности, болѣе рѣзко выраженной, чѣмъ это было у Мальтуса. Въ настоящее время весьма охотно указывается, что «уровень потребностей», который при «моральномъ воздержаніи» оказываетъ вліяніе на бракъ и на воспитаніе дѣтей, не ограниченъ физическимъ минимумомъ голаго существованія, но основывается на извѣстномъ моральномъ минимумѣ требованій приличія, удобствъ и роскоши, ниже котораго ни мужчины ни женщины не желаютъ спуститься и потому не рѣшаются принять на себя расходы, связанные съ бракомъ. Уровень этотъ можетъ измѣняться отъ класса къ классу и отъ одной страны къ другой; равнымъ образомъ онъ можетъ подыматься—и дѣйствительно подымался—отъ одной эпохи къ другой и отъ поколѣнія къ поколѣнію. Въ цивилизованной и прогрессирующей странѣ, подобной, напр., Англіи, элементъ пищи далеко ужъ не въ такой высокой степени входитъ въ составъ этого уровня, какъ это было раньше, и количество заключаемыхъ браковъ сообразуется скорѣе съ состояніемъ промышленности, съ ея смѣняющимися періодами процвѣтанія и упадка, а не, какъ въ былыя времена, съ повышеніемъ или пониженіемъ цѣнъ на хлѣбъ. «Желѣзный» законъ заработной платы, изображаемый нѣкоторыми соціалистическими писателями какъ сила, удерживающая заработную плату на уровнѣ голаго существованія, а другими—какъ тенденція къ сообразованію заработной платы съ требованіями обычныхъ удобствъ, (ибо, если заработная плата станетъ выше этого уровня, населеніе возрастетъ, и увеличится конкуренція между ищущими занятія рабочими),—при свѣтѣ современнаго пониманія теряетъ въ значительной степени, если не цѣликомъ, свой суровый и абсолютный характеръ.

Это горячее признаніе эластичной природы «уровня обычнаго комфорта» составляетъ важное измѣненіе, внесенное въ теорію Мальтуса позднѣйшими экономистами. Но это послѣдующее развитіе науки лишь подтвердило,—хотя нѣкоторые экономисты разсматривали это подтвержденіе, какъ новое открытіе,—замѣчаніе Мальтуса, что «даже сама бѣдность, являющаяся, повидимому, великимъ стимуломъ промышленности, перестаетъ дѣйствовать, перейдя извѣстные границы». За какимъ-либо серьезнымъ и принявшимъ широкіе размѣры экономическимъ бѣдствіемъ можетъ послѣдовать «деградація труда», отъ которой не можетъ предохранить и наличіе болѣе ими менѣе высоко развитыхъ потребностей; равнымъ образомъ указывалось, что для поднятія этого уровня требуется продолжительный періодъ значительнаго возрастанія заработной платы. Кратко говоря, уровень этотъ противится измѣненію; но онъ не можетъ преодолѣть вліянія неожиданно наступившаго очень большого измѣненія съ длительнымъ характеромъ.

Другое важное соображеніе, выдвинутое по поводу «Опыта» Мальтуса позднѣйшими изслѣдователями, состоитъ въ томъ, что мы не достигли еще полнаго знанія физіологическихъ законовъ, управляющихъ ростомъ населенія. Весьма вѣроятно, что между нервнымъ напряженіемъ, сопровождающимъ часто болѣе высокій уровень матеріальнаго комфорта и

духовнаго развитія, съ одной стороны, и ростомъ населенія, съ другой, существуетъ соотношеніе, которое до сихъ поръ недостаточно еще вскрыто и изслѣдовано. Но покоится ли объясненіе измѣненій въ степени возрастанія населенія на моральномъ или физіологическомъ основаніи, тенденція современной экономической мысли въ цѣломъ направлена, повидимому, въ нѣсколько другую сторону, чѣмъ было указано Мальтусомъ. Онъ писалъ для своего времени и обобщалъ—быть можетъ слишкомъ поспѣшно и неправильно—факты, свидѣтелемъ которыхъ былъ; практическій успѣхъ, непосредственно имъ достигнутый, въ связи съ важностью разсматриваемыхъ вопросовъ и добросовѣстностью изслѣдованія, обезпечиваетъ ему видное мѣсто среди англійскихъ экономистовъ.

Изъ труда Мальтуса.

Опыты закона о народонаселеніи.

Теорія народонаселенія [1]).

Въ началѣ своей книги Мальтусъ ставитъ слѣдующій вопросъ: «какая причина задерживала до сихъ поръ развитіе человѣчества или возрастаніе его благосостоянія?», и отвѣчаетъ на него слѣдующимъ образомъ:

...Причина, которую я имѣю въ виду, это—постоянная тенденція всѣхъ живыхъ существъ къ размноженію, не соотвѣтствующему количеству пищи, которое находится въ ихъ распоряженіи.

По наблюденіямъ доктора Франклина, способность растеній и животныхъ размножаться задерживается лишь тѣмъ обстоятельствомъ, что, размножаясь, они лишаютъ другъ друга средствъ существованія. Если бы поверхность земли, говоритъ онъ, была лишена всякой растительности, то одинъ единственный видъ, какъ, напримѣръ, укропъ могъ бы покрыть всю ее зеленью; если бы земля не была населена, то одна какая-нибудь раса, напримѣръ, англичане могли бы заселить ее въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ.

Это неоспоримо. Щедрой рукой разсыпала природа зародыши жизни въ обоихъ царствахъ, но она дала имъ мало мѣста и пищи. Если бы она не была такъ экономна, то милліоны міровъ были бы заселены въ теченіе нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ; но желѣзная необходимость задерживаетъ такое размноженіе, и человѣкъ, какъ и всѣ живыя существа, подчиненъ закону этой необходимости.

Растенія и животныя, руководимыя слѣпымъ инстинктомъ, не думаютъ о тѣхъ лишеніяхъ, которыя выпадутъ на долю слѣдующихъ поколѣній. Недостатокъ мѣста и пищи уничтожаетъ въ этихъ двухъ царствахъ все то, что переходитъ за предѣлы, предназначенные каждому роду.

Для человѣка это препятствіе влечетъ за собою болѣе сложные результаты. Обуреваемый тѣмъ же инстинктомъ, онъ иногда сдерживаетъ себя подъ вліяніемъ голоса разума, внушающаго ему опасеніе, что онъ не будетъ въ состояніи удовлетворить потребности своего потомства. Если онъ поддается этому основательному страху, то онъ часто сворачиваетъ съ пути добродѣтели. Если же, наоборотъ, инстинктъ одерживаетъ верхъ, то населеніе увеличивается быстрѣе, чѣмъ средства существованія. Но съ того момента, какъ оно достигнетъ этой границы, оно должно будетъ вновь уменьшаться. Такимъ образомъ, трудность пропитанія является препят-

---

[1]) См. Мальтусъ «An Essay on the Principle of Population» 1798 г. (Опытъ закона о народонаселеніи).

ствіемъ, всегда имѣющимся на лицо при размноженіи человѣчества; это препятствіе обнаруживается повсюду, гдѣ скопляются люди, и безпрерывно проявляется въ разнообразныхъ формахъ нищеты и вызываемаго ею справедливаго ужаса [1]).

Если разсматривать съ этой точки зрѣнія различныя періоды состоянія общества, то мы убѣдимся въ томъ, что населеніе обнаруживаетъ постоянную тенденцію размножаться быстрѣе средствъ существованія, и что средства существованія задерживаютъ чрезмѣрное размноженіе [2]). Но, прежде чѣмъ мы займемся этой работой, попытаемся опредѣлить, съ одной стороны, какихъ размѣровъ достигло бы естественное и ничѣмъ не сдерживаемое размноженіе населенія, а съ другой—до какихъ предѣловъ могла бы дойти производительность земли, при условіяхъ, наиболѣе благопріятныхъ для производительнаго труда.

Врядъ ли кто-нибудь будетъ оспаривать тотъ фактъ, что нѣтъ ни одной извѣстной страны, въ которой средства существованія имѣлись бы въ избыткѣ, а нравы были бы такъ просты и чисты, чтобы забота объ удовлетвореніи потребностей семьи не служила тормазомъ къ заключенію браковъ; мы не знаемъ ни одной страны, гдѣ бы пороки большихъ городовъ, нездоровыя занятія и черезмѣрный изнурительный трудъ не сокращали естественную продолжительность жизни. Слѣдовательно, мы не знаемъ ни одной страны, гдѣ населеніе могло бы безпрепятственно размножаться...

Въ Штатахъ Сѣверной Америки, гдѣ въ средствахъ существованія не ощущается недостатка, гдѣ жители отличаются чистотой нравовъ, гдѣ заключеніе раннихъ браковъ легче, чѣмъ въ Европѣ, населеніе въ теченіе полутора вѣковъ удваивалось менѣе, чѣмъ въ двадцать пять лѣтъ. И это удвоеніе населенія имѣло мѣсто несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ городахъ смертность была выше, чѣмъ рождаемость, и остальной странѣ при-

---

[1]) Далѣе Мальтусъ говоритъ: «Эти препятствія къ росту населенія, дѣйствующія постоянно съ большей или меньшей силой во всѣхъ человѣческихъ обществахъ и удерживающія численность народонаселенія на уровнѣ его средствъ существованія, можно подраздѣлить на двѣ главныя группы. Одни изъ нихъ препятствуютъ росту народонаселенія, другія—сокращаютъ его по мѣрѣ чрезмѣрнаго возрастанія. Первую группу препятствій можно назвать *предупредительными препятствіями*, а вторую—*разрушительными препятствіями*».

Мальтусъ считаетъ предупредительными препятствіями къ размноженію, съ одной стороны, предусмотрительность, которую онъ называетъ нравственнымъ обузданіемъ, а съ другой—порокъ. «Разрушительныя препятствія, по природѣ своей, крайне разнообразны. Къ нимъ относятся всѣ причины, обнаруживающія тенденцію какимъ-либо образомъ сокращать естественную продолжительность человѣческой жизни, будь то путемъ порока или несчастія. Такимъ образомъ, сюда надо отнести всякія нездоровыя занятія, тяжелый и изнурительный трудъ, трудъ, подвергающій человѣка вліянію всякой непогоды, крайнюю бѣдность, плохое питаніе дѣтей (въ Дублинѣ, изъ 12785 дѣтей, помѣщенныхъ въ пріюты для найденныхъ дѣтей, умерло въ теченіе шести лѣтъ, въ промежутокъ времени отъ 1791 до 1797 года, чуть ли не 12561), негигіеничныя жизненныя условія большихъ городовъ, излишества всякаго рода, всевозможныя болѣзни и эпидеміи, войну, чуму, голодъ»... «Въ странѣ, гдѣ населеніе не можетъ расти безконечно, предупредительное и разрушительное препятствія къ размноженію должны находиться въ обратномъ отношеніи другъ къ другу. Это значитъ, что въ нездоровыхъ мѣстностяхъ или въ мѣстностяхъ, гдѣ смертность по какой-либо причинѣ очень велика, предупредительное препятствіе къ размноженію будетъ имѣть мало вліянія. Наоборотъ, въ здоровыхъ мѣстностяхъ и тамъ, гдѣ предупредительныя препятствія къ размноженію играютъ большую роль, дѣйствіе разрушительныхъ препятствій будетъ очень незначительно, и смертность очень невелика». Безъ сомнѣнія, въ лучшемъ положеніи оказываются послѣднія мѣстности, такъ какъ въ нихъ возрастаетъ число взрослаго населенія. Во Франціи изъ 100 лицъ состоятельныхъ классовъ въ возрастѣ между 40 и 45 годами умираетъ въ томъ же возрастѣ 0,87, тогда какъ изъ 100 лицъ неимущихъ классовъ умираетъ въ томъ же возрастѣ 1,87.

Мальтусъ очень подробно доказываетъ (это наиболѣе интересная часть его книги) существованіе двухъ препятствій, задерживающихъ чрезмѣрное размноженіе населенія: это порокъ и бѣдность. Онъ рекомендуетъ человѣчеству *нравственное обузданіе*, какъ путь къ достиженію счастья.

[2]) Это и доказываетъ Мальтусъ на дальнѣйшихъ страницахъ своей книги.

ходилось постоянно пополнять населеніе такихъ городовъ: этотъ фактъ ясно доказываетъ намъ, что размноженіе шло тамъ быстрѣе, чѣмъ это показываетъ общая средняя цифра...

По таблицѣ Эйлера [1]), въ основу которой положена смертность 1 на 36 (въ томъ случаѣ, если рождаемость относится къ смертности, какъ 3 къ 1), періодъ удвоенія равняется всего $12^4/_5$ года. И это не простое предположеніе; это дѣйствительный фактъ, нѣсколько разъ имѣвшій мѣсто въ теченіе короткихъ промежутковъ времени.

Сэръ У. Петти [2]) считаетъ возможнымъ, что, подъ вліяніемъ особенно благопріятныхъ обстоятельствъ, населеніе можетъ удваиваться каждыя десять лѣтъ.

Но, во избѣжаніе всякихъ преувеличеній, мы положимъ въ основу нашихъ разсужденій наименѣе быстрое размноженіе, провѣренное сличеніемъ относящихся сюда доказательствъ; при этомъ мы будемъ имѣть въ виду увеличеніе населенія, обусловленное однимъ только рожденіемъ.

Итакъ, мы можемъ признать несомнѣннымъ то, что, если размноженіе населенія не задерживается какими-нибудь препятствіями, то это населеніе удваивается каждыя двадцать пять лѣтъ и возрастаетъ въ каждый послѣдующій двадцатипятилѣтній періодъ въ геометрической прогрессіи.

Размѣръ возрастанія произведеній земли не поддается такому легкому опредѣленію. Но, тѣмъ не менѣе, мы увѣрены въ томъ, что онъ очень и очень сильно отличается отъ размѣра возрастанія народонаселенія. По закону народонаселенія милліардъ людей долженъ удвоиться въ двадцатипятилѣтній періодъ времени точно такъ же, какъ и тысяча человѣкъ. Но добываніе пищи для такого огромнаго количества людей будетъ сопряжено съ большими трудностями. Человѣкъ стѣсненъ ограниченнымъ пространствомъ. Когда постепенно, десятина за десятиной, будетъ занята вся плодородная земля, то увеличеніе количества пищи будетъ находиться въ исключительной зависимости отъ улучшенія состоянія занятыхъ ранѣе земель. Но это улучшеніе, по свойствамъ самой почвы, не можетъ возрастать до безконечности; наоборотъ, это улучшеніе стоновится все менѣе и менѣе значительнымъ, тогда какъ населеніе въ случаѣ, если оно находитъ средства существованія, чрезмѣрно размножается, что опять-таки является причиной новаго возрастанія.

Европа тоже не заселена еще такъ густо, какъ это могло бы имѣть мѣсто. Относительно Европы мы можемъ надѣяться, что въ ней промышленность можетъ быть направлена по лучшему пути. Въ Англіи и въ Шотландіи изученію земледѣлья удѣляли много времени, но даже и въ этихъ странахъ имѣется много невоздѣланныхъ земель. Попытаемся опредѣлить, до какой степени можно увеличить производительность земли на этомъ островѣ, если мы допустимъ, что тамъ будутъ господствовать наиболѣе благопріятныя условія.

Если мы предположимъ, что, подъ вліяніемъ наилучшаго управленія и всяческаго поощренія земледѣлья, производительность земли удвоится тамъ въ теченіе первыхъ двадцати пяти лѣтъ, то весьма возможно, что наше предположеніе превзойдетъ дѣйствительность и перейдетъ тѣ предѣлы, которые мы могли бы на разумномъ основаніи поставить возрастанію продуктовъ.

---

[1]) Eiler (1707—1783)—знаменитый геометръ; онъ родился въ Базелѣ, былъ профессоромъ въ Берлинѣ и С.-Петербургѣ.

[2]) У. Петти (1623—1687)—извѣстный экономистъ, профессоръ Грехэмскаго колледжа въ Лондонѣ, врачъ германской арміи, членъ парламента при Кромвелѣ и Сгюартахъ. Онъ написалъ нѣсколько трудовъ по политической экономіи.

Абсолютно невозможно разсчитывать на то, что въ слѣдующія двадцать пять лѣтъ производительность земли будетъ слѣдовать тому же закону, и что къ концу второго періода первоначальное количество продуктовъ учетверится: это значило бы игнорировать всѣ данныя, которыя мы имѣемъ о плодородіи почвы. Улучшеніе неплодородныхъ участковъ можетъ быть только результатомъ большей затраты труда и времени, и для всякаго, кто имѣетъ даже самое поверхностное представленіе объ этомъ вопросѣ, будетъ ясно, что, по мѣрѣ улучшенія обработки, среднее количество продуковъ земледѣлья постоянно, съ извѣстной правильностью, будетъ каждый годъ увеличиваться во все меньшей и меньшей степени. Но, чтобы сравнить между собою приростъ народанаселенія и увеличеніе средствъ существованія, сдѣласмъ предположеніе, которое, какъ бы точно оно ни было, будетъ безусловно представлять намъ болѣе благопріятныя данныя о производительности земли, чѣмъ какія можно привести на основаніи опыта.

Предположимъ, что годичныя приращенія средняго количества продуктовъ земледѣлья не уменьшаются, а остаются постоянно одни и тѣ же, такъ что въ каждый двадцатипятилѣтній періодъ ежегодное количество земледѣльческихъ продуковъ Великобританіи будетъ увеличиваться на число, равное современному годовому производству. По всей вѣроятности, даже изслѣдователь, наиболѣе склонный къ преувеличеніямъ, не сможетъ допустить большаго, такъ какъ даже при такихъ условіяхъ весь островъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ превратится въ садъ.

Примѣнимъ это предположеніе ко всей землѣ и допустимъ, что въ каждый двадцатипятилѣтній періодъ количество пищи, доставляемой человѣку всею поверхностью земного шара, будетъ увеличиваться на число, выражающее количество доставляемой въ настоящее время землею пищи. Безусловно, большаго мы не вправѣ ожидать даже при самой производительной и самой интенсивной затратѣ человѣческаго труда.

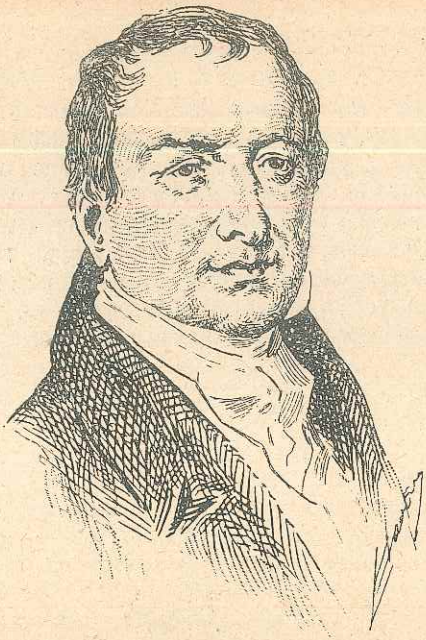
Такимъ образомъ на основаніи современнаго положенія обитаемыхъ земель мы можемъ утверждать, *что средства существованія даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ могутъ возрастать только въ ариѳметической прогрессіи.*

Неизбѣжное слѣдствіе, вытекающее изъ сравненія этихъ двухъ законовъ возрастанія, поистинѣ поразительно. Предположимъ, что населеніе Англіи равняется 11 милліонамъ, и что производительность ея почвы въ состояніи прокормить такое населеніе. Черезъ 25 лѣтъ населеніе возрастетъ до 22 милліоновъ, средства существованія тоже удвоятся, и ихъ будетъ хватать на всю Англію. Еще черезъ 25 лѣтъ населеніе Англіи увеличится до 44 милліоновъ, тогда какъ средства существованія будутъ достаточны лишь для 33 милліоновъ людей. Въ слѣдующее двадцатипятилѣтіе населеніе Англіи возрастетъ до 88 милліоновъ; тогда средства существованія будутъ хватать для удовлетворенія потребностей лишь половины всего населенія. Къ концу перваго вѣка численность населенія достигнетъ 176 милліоновъ, а средствъ существованія хватитъ на 55 милліоновъ, слѣдовательно, 121 милліонъ населенія будутъ обречены на голодную смерть.

Замѣнимъ взятый нами для примѣра островъ поверхностью всей земли; тутъ, конечно, уже исключается возможность устраненія голода при помощи переселеній. Допустимъ, что населеніе всего земного шара равняется въ настоящее время милліарду: человѣческій родъ размножался бы какъ 1: 2: 4: 8: 16: 32: 64: 128: 256, тогда какъ средства существованія увеличивались бы, какъ 1: 2: 3: 4: 5: 6: 7: 8: 9. Къ концу второго вѣка народонаселеніе относилось бы къ средствамъ существованія, какъ 256 относится къ 9; къ концу третьяго вѣка—какъ 4096 къ 13, а черезъ двѣ тысячи лѣтъ разница будетъ безконечно велика.

Какъ читатель видитъ, въ своихъ предположеніяхъ мы не поставили никакой границы производительности земли. Мы считали производительность земли способной безконечно возрастать и превышать всякую данную величину. Но даже и при такомъ предположеніи постоянный ростъ населенія до такой степени превышаетъ ростъ средствъ существованія, что для сохраненія равновѣсія между ними, т. е. для того, чтобы населеніе находило необходимое ему количество средствъ существованія,— надо, чтобы въ каждый моментъ какой-нибудь высшій законъ мѣшалъ этому росту; чтобы суровая необходимость подчинила себѣ его; говоря короче, требуется, чтобы дѣйствію того закона, который ведетъ къ чрезмѣрному размноженію, были поставлены извѣстныя границы.

Давидъ Рикардо.

Глава III.

Давидъ Рикардо (1772—1823 гг.).

Теорія ренты.

«Промышленная революція» восемнадцатаго столѣтія.—Принятіе Рикардо соперничества за исходный пунктъ всей своей теоріи.—Его вліяніе на экономическую мысль.—Его еврейское происхожденіе; школа, пройденная имъ на фондовой биржѣ.—Его сочиненія.—Ихъ абстрактный характеръ.—Неправильное толкованіе ихъ другими писателями.—Теорія прибавочной цѣнности Карла Маркса.—Теорія ренты Рикардо.—Происхожденіе этой теоріи.—Ея формулировка Рикардо.—Опредѣленіе ренты.—Ея происхожденіе и ростъ.—Отсутствіе въ изложеніи ея у Рикардо достаточной систематичности.—Выводы, сдѣланные Рикардо изъ этой теоріи. Связь ренты съ цѣной. Ошибочныя мнѣнія другихъ писателей. Порядокъ распредѣленія богатства и общественный прогрессъ.—Позднѣйшая критика.—Историческая послѣдовательность, въ которой занимались свободныя земли.—Теорія должна толковаться свободно.—Признаніе соперничества.—Участки, не приносящіе ренты.—Незаслуженный приростъ цѣнности.—Трудность опредѣленія его.

Конецъ XVIII и начало XIX стол. представляютъ собою періодъ, имѣющій чрезвычайно важное значеніе въ экономической исторіи Англіи. Характеръ и методы промышленной дѣятельности испытали въ это время весьма обширныя и важныя измѣненія, позволяющія говорить даже о «промышленной революціи». А. Смитъ писалъ свое «Богатство народовъ» наканунѣ этихъ преобразованій, но Мальтусъ видѣлъ ихъ осуществленіе; современникомъ ихъ былъ и *Рикардо*, третій изъ великихъ писателей, которыхъ разумѣютъ, когда говорятъ о «болѣе раннихъ англійскихъ экономистахъ».

«Промышленная революція» преобразовала характеръ земледѣлія, промышленности и торговли. Система крупныхъ земельныхъ владѣній заняла мѣсто мелкихъ разбросанныхъ владѣній прошлаго времени: открытыя поля и пустоши стали быстро огораживаться. Обработка почвы, по-

строенная на научныхъ принципахъ, вытѣснила первобытные методы. Разведеніе скота испытало улучшенія; былъ введенъ новый сѣвооборотъ.

Но измѣненія въ обрабатывающей промышленности носили еще болѣе глубокій характеръ. Цѣлый рядъ изобрѣтеній, (введеніе водяной прядильной машины Аркрайта, обыкновенной прядильной машины, самодѣйствующей тонко-прядильной машины и, наконецъ, механическаго ткацкаго станка) вызвалъ къ жизни хлопчато-бумажную промышленность, которая стала рѣшительно вытѣснять обработку шерсти изъ ея положенія важнѣйшей отрасли текстильной промышленности въ странѣ, и нѣкоторыя части Ланкашира стали дѣлаться столь же густо населенными, какъ самъ Лондонъ. Плавка желѣза углемъ оживила желѣзо-дѣлательную промышленность, которая начала, было, уже приходить въ упадокъ, и привлекла ее въ богатые каменнымъ углемъ районы Сѣверной и Средней Англіи. Постройка каналовъ улучшила сообщеніе между растущими промышленными центрами; а нѣсколько лѣтъ спустя Тельфордское и Макадамово шоссе заняли мѣсто тѣхъ «проклятыхъ, невозможныхъ столбовыхъ дорогъ», которыя возбуждали негодованіе Артура Юнга во время его путешествія въ началѣ описываемаго періода—въ срединѣ XVIII ст. Но наибольшій переворотъ въ обрабатывающей промышленности произвело изобрѣтеніе паровой машины. Благодаря ему страшно возросло значеніе тѣхъ улучшеній, которыя были введены въ хлопчато-бумажное производство; паръ получилъ примѣненіе и въ доменныхъ печахъ при обработкѣ желѣза; наконецъ, благодаря его примѣненію, каналы и шоссе были замѣнены желѣзно-дорожнымъ путемъ.

Всѣ эти разнообразныя улучшенія были полностью осуществлены лишь къ половинѣ XIX ст.; но измѣненія, которыя они вызвали въ характерѣ и методахъ промышленной и торговой дѣятельности, происходили какъ разъ въ эпоху, когда жилъ Рикардо. Правда, и до «промышленной революціи» можно было встрѣтить примѣры капиталистическихъ предпріятій современнаго типа [1]); но они составляли исключеніе изъ общаго правила. Теперь же мелкія домашнія заведенія въ сельскихъ мѣстностяхъ стали вытѣсняться крупными городскими фабриками. Ремесленникъ, работавшій вмѣстѣ съ своими учениками и поденщиками, былъ смѣненъ предпринимателемъ, который можетъ и не знать въ лицо своихъ рабочихъ; равнымъ образомъ въ земледѣліи фермеры стали значительно больше отличаться отъ простыхъ земледѣльцевъ. Привычная рутинная работа для сосѣдняго рынка, на которомъ требованія измѣнялись лишь постепенно и незначительно, а товары производились на заказъ, уступила мѣсто лихорадочной дѣятельности, постоянно приспособляющейся къ быстро мѣняющимся запросамъ торговли, обслуживавшей отдаленныя мѣстности и иностранныхъ покупателей.

Это была эпоха «революціи», казалось даже анархіи, въ промышленной дѣятельности. Населеніе росло съ быстротою, промышленность и торговля принимали все болѣе широкіе размѣры. Продолжительная война съ Франціей сообщила добавочный стимулъ этому процессу, но послѣ заключенія мира для промышленности и земледѣлія наступилъ тяжелый кризисъ. Война вызвала ростъ населенія; люди требовались не только предпринимателямъ, но и военнымъ вербовщикамъ, они были нужны не только на фабрики, но и въ армію, и содѣйствіе возрастанію численности населенія

[1]) Дѣйствительныхъ владѣльцевъ «фабрикъ и мастерскихъ» надо отличать отъ «довольно распространенныхъ въ то время предпринимателей» (undertakers), которые снабжали мелкихъ хозяевъ матеріаломъ для производства, а иногда и инструментами, и продавали уже изготовленныя издѣлія.

стало разсматриваться, какъ патріотическая обязанность. Война содѣйствовала также развитію мануфактуръ и процвѣтанію земледѣлія. Она подняла цѣну на англійскій хлѣбъ и, остановивъ на время промышленную дѣятельность континентальныхъ странъ, открыла заграничные рынки для англійскихъ товаровъ. Это распространеніе торговли, подобно росту населенія, сопровождалось новыми и весьма важными явленіями. Населеніе стало переходить изъ однихъ мѣстностей въ другія, изъ деревень въ города; торговля же испытывала внезапныя и значительныя колебанія, а ученики и рабочіе постоянно подвергались риску получить расчетъ, если спросъ на производимые ими товары понизится. Всюду была не знающая отдыха конкуренція; мужчины, женщины и дѣти спѣшили куда-то, подталкиваемые другъ другомъ, въ новыхъ и самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ; фабрики были переполнены и работали во всю.

Таково было положеніе промышленности въ Англіи, когда Рикардо въ 1817 г., черезъ два года по заключеніи мира, опубликовалъ свои «Начала политической экономіи и обложенія» (Principles of Political Economy and Taxation). Основывая свою теорію на всеобщемъ господствѣ соперничества, онъ далъ, повидимому, такую концепцію общества, которая не отличалась значительно отъ дѣйствительныхъ условій современной ему англійской промышленной жизни. Въ кажущейся анархіи онъ сумѣлъ найти внутренній порядокъ и далъ такую ясную и точную теорію дѣйствія соперничества, что книга его имѣла немедленный и полный успѣхъ. Его другъ и современникъ Мальтусъ думалъ, правда, что «главная часть его конструкціи не выдержитъ критики»; а преемникъ Мальтуса въ Гейльбери, Ричардъ Джонсъ (1790—1855 гг.), оспаривалъ въ своемъ «Опытѣ о распредѣленіи богатства и объ источникахъ обложенія» (Essay on the Distribution of Wealth and the Sources of Taxation) многія изъ положеній Рикардо относительно ренты. Но вліяніе Рикардо на общій ходъ англійской экономической мысли осталось непоколебленнымъ. Джемсъ Милль, бывшій близкимъ другомъ Рикардо и, по мнѣнію Бентама, дѣйствительнымъ вдохновителемъ его ученія (Бентамъ сказалъ какъ-то: «я былъ духовнымъ отцомъ Милля, а Милль духовнымъ отцомъ Рикардо»), опубликовалъ въ 1821 г. трактатъ объ «Основахъ политической экономіи» (Elements of Political Economy), въ которомъ изложилъ теорію Рикардо въ ясной и сжатой формѣ. Макъ-Куллокъ (1779—1864 гг.), между другихъ своихъ экономическихъ работъ издавшій сочиненія Рикардо и «Богатство народовъ», развивалъ тѣ же воззрѣнія [1]). Нассау Вилльямъ Сеніоръ [2]) (1790—1864 гг.) излагалъ во многихъ отношеніяхъ независимые и оригинальные взгляды; и лишь съ появленіемъ въ 1864 г. «Основаній политической экономіи» Джона Стюарта Милля, окончилась супрематія Рикардо; но и самъ Милль относился къ своему предшественнику съ «піэтетомъ ученика», хотя во многихъ существенныхъ пунктахъ исправилъ и дополнилъ его ученіе.

Характеристическая черта изслѣдованія Рикардо заключалась въ его исключительно абстрактномъ методѣ. Рикардо припялъ за исходный пунктъ наличность конкуренціи и сдѣлалъ попытку опредѣлить, каковъ будетъ, при принятіи этой предпосылки, естественный порядокъ распредѣленія богатства между различными классами общества. «Политическая экономія», пишетъ онъ въ одномъ письмѣ къ Мальтусу, «есть, по вашему мнѣнію, изслѣдованіе природы и причинъ богатствъ; я думаю, что было бы пра-

---

[1]) Онъ не счелъ нужнымъ включить въ нихъ написанную Рикардо «Защиту его собственнаго ученія отъ возраженій» Мальтуса.

[2]) Сеніоръ написалъ общій трактатъ и былъ повидимому дѣйствительный авторъ теоріи «фонда заработной платы».

вильнѣе назвать ее изслѣдованіемъ законовъ, опредѣляющихъ распредѣленіе продукта промышленнаго труда среди классовъ, участвующихъ въ его созданіи». «Каждый день я все болѣе убѣждаюсь, что перваго рода изслѣдованіе безполезно и обманчиво, и лишь второе является настоящимъ объектомъ науки». Его признаніе конкуренціи едва ли было неправильно, какъ мы видѣли, въ условіяхъ его времени; абстрактный же методъ его изслѣдованія можетъ быть объясненъ его національностью и воспитаніемъ.

Рикардо родился въ 1772 г. отъ еврейскихъ родителей и отличался свойственной его народу склонностью къ спекуляціи. Онъ получилъ коммерческое воспитаніе и уже четырнадцати лѣтъ началъ знакомиться съ фондовой биржей, членомъ которой состоялъ его отецъ. Когда ему исполнился 21 годъ, онъ началъ выступать на биржѣ уже отъ себя лично и пріобрѣлъ состояніе, позволившее ему уже въ раннемъ возрастѣ удалиться отъ дѣлъ. Сфера дѣятельности, въ которой онъ, такимъ образомъ, провелъ дѣловой періодъ своей жизни, могла, слѣдовательно, лишь развить его любовь и способность къ абстрактному мышленію. Какъ замѣтилъ Бэджготъ [1]), «нѣтъ другого мѣста, гдѣ расчеты были бы столь тонки или гдѣ оперировали бы съ данными, столь неуловимыми и такъ мало вытекающими изъ существа дѣла, какъ биржа». «Евреи обнаруживаютъ свои превосходныя способности на всѣхъ биржахъ въ Европѣ». Близость Рикардо къ фондовой биржѣ побудила его также написать свое первое изслѣдованіе по вопросу, гдѣ способность къ абстрактному мышленію была особенно нужна. Это изслѣдованіе посвящено денежному обращенію въ его связи съ иностранной торговлей; и позднѣйшая наука никогда не отказывалась признать пригодность и полезность абстрактнаго метода при выясненіи относящихся сюда тонкихъ и запутанныхъ вопросовъ. Лишь, когда мы начинаемъ разсматривать экономическія отношенія людей другъ къ другу и вознагражденіе различныхъ видовъ человѣческой дѣятельности въ формѣ прибыли и заработной платы,—абстрактный методъ можетъ привести къ ошибкѣ, если только не дополнять его постоянно и не исправлять путемъ изслѣдованія фактовъ. Но работы экономистовъ эпохи Рикардо по вопросамъ денежнаго обращенія и иностранной торговли встрѣчаютъ даже и въ наши дни скорѣе безусловное признаніе, чѣмъ придирчивую или даже доброжелательную критику. Изслѣдованіе Рикардо, озаглавленное «О высокой цѣнѣ металла въ слиткахъ, какъ доказательствѣ обезцѣненія банковыхъ бумагъ» (The High Price of Bullion a Proof of the Depreciation of Bank Notes) появилось въ 1809 г., и мнѣнія, которыя онъ защищалъ, были впослѣдствіи приняты «Докладомъ парламентской комиссіи по вопросамъ денежнаго обращенія». Въ 1811 г. Рикардо написалъ отвѣтъ на «Практическія замѣчанія» (Practical Observations) Бозанкета, вызванныя этимъ докладомъ; въ 1815 г. «О вліяніи низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ на прибыль съ капитала» (Essay on the Influence of a low Price of Corn on the Profits of Stock), гдѣ онъ борется съ протекціонизмомъ; въ 1816 г. памфлетъ «Предложенія относительно экономичной и вѣрной системы денежнаго обращенія» (Proposals for an Economical and Secure Currency); а въ 1817 г.—«Основы политической экономіи и обложенія» (Principles of Economy and Taxation). Это была его наиболѣе важная работа. Въ 1820 г. онъ далъ статью «Объ обезпеченіи государственнаго долга» (Funding System) въ Encyclopaedia Britannica, а въ 1822 г. выпустилъ трактатъ о «Покровительствѣ земледѣлію». Въ 1819 г. онъ вступилъ въ парламентъ, гдѣ его вліяніе—благодаря извѣстности его экономическихъ работъ — было, повидимому, значи-

[1]) Economic Studies, p. 151.

тельно. Онъ былъ горячимъ и рѣзко выраженнымъ защитникомъ парламентской реформы. Въ 1823 г. онъ умеръ на 52 г. жизни.

Рикардо, повидимому, и самъ сознавалъ абстрактный характеръ своего сочиненія и свои недостатки, какъ писателя. Оцѣнивая его «Основы», мы должны помнить, что лишь давленіе его друзей заставило его опубликовать систематическій трактатъ, и что все его произведеніе настолько далеко отъ систематичности, что напоминаетъ скорѣе собраніе отдѣльныхъ замѣтокъ. Но его абстрактные выводы были настолько близко связаны съ практикой, что выдвигаемыя имъ политическія предложенія были мѣрами практически полезными, а, между тѣмъ, они вытекали изъ его экономическихъ принциповъ. Но методъ его былъ несомнѣнно абстрактенъ; и Рикардо не былъ повидимому въ настоящемъ смыслѣ слова систематическимъ писателемъ. Онъ не заботится о томъ, чтобы на каждой послѣдовательной стадіи развитія своей мысли сдѣлать вполнѣ ясными тѣ предпосылки, на которыхъ покоится его разсужденіе. Онъ довольствуется обыкновенно тѣмъ, что, разъ установивши ихъ, затѣмъ принимаетъ ихъ уже за данныя. Одинъ новѣйшій писатель говоритъ, что «онъ никогда не объясняетъ себя». «Моя рѣчь», заявляетъ самъ Рикардо въ письмѣ къ Мальтусу, «подобна моему письменному изложенію: она всегда слишкомъ сжата. Я всегда нагромождаю цѣлую массу труднѣйшаго матеріала на очень незначительномъ числѣ страницъ, такъ что становлюсь непонятнымъ большинству читателей». «Я хорошо сознаю», пишетъ онъ другой разъ, посылая свою рукопись, «недостатки въ языкѣ и манерѣ изложенія: но это такіе недостатки, съ которыми я никогда не справлюсь». И далѣе: «Я вовсе не мастеръ языка и потому никогда не смогу достаточно хорошо выразить то, что я думаю».

Рикардо подчеркивалъ также преднамѣренно абстрактный характеръ своего труда. Такъ напр., онъ пишетъ Мальтусу: «Наши разногласія могутъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, я думаю, быть приписаны тому, что вы разсматриваете мою книгу, какъ произведеніе съ гораздо болѣе практическими цѣлями, чѣмъ я предполагалъ. Моя задача была выяснить основные принципы, и, чтобы сдѣлать это, я изобрѣтаю чистые случаи, на которыхъ я могъ бы показать дѣйствіе этихъ принциповъ». И далѣе: «Вы всегда думаете о непосредственномъ и временномъ практическомъ результатѣ, о частныхъ измѣненіяхъ, тогда какъ я эти непосредственные и временные результаты оставляю совершенно въ сторонѣ, и сосредоточиваю все свое вниманіе на постоянномъ положеніи вещей, которое должно послѣдовать изъ дѣйствія этихъ принциповъ. Быть можетъ, вы оцѣниваете эти временные результаты слишкомъ высоко, тогда какъ я склоненъ недооцѣнивать ихъ».

Многія, быть можетъ, большинство обвиненій, которыя были выставлены противъ Рикардо въ наши дни, могутъ быть объяснены неправильнымъ пониманіемъ того, что онъ хотѣлъ сказать, а это неправильное пониманіе часто бывало вызвано недостатками изложенія, которые онъ самъ сознавалъ. Другіе упреки покоятся на извращеніи его словъ другими писателями, но эти извращенія опять-таки порождаются весьма часто тѣмъ, что онъ самъ недостаточно ясно и не во всѣхъ нужныхъ случаяхъ устанавливаетъ, изъ какихъ предпосылокъ онъ въ данномъ построеніи исходитъ. И разительный примѣръ ироніи судьбы—работы этого строгаго индивидуалиста дали двѣ основныхъ доктрины, на которыхъ базируется идеологія современнаго соціализма. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, его теорія ренты и его теорія цѣнности были использованы для того, чтобы создать научное основаніе «націонализаціи» земли и капитала.

Рикардо выставилъ теорію цѣнности, согласно которой цѣнность то-

вара зависитъ «отъ относительнаго количества труда», которое необходимо для его производства, цѣнность же самого труда, или размѣръ заработной платы, въ свою очередь, зависитъ, по мнѣнію Рикардо, отъ издержекъ производства труда, или, другими словами, отъ издержекъ существованія рабочаго... Исходя изъ этого ученія Рикардо, Карлъ Марксъ построилъ впослѣдствіи свою теорію цѣнности и прибавочной цѣнности.

На ученіи Рикардо о рентѣ мы должны остановиться болѣе подробно. Это та часть его труда, которая, быть можетъ, наиболѣе извѣстна. Правда, назвать Рикардо авторомъ этой теоріи значило бы впасть въ еще большую неточность, чѣмъ, если сказать, что Мальтусъ отвѣтственъ за все ученіе о народонаселеніи. Не только самъ Мальтусъ въ его «Изслѣдованіи о природѣ и прогрессѣ ренты» (Inquiry into the Nature and Progress of Rent), опубликованномъ въ 1815 г., но и Эдуардъ Вестъ въ анонимномъ «Essay on the Application of Capital to Land» («Опытъ о приложеніи капитала къ землѣ»), «представили читающей публикѣ», какъ говоритъ самъ Рикардо въ своемъ предисловіи, «почти въ то же самое время вѣрное ученіе о рентѣ»; а въ 1777 г. д-ръ Андерсонъ установилъ, повидимому, эту теорію въ своемъ «Изслѣдованіи о природѣ хлѣбныхъ законовъ» (Inquiry into the Nature of Corn Laws). Но то обстоятельство, что теорія ренты связана въ исторіи политической экономіи съ именемъ Рикардо, вовсе не случайность. Его способъ трактованія предмета встрѣтилъ всеобщее признаніе; на этой теоріи, кромѣ того, онъ построилъ все свое ученіе. «Не зная ея», пишетъ Рикардо, «невозможно понять дѣйствіе прогресса богатства на прибыль и заработную плату, или удовлетворительнымъ образомъ опредѣлить вліяніе обложенія на различные классы общества».

Въ соотвѣтствіи съ этимъ во второй главѣ своихъ началъ, непосредственно за изложеніемъ теоріи цѣнности, которому посвящена первая глава, Рикардо разсматриваетъ ренту. Ее онъ опредѣляетъ, какъ «ту часть продукта земли, которая уплачивается землевладѣльцу за пользованіе первоначальными и неразрушимыми силами почвы». Это «точный смыслъ» термина, и его надо отличать отъ «обычнаго смысла», въ которомъ его иногда употребляетъ А. Смитъ. Обычное употребленіе термина, прилагая его «ко всему, что ежегодно уплачивается фермеромъ лендлорду», смѣшиваетъ съ рентой «процентъ и прибыль на капиталъ».

Выработавъ свое опредѣленіе ренты, Рикардо разсматриваетъ, какъ она возникаетъ. «При первомъ заселеніи страны, обладающей въ большомъ изобиліи богатыми и плодородными землями, лишь очень небольшая часть которыхъ привлекается къ обработкѣ для удовлетворенія потребностей живущаго на ней населенія, не можетъ возникнуть», пишетъ онъ, «никакой ренты; никто вѣдь не станетъ платить за пользованіе землей, когда очень значительное количество ея никѣмъ еще не занято и находится къ услугамъ всякаго, желающаго ее обрабатывать». «Согласно общимъ принципамъ предложенія и спроса, никакой ренты за эту землю не можетъ платиться». «Если бы и въ самомъ дѣлѣ вся земля обладала одинаковыми свойствами, если бы она была неограничена по количеству и однородна по качеству, то за пользованіе ею не могло бы взиматься никакой платы, разъ только данный участокъ не обладаетъ никакими особенными выгодами по своему положенію. Слѣдовательно, за пользованіе землею рента уплачивается единственно лишь потому, что земля ограничена по своему количеству и неоднородна по качеству, и что съ ростомъ населенія къ обработкѣ начинаютъ привлекаться менѣе плодородные и менѣе выгодно расположенные участки. Когда съ прогрессомъ общества начинаютъ обрабатываться земли второстепеннаго плодородія, то для наиболѣе плодородныхъ участковъ немедленно создается рента, и размѣръ этой ренты за-

виситъ отъ различія въ качествѣ этихъ двухъ категорій земли. Когда къ обработкѣ привлекаются и земли третьяго качества, рента немедленно появляется на земляхъ второго качества и регулируется, какъ и раньше ихъ относительной производительной способностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ подымется рента съ земель перваго качества, такъ какъ она всегда должна превышать ренту съ земель второго качества на разницу въ продуктѣ, который онѣ доставляютъ при данной затратѣ труда и капитала. Но часто, можно даже сказать, почти всегда случается, что, прежде чѣмъ начинаютъ воздѣлываться худшія земли, создается возможность болѣе производительной затраты капитала на обрабатываемыхъ уже земляхъ, но съ относительно меньшимъ сборомъ, чѣмъ какой сопровождалъ первоначальную затрату». «Въ такомъ случаѣ капиталъ будетъ прикасаться по преимуществу къ старой землѣ и равнымъ образомъ будетъ создавать ренту, ибо рента всегда есть разность между продуктами, полученными при затратѣ двухъ равныхъ количествъ капитала и труда».

Но какое значеніе имѣютъ эти выводы? А вотъ какое: мѣновая цѣнность всѣхъ предметовъ, и среди нихъ и «продуктовъ земледѣлія», «регулируется всегда не наименьшимъ количествомъ труда, которое было достаточно для ихъ производства при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ, находящихся въ исключительномъ распоряженіи тѣхъ, кто благодаря какимъ-либо спеціальнымъ особенностямъ имѣетъ возможность изготовить эти предметы наиболѣе легко, а, напротивъ, наибольшимъ количествомъ труда, затрачиваемаго тѣми, кто не обладаетъ такими спеціальными выгодами, кто принужденъ производить при наиболѣе неблагопріятныхъ условіяхъ (т. е. при наиболѣе неблагопріятныхъ условіяхъ, дающихъ однако возможность такъ вести производство, чтобы потребность въ продуктѣ была удовлетворена»). «Когда къ обработкѣ привлекается худшая земля, то мѣновая цѣнность сырого продукта должна возрасти, такъ какъ теперь для производства его требуется больше труда». «Правда, на лучшихъ участкахъ тотъ же продуктъ будетъ еще производиться съ той же затратой труда, какъ и раньше, но цѣнность его увеличится», пріобрѣтаемыя же такимъ образомъ выгоды «переносятся отъ воздѣлывателя или потребителя къ землевладѣльцу».

Таковъ, слѣдовательно, путь, какимъ возрастаетъ рента. Мы исходимъ отъ рынка, и здѣсь мы находимъ, что цѣна «продуктовъ земледѣлія» регулируется тою частью имѣющихся на рынкѣ хлѣбныхъ запасовъ, которая была произведена и доставлена на рынокъ съ наибольшими затратами. Цѣна, получаемая за эти продукты, должна быть достаточна, чтобы оплатить расходы по производству ихъ и доставленію на рынокъ, «а также принести обычный и нормальный процентъ на капиталъ»; иначе продукты не будутъ поступать на рынокъ. Но цѣна не подымется выше этого уровня и не будетъ давать (для извѣстныхъ участковъ) никакой ренты, а тѣ, кто производитъ въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, реализуя ту же цѣну за продуктъ, производство котораго стоило дешевле, получаютъ излишекъ прибыли, который и принужденъ благодаря конкуренціи переходить къ землевладѣльцу въ качествѣ ренты.

Это разсужденіе Рикардо можетъ служить хорошей иллюстраціей того недостатка систематичности и связности изложенія, о которомъ мы уже говорили. Рикардо опредѣляетъ ренту, какъ «вознагражденіе, уплачиваемое собственнику земли за пользованіе ея первоначальными и неразрушимыми силами», и, повидимому, все, что онъ имѣетъ при этомъ въ виду, исчерпывается «естественнымъ плодородіемъ почвы». Но, сдѣлавъ всего лишь нѣсколько шаговъ въ своемъ изложеніи, онъ говоритъ, что «выгоды положенія» также имѣютъ свое значеніе, хотя включать ихъ въ число «перво-

начальныхъ и неразрушимыхъ силъ почвы», какъ онъ, повидимому, дѣлаетъ, значитъ насиловать языкъ. Своимъ возникновеніемъ они могутъ быть обязаны совершенно посторонней причинѣ—улучшенію средствъ сообщенія съ рынкомъ. Тѣмъ не менѣе, Рикардо вводитъ новый элементъ—«выгоды положенія», но это введеніе совершается въ формѣ случайнаго, сдѣланнаго въ видѣ вставки опредѣленія; далѣе же онъ продолжаетъ рисовать возрастаніе ренты въ зависимости отъ различій одного только плодородія и лишь въ самомъ концѣ беретъ предметъ шире и говоритъ, что «мѣновая цѣнность продукта съ наиболѣе плодородной и благопріятно расположенной земли» «будетъ опредѣляться всѣмъ количествомъ труда въ его разнообразныхъ формахъ—отъ первой до послѣдней,—необходимымъ для производства продукта и доставленія его на рынокъ». Позднѣйшіе экономисты пытались восполнить этотъ недостатокъ систематическаго изложенія Рикардо, и, если бы его языкъ былъ болѣе ясенъ, онъ несомнѣнно избѣгъ бы во многихъ случаяхъ неправильнаго истолкованія своихъ мыслей... Сходнымъ образомъ, согласно Рикардо, существуютъ три причины ренты; но онѣ имъ недостаточно отчетливо выяснены и изложены не вполнѣ систематично. Первая — различіе въ естественномъ плодородіи отдѣльныхъ земельныхъ участковъ; вторая—различіе положенія относительно рынковъ; и третья—различіе въ выгодности новыхъ приложеній труда и капитала къ той же почвѣ въ зависимости отъ дѣйствія закона убывающаго плодородія.

Изъ своей теоріи ренты Рикардо выводитъ нѣкоторыя заключенія. Первый выводъ гласитъ: «хлѣбъ дорогъ не потому, что уплачивается рента, а, напротивъ, рента уплачивается потому, что хлѣбъ дорогъ; правильно было замѣчено, что цѣна хлѣба нисколько не уменьшилась бы, если бы даже землевладѣльцы и отказались цѣликомъ отъ своей ренты».

Второй выводъ тотъ, что ошибаются писатели, полагающіе, подобно А. Смиту, что рента свидѣтельствуетъ о преимуществахъ, какими будто бы обладаетъ земля по сравненію со всякимъ другимъ источникомъ производительной дѣятельности, и что только въ земледѣліи «природа работаетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ». «Нѣтъ ни одного производства», пишетъ Рикардо, «въ которомъ природа не помогала бы человѣку»; и онъ съ одобреніемъ цитируетъ примѣчаніе Бёкэнэна [1]), къ словамъ Смита. «Рента создается не продуктомъ, а цѣной, по которой продаютъ продуктъ; и эта цѣна уплачивается не потому, что природа помогаетъ въ производствѣ, а потому, что цѣна устанавливаетъ соотвѣтствіе между потребленіемъ и запасомъ продуктовъ». «Когда земля находится въ изобиліи», замѣчаетъ Рикардо, «когда она наиболѣе производительна и плодородна, она не даетъ ренты; и лишь, когда ея производительныя силы относительно понижаются, когда она начинаетъ не такъ хорошо вознаграждать трудъ, часть продуктовъ наиболѣе плодородныхъ участковъ выдѣляется въ формѣ ренты». «Возрастаніе ренты можетъ быть симптомомъ, но ни въ коемъ случаѣ не причиною богатства». Рента можетъ быть симптомомъ, ибо она всегда является «результатомъ» возрастанія богатствъ и «трудности доставленія хлѣба» для «увеличившагося населенія»; само же «населеніе возрастаетъ или уменьшается въ зависимости отъ возрастанія или уменьшенія капитала». Но, съ другой стороны, «богатство часто наиболѣе быстро возрастаетъ въ то время, когда рента остается безъ измѣненія или даже падаетъ»; вѣдь это возрастаніе имѣетъ мѣсто, когда обрабатываемая земля наиболѣе плодородна, когда ввозъ не испытываетъ ограниченій, и когда, благодаря агрономическимъ улучшеніямъ, производство можетъ быть увеличено безъ

[1]) Давидъ Бёкэнэнъ издалъ въ 1814 г. «Богатство народовъ».

возрастанія относительной затраты труда, и когда, слѣдовательно, прогрессъ ренты медленъ». «Богатство и населеніе страны могутъ возрасти», и тѣмъ не менѣе, если это возрастаніе сопровождалось «замѣтными улучшеніями въ земледѣліи», рента можетъ понизиться. Такія улучшенія могутъ быть двухъ родовъ. Они могутъ «увеличить производительныя силы земли» «лучшимъ сѣвооборотомъ или болѣе подходящимъ выборомъ удобренія», Или же они могутъ сдѣлать для насъ возможнымъ, посредствомъ улучшенія техники «получать продуктъ съ земли съ меньшей затратой труда». «Сюда относятся улучшенія земледѣльческихъ орудій, какъ напр., введеніе плуга или молотилки, экономія въ пользованіи занятыми въ земледѣліи лошадьми, лучшее знакомство съ ветеринаріей». Непосредственнымъ послѣдствіемъ обоего рода улучшеній является пониженіе ренты», хотя, въ концѣ концовъ, они чрезвычайно выгодны для землевладѣльцевъ», такъ какъ создаютъ «весьма сильный стимулъ къ росту населенія».

Наконецъ, въ третьихъ, на этой теоріи ренты Рикардо основываетъ свою концепцію «естественнаго» порядка распредѣленія богатства и будущихъ общественныхъ условій. Его теорія заработной платы и прибыли внутренно связаны съ теоріей ренты, равно какъ и ученіе о томъ, на какіе классы населенія падаютъ различныя формы обложенія. Заработная плата зависитъ отъ «цѣны хлѣба, предметовъ необходимости и удобствъ, потребныхъ для содержанія рабочаго и его семьи, и съ «возрастаніемъ цѣны хлѣба и предметовъ необходимости возрастетъ и заработная плата, равно какъ при пониженіи ихъ цѣнъ она будетъ падать». Прибыль, въ свою очередь, «зависитъ отъ заработной платы», ибо «вся цѣнность продуктовъ фермера» или «промышленнаго предпринимателя» дѣлится лишь на двѣ части, изъ которыхъ одна «составляетъ прибыль на капиталъ, а другая заработную плату рабочихъ». «Ни фермеръ, воздѣлывающій тѣ земельные участки, которые регулируютъ цѣну, ни промышленный предприниматель, изготовляющій товары, не жертвуютъ ни одной частью своего продукта въ формѣ ренты». Такимъ образомъ, можно выставить общее положеніе: «Прибыль зависитъ отъ высокой или низкой заработной платы, заработная плата—отъ цѣнъ необходимыхъ продуктовъ, главнымъ образомъ хлѣба, потому что потребленіе промышленныхъ издѣлій можетъ возрастать почти безгранично, по той простой причинѣ, что «увеличеніе» естественной цѣны сырыхъ продуктовъ, изъ которыхъ они изготовляются «можетъ» болѣе чѣмъ уравновѣшиваться улучшеніями въ техникѣ, лучшимъ раздѣленіемъ и распредѣленіемъ труда, возрастаніемъ искусства и спеціальной подготовки производителей». Въ нѣсколько иной и болѣе краткой формулировкѣ это положеніе гласитъ: «Во всѣхъ странахъ и во всѣ времена заработная плата зависитъ отъ количества труда, которое нужно, чтобы снабдить рабочаго всѣмъ необходимымъ, при условіи, что трудъ прилагается къ такимъ земельнымъ участкамъ или къ такому капиталу, которые не приносятъ ренты».

Изъ этого общаго положенія слѣдуетъ выводъ, касающійся будущей судьбы общества: «Съ прогрессомъ общества и богатства добавочное количество хлѣба добывается съ все большей и большей затратой труда». Слѣдовательно, «естественная тенденція заработной платы—подыматься въ своей денежной цѣнности, чтобы быть въ состояніи купить потребный хлѣбъ, но оставаться неизмѣнной или даже легко понижаться по своей реальной цѣнности, т. е. по дѣйствительной возможности пріобрѣтать необходимое для существованія, такъ какъ давленіе населенія на рессурсы страны возрастаетъ. Естественная тенденція прибыли—падать вслѣдствіе уменьшенія производительности земли и неизмѣнности (или весьма легкаго пониженія) требованій, вызываемыхъ издержками существованія рабочаго, хотя эта

тенденція можетъ быть на время пріостановлена «улучшеніями въ земледѣліи» или «открытіемъ новыхъ рынковъ, откуда могутъ поставляться предметы потребленія». «Естественная тенденція» ренты—возрастать, если не непосредственно, то за продолжительный періодъ.

Таковы главные пункты ученія Рикардо, какъ оно изложено въ его «Principles of Political Economy and Taxation», а также въ его болѣе раннемъ трудѣ «Essay on the Influence of a Low Price of Corn on the Profits of Stock» и въ позднѣйшемъ памфлетѣ «Protection to Agriculture». Профессоръ Сиджвикъ [1]) сказалъ какъ-то, что то, что извѣстно подъ именемъ Рикардовой теоріи ренты, «соединяетъ довольно безпорядочнымъ образомъ, по крайней мѣрѣ, три различныхъ теоріи, изъ которыхъ первая—«историческая теорія происхожденія ренты», вторая—«статистическая теорія силъ, опредѣляющихъ ренту въ настоящее время», и третья—«динамическая теорія силъ, непрерывно стремящихся увеличить ренту вмѣстѣ съ ростомъ богатства и населенія».

Эта теорія встрѣтила суровую критику съ различныхъ точекъ зрѣнія. Американскій экономистъ Кери указывалъ, что историческій порядокъ обработки земель, принятый Рикардо, неправиленъ. Не всегда случается—а недавній американскій опытъ служитъ подтвержденіемъ тому,—что первыми подвергаются обработкѣ болѣе богатыя земли, и что съ прогрессомъ общества обработка постепенно какъ бы спускается и на худшія земли. Бываютъ условія (какъ напр., необходимость защиты отъ вражескихъ нападеній или расходы, связанные съ привлеченіемъ къ обработкѣ извѣстныхъ участковъ), которыя въ раннюю эпоху цивилизаціи заставляютъ занимать болѣе бѣдные холмистые участки предпочтительно передъ долинами; а затѣмъ, съ прогрессомъ общества, когда выгода положенія, защищающаго отъ вражескаго нападенія, становится менѣе важной, а первоначальные расходы по осушенію и, быть можетъ, огораживанію могутъ быть предприняты болѣе легко,—земли, болѣе богатыя по своему естественному плодородію, привлекаются къ обработкѣ и замѣняютъ тѣ, которыя не такъ богаты.

Эта критика поучительна, но допускаетъ и нѣкоторыя возраженія. Теорія Рикардо, если ее свободно толковать, утверждаетъ, что люди привлекаютъ къ обработкѣ прежде всего тѣ земли, которыя, по ихъ мнѣнію, являются въ данный моментъ наиболѣе удобными, а затѣмъ подъ давленіемъ роста населенія къ обработкѣ привлекаются и менѣе удобныя земли. Выгоды могутъ состоять въ естественномъ плодородіи или въ удобномъ положеніи или въ какихъ-либо другихъ обстоятельствахъ, выгодность же обработки въ цѣломъ можетъ быть опредѣлена, лишь когда мы примемъ во вниманіе всѣ эти факторы, изъ которыхъ одинъ можетъ перевѣшивать или нейтрализовать другой. Критика эта доказала, повидимому, лишь одно, что выработанная Рикардо концепція о постоянной тенденціи къ возрастанію ренты нуждается въ серьезныхъ поправкахъ. Прогрессъ общества можетъ не только измѣнить положеніе участковъ относительно рынка, на которомъ продается продуктъ, измѣняя дороги и улучшая средства сообщенія и транспорта; онъ можетъ также коснуться и ихъ естественнаго плодородія, замѣняя одинъ методъ обработки другимъ или вводя новый сѣвооборотъ. Общественный прогрессъ можетъ уменьшить, а не увеличить различія между отдѣльными участками и отсрочить уменьшеніе относительной выгодности новыхъ затратъ капитала.

Только при свободномъ толкованіи теорія Рикардо можетъ считаться отвѣчающей фактамъ, будемъ-ли мы ее разсматривать какъ объясненіе

[1]) Principles of Political Economy. Bk. II, Ch. VII.

прошлаго, или какъ констатированіе настоящаго или, наконецъ, какъ предсказаніе будущаго. Теорія утверждаетъ, что, съ точки зрѣнія настоящаго, рента равна разности между доходомъ отъ приложенія капитала (и труда) къ землѣ при наименѣе выгодныхъ условіяхъ и доходомъ, получаемымъ отъ приложенія ихъ въ наиболѣе выгодныхъ условіяхъ. Какъ констатированіе настоящаго, эта теорія является, повидимому, необходимымъ послѣдствіемъ законовъ, опредѣляющихъ рыночную цѣну продуктовъ земледѣлія, ибо эта цѣна опредѣляется издержками производства той части продуктовъ, которая произведена съ наибольшими затратами, и другіе производители, реализуя ту же цѣну, пользуются—въ виду меньшаго размѣра своихъ расходовъ—прибылью на разницѣ, конкуренція же между ними, направленная на то, чтобы удержать за собой эти болѣе выгодные участки, заставляетъ ихъ передавать въ формѣ ренты этотъ излишекъ землевладѣльцу.

Эта теорія покоится на предпосылкѣ конкуренціи, и поскольку свободное дѣйствіе конкуренціи оказывается въ чемъ либо ограниченнымъ, теорія перестаетъ соотвѣтствовать фактамъ. Она признаетъ, что землевладѣлецъ и арендаторъ руководятся лишь соображеніями соперничества; что землевладѣлецъ стремится получать возможно болѣе высокую ренту, а фермеръ—уплатить возможно меньшую; что тотъ и другой независимые, понимающіе положеніе субъекты, могущіе и желающіе отнести свои товары и услуги на наилучшій рынокъ; что на лендлорда не будутъ оказывать вліянія ни гуманныя чувства, ни политическія обязательства, ни долгое знакомство; что фермеръ, вкладывая свой капиталъ, имѣетъ въ виду лишь продажу своихъ продуктовъ и, зная всѣ выгодныя особенности различныхъ участковъ, зная требованія рынка, пожелаетъ, взявъ свои улучшенія или ихъ цѣнность, перебраться на другой участокъ или избрать другой видъ промышленной дѣятельности, разъ только это будетъ казаться ему болѣе выгоднымъ.

Это предварительное условіе однако оказывается осуществленнымъ полностью лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Система фермерскаго хозяйства далеко не всеобщая форма земельнаго пользованія; вліяніе обычая измѣняетъ далѣе дѣйствіе и послѣдствіе конкуренціи. Крестьянинъ обрабатываетъ землю, не имѣя въ виду продать весь свой продуктъ цѣликомъ: онъ и его семья потребляютъ часть этого продукта; и можно сказать, что онъ платитъ ренту самому себѣ, такъ какъ онъ одновременно и землевладѣлецъ, и фермеръ, и рабочій. Наконецъ, половники, которыхъ можно встрѣтить въ нѣкоторыхъ частяхъ Южной Европы, платятъ, правда, ренту землевладѣльцамъ, которые снабжаютъ ихъ, согласно мѣстному обычаю, болѣе или менѣе значительной частью капитала, необходимаго для обработки земли; но рента эта представляетъ собой опредѣленную часть продукта и устанавливается обычаемъ, а не конкуренціей. Индійскій крестьянинъ или землидаръ вноситъ свою ренту въ формѣ земельнаго налога правительству; но она опять-таки фиксирована на продолжительное время, а то и навѣки, и регулируется въ значительной мѣрѣ обычаемъ. Равнымъ образомъ, англійскій землевладѣлецъ далеко не всегда получаетъ наивысшую ренту, которая могла бы быть установлена конкуренціей, и не всегда прогоняетъ фермера, который не желаетъ платить ему; ирландскій же крестьянинъ не имѣетъ практически никакого другого занятія, куда онъ могъ бы обратить свою энергію, кромѣ обработки земли; онъ не можетъ поэтому сравнивать свой доходъ съ доходомъ отъ другихъ промысловъ. Въ первыхъ двухъ случаяхъ рента въ цѣломъ повидимому ниже, въ другихъ же выше того уровня, на которомъ она была бы фиксирована при условіи свободной дѣятельной конкуренціи со стороны контрагентовъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ признаніе конкуренціи весьма полезно, какъ основа

для изслѣдованія; но при попыткѣ объяснить дѣйствительные факты, теорія эта подлежитъ значительнымъ измѣненіямъ.

Ее оспаривали однако и по другимъ основаніямъ. Утверждали, что невозможно найти такой земельный участокъ, который не приносилъ бы ренты, а покрывалъ бы лишь издержки производства и давалъ обычную предпринимательскую прибыль. На это возражали, что хотя ферма въ цѣломъ и будетъ платить ренту, но качественныя различія ея отдѣльныхъ частей могутъ быть такими, что часть ея можетъ быть разсматриваема, какъ не приносящая ренты. Самъ Рикардо возражалъ, что теорія его была бы справедлива и тогда, если бы имѣлся хоть одинъ случай приложенія капитала къ землѣ, не дававшаго ренты. Послѣдняя или «предѣльная» «доза» прилагаемаго капитала, употребляя выраженіе Джемса Милля, приноситъ не больше, чѣмъ чтобы покрыть издержки производства и дать нормальную предпринимательскую прибыль, предшествовавшія же «дозы» или тѣ, которыя были приложены при болѣе благопріятныхъ условіяхъ даютъ по сравненію съ ней нѣкоторый излишекъ. Можно далѣе замѣтить, что если бы даже не было не приносящихъ ренты участковъ или такихъ приложеній труда къ землѣ, которыя не даютъ ренты, то и тогда въ нѣкоторыхъ случаяхъ рента была бы настолько мала, что вполнѣ правильно могла бы быть приравнена къ нулю. И во всякомъ случаѣ разница въ сравнительной выгодности имѣлась бы.

Эти трудности предстали недавно еще въ иной формѣ. Изложенная теорія базируется на сравнительной выгодности различныхъ приложеній труда къ землѣ, начиная съ наинизшаго уровня, на которомъ не уплачивается никакой или почти никакой ренты. Но возможно, что эта сравнительная выгодность будетъ измѣняться въ одно и то же время или въ разныя времена въ зависимости отъ измѣненія размѣра заработной платы и прибыли, или въ зависимости отъ того, что земля будетъ засѣиваться разными видами хлѣба, или воздѣлываться по различнымъ методамъ, или ея продукты доставляться на рынокъ различными путями или посредствомъ различныхъ средствъ перевозки. Земля, не приносящая ренты или являющаяся «сравнительно худшей» при засѣвѣ однимъ хлѣбомъ, можетъ оказаться совершенно иной при засѣвѣ другимъ; подобныя же соображенія дѣйствуютъ и относительно различныхъ размѣровъ прибыли и заработной платы, а также относительно различныхъ рынковъ и методовъ обработки и транспорта. Этого рода соображенія весьма важны, и они несомнѣнно подрываютъ вѣрность ученія Рикардо о причинахъ, непрерывно стремящихся къ увеличенію размѣровъ ренты въ будущемъ.

Въ недавнее время ими воспользовались, чтобы обосновать соціалистическую схему «націонализаціи земли». Рента въ экономическомъ смыслѣ слова обязана своимъ происхожденіемъ тѣмъ свойствамъ почвы, которыя «изначала присущи ей», ея естественному плодородію или положенію относительно рынка, и по мѣрѣ увеличенія населенія и богатства она возрастаетъ въ своихъ размѣрахъ. Почему же этотъ фондъ, создаваемый скорѣй природой или обществомъ, чѣмъ частными владѣльцами, не долженъ тогда принадлежать обществу или государству, какъ представителю общества? Почему онъ, какъ въ настоящее время, долженъ идти на пользу лишь одного общественнаго класса за счетъ другихъ? Такова концепція такъ наз. «незаслуженнаго прироста цѣнности», основывающаяся на теоріи Рикардо.

Но логически—стройныя построенія этой теоріи не допускаютъ, однако, прямого приложенія къ практической жизни. Мѣняющіеся методы обработки и сообщенія съ рынками могутъ то, что въ данный моментъ кажется «незаслуженнымъ приращеніемъ», превратить въ другое время

въ «незаслуженный ущербъ». За послѣднія десятилѣтія обработка дѣвственныхъ земель въ Америкѣ и уменьшеніе расхода по перевозкѣ иностраннаго хлѣба вызвали серьезное пониженіе земельной ренты въ старыхъ странахъ, какъ напр, въ Англіи, и лишили ихъ «естественнаго покровительства» близости рынка или превосходнаго качества ихъ почвы.

Рикардо зналъ, что таково должно быть—по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время—дѣйствіе «открытія новыхъ рынковъ, откуда могли бы доставляться съѣстные припасы», и «улучшеній» въ наукѣ и практикѣ земледѣлія. Но измѣненія эти онъ представлялъ себѣ значительно меньшими, чѣмъ онѣ оказались въ дѣйствительности, потому что подобно Мальтусу, онъ не былъ «географомъ», а «законъ убывающаго плодородія», казалось, находилъ себѣ въ то время полное подтвержденіе въ развитіи земледѣлія въ Англіи. Равнымъ образомъ, онъ недостаточно сознавалъ благодѣтельныя послѣдствія уплотненія населенія: благодаря ему вѣдь становятся возможными раздѣленіе и организація труда, производительность промышленности растетъ, и заработная плата и прибыль, относительно опредѣленія величины которыхъ онъ составилъ себѣ, повидимому, слишкомъ не гибкое представленіе, какъ о чемъ то абсолютномъ, начинаютъ возрастать. Рикардо не обратилъ точно также вниманія на вопросъ о томъ, что сборы, уменьшавшіеся при старой формѣ пользованія, могутъ при переходѣ къ новой формѣ культуры увеличиваться и, такимъ образомъ, взаимное отношеніе земельныхъ участковъ по сравнительной выгодности обработки измѣнится.

Есть и еще другое серьезное затрудненіе, связанное съ предложеніемъ практически примѣнить концепцію «незаслуженнаго возрастанія цѣнности». Какимъ образомъ экономическую ренту, въ точномъ смыслѣ этого слова, отличить отъ процента или прибыли на капиталъ? Какая часть продукта создана «первоначальными и неразрушимыми силами земли» и какая затратой труда и капитала со стороны землевладѣльца и фермера? Насколько «возрастаніе» или «ущербъ» (смотря по условіямъ) заслужены или незаслужены? «На обычномъ языкѣ», признаетъ Рикардо, «терминъ рента примѣняется ко всему, что ежегодно фермеръ уплачиваетъ землевладѣльцу»; и хотя въ главѣ о рентѣ онъ высказываетъ желаніе употреблять терминъ лишь въ его точномъ смыслѣ, въ подстрочномъ примѣчаніи къ восемнадцатой главѣ онъ говоритъ, что «часть» капитала, издержаннаго на «улучшеніе» земли, «будучи разъ затрачена», оказывается «неразрывно связанной съ земельнымъ участкомъ и стремится увеличить его производительныя силы», и что «вознагражденіе, уплачиваемое за пользованіе ею землевладѣльцу, носитъ вполнѣ характеръ ренты и подчиняется всѣмъ законамъ ренты». Но хотя съ точки зрѣнія даннаго настоящаго момента она является спеціальной выгодной особенностью даннаго участка, отличающей его отъ другихъ участковъ, и не отдѣлима отъ «его первоначальныхъ и неразрушимыхъ свойствъ», съ исторической точки зрѣнія она «заслужена», а не «незаслужена». Кэри и нѣкоторые другіе экономисты зашли въ этой исторической аргументаціи настолько далеко, что утверждали, будто рента представляетъ не что иное, какъ вознагражденіе за расходы, произведенные въ прошломъ на обработку земли. На это, правда, можно замѣтить, что нѣкоторые изъ расходовъ на земледѣльческія улучшенія производятся разъ навсегда и уже не повторяются; предпринимаются же они въ надеждѣ, что доходъ будетъ достаточенъ для того, чтобы за опредѣленный періодъ оплатить не только проценты, но и самый капиталъ. Но все же нѣтъ сомнѣнія, что, какъ говоритъ Рикардо, это улучшеніе «не будетъ первоначально предпринято, если нѣтъ увѣренности въ томъ, что доходъ будетъ по крайней мѣрѣ равенъ прибыли, которую можно получить отъ пользованія равнымъ капиталомъ, вложеннымъ въ другое предпріятіе».

Крайне трудно отдѣлить ту часть ренты, которая является «заслуженной», отъ той, которая «незаслуженная». Могутъ быть участки земли, для которыхъ это различіе можетъ быть установлено легко; легче всего оно можетъ быть установлено для городскихъ участковъ, гдѣ мы встрѣчаемъ различія въ «экономической рентѣ» которыя создаются благодаря пригодности даннаго мѣста для какого-либо спеціальнаго употребленія или его относительному положенію, а также другія различія, въ обычномъ смыслѣ слова, возникшія благодаря затратѣ землевладѣльца или арендатора на постройку зданія или на улучшенія почвы.

Но во многихъ, а быть можетъ, въ большинствѣ случаевъ, трудность проведенія границы весьма велика, а въ иныхъ даже и непреодолима. Тотъ фактъ, что концепція «незаслуженнаго прироста» была распространена на другія формы богатства, напр. на владѣніе цѣнными картинами, или на особо выгодную промышленную дѣятельность, или на профессіональныя удобства, лишь иллюстрируетъ эту трудность. Съ одной стороны получаемые такимъ образомъ доходы могутъ въ значительной степени, подобно рентѣ, создаваться причинами, независящими отъ владѣющаго лица, но съ другой стороны, повидимому, невозможно опредѣлить, насколько въ ихъ созданіи участвуютъ подобныя причины и насколько не участвуютъ. По отношенію къ землѣ вопросъ представляется менѣе темнымъ, но все же онъ далеко не ясенъ. Поэтому, теорія Рикардо, объясняющая дѣйствія и послѣдствія свободной конкурренціи въ примѣненіи къ землѣ, помогаетъ разобраться въ томъ, что иначе представлялось бы очень запутаннымъ, но въ своемъ примѣненіи къ жизненной практикѣ она требуетъ большой осторожности.. Умственная дисциплина, которая необходима, чтобы ясно представить себѣ ея теоретическое значеніе, можетъ создать для практики требуемую осмотрительность; и Рикардо не одинъ и далеко не вполнѣ отвѣтственъ за неправильное пониманіе и неправильное приложеніе своихъ взглядовъ своими непрактичными и ненаучными послѣдователями.

Изъ труда Д. Рикардо „Начала политической экономіи".

Теорія земельной ренты [1]).

Рентой называется та часть продукта земли, которую уплачиваютъ землевладѣльцу за право пользованія *производительными и неистощимыми силами почвы*. Однако, ренту часто смѣшиваютъ съ процентомъ и съ прибылью съ капитала, а въ обыденной рѣчи подъ рентой подразумѣваютъ все то, что арендаторъ платитъ ежегодно землевладѣльцу.

Представимъ себѣ два смежныхъ хозяйства, площади которыхъ и естественное плодородіе почвы одинаковы; одно изъ нихъ снабжено всевозможными постройками и орудіями, необходимыми для земледѣлія, хорошо унавожено, обнесено удобными изгородями, заборами и стѣнами, тогда какъ другое лишено всего этого. Само собою понятно, что за первое хозяйство будутъ платить болѣе высокую арендную плату, чѣмъ за второе; однако, въ обоихъ случаяхъ вознагражденіе, платимое землевладѣльцу, будутъ называть рентой. Но вѣдь ясно, что только часть денегъ будетъ платиться за право пользованія естественными и неразрушимыми свойствами почвы; другая же часть будетъ платиться за право пользованія капиталомъ, затра-

---

[1]) См. Ricardo «On the principles of political Economy and Taxation» (Рикардо «Начала политической экономіи»).

ченнымъ на улучшеніе участка и на постройку зданій, необходимыхъ для сохраненія земледѣльческихъ продуктовъ... Поэтому, въ своей книгѣ я буду подъ рентой понимать только то, что арендаторъ платитъ землевладѣльцу за право пользованія *первоначальными и неразрушимыми свойствами почвы.*

Когда люди впервые заселяютъ богатую и плодородную мѣстность, гдѣ для прокормленія населенія достаточно обрабатывать небольшой участокъ земли, или гдѣ обработка не требуетъ затраты большаго капитала, чѣмъ какимъ владѣютъ колонисты, то здѣсь не можетъ быть и рѣчи о рентѣ. Врядъ-ли кто-нибудь захочетъ платить за право обработки земли, когда кругомъ имѣется много никому не принадлежащихъ земель, которыя можетъ обрабатывать всякій, кто этого захочетъ.

По общему закону спроса и предложенія за право пользованія такою землей никто не сталъ бы платить ренту по тѣмъ же самымъ причинамъ, по какимъ не платятъ за право пользованія воздухомъ, водой и другими благами, которыя имѣются въ природѣ въ неограниченномъ количествѣ. Правда, благодаря нѣкоторымъ приспособленіямъ, съ помощью давленія воздуха и упругости атмосферы можно привести въ движеніе машины, которыя въ значительной степени сокращаютъ трудъ человѣка; но никто не платитъ за право пользованія этими неистощимыми естественными силами, которыя находятся въ распоряженіи всѣхъ людей. Точно также пивоваръ, винокуръ, красильщикъ постоянно пользуются водой и воздухомъ при обработкѣ своихъ продуктовъ, но, такъ какъ источникъ этихъ естественныхъ благъ неистощимъ, то они не обладаютъ никакой цѣной [1]). Если бы земля по своимъ свойствамъ была повсюду одинакова, если бы она была не ограничена, то нельзя ничего было бы требовать за право обработки ея, исключая, конечно, тѣхъ случаевъ, когда она по своему положенію представляетъ какія нибудь особыя преимущества. Только подъ вліяніемъ того, что, съ одной стороны, производительная сила почвы измѣняется, а съ другой—возрастающее населеніе начинаетъ обрабатывать земли низшаго качества или расположенныя менѣе удобно, за право пользованія землей начинаютъ взимать ренту. Какъ только вслѣдствіе роста населенія люди приступаютъ къ обработкѣ менѣе плодородныхъ участковъ земли, возникаетъ рента для участковъ земли высшаго качества; высота этой ренты зависитъ отъ разницы въ относительномъ достоинствѣ двухъ разрядовъ земли.

Съ того момента, какъ люди переходятъ къ обработкѣ почвы третьяго разряда, возникаетъ рента для почвы второго разряда, которая тоже находится въ зависимости отъ разницы въ производительныхъ силахъ той и другой почвы. Въ то же время подымается рента за право пользованія почвой перваго разряда, такъ какъ она должна всегда быть выше ренты, взимаемой за пользованіе почвой второго разряда; это должно происходить вслѣдствіе разницы въ количествѣ продуктовъ, получаемыхъ съ этихъ участковъ при данной затратѣ труда и капитала. При каждомъ возрастаніи населенія, заставляющемъ людей обрабатывать участки низшаго качества, плата за пользованіе лучшими участками всегда повышается.

Предположимъ, что почвы №№ 1, 2, 3 даютъ, при затратѣ одинаковаго капитала и труда, чистаго сбора 100, 90 и 80 квартеровъ хлѣба.

---

[1]) «Земля представляетъ собою не единственный факторъ природы, обладающій производительной силой, но она является чуть не единственнымъ факторомъ природы, который могъ быть присвоенъ человѣкомъ, и блага котораго, такимъ образомъ, могли стать собственностью человѣка. Вода рѣкъ и моря тоже обладаетъ производительной силой, такъ какъ она можетъ приводить въ движеніе наши машины, питать рыбъ и пр.; вѣтеръ, приводящій въ движеніе наши мельницы, и даже солнечная теплота работаютъ для насъ, но, къ счастью, никто не можетъ сказать: «*вѣтеръ и солнце принадлежатъ мнѣ, и за услуги, оказываемыя ими, не должно быть уплачено*». (Ж. Б. Сэй). *Прим. изд.*

Въ новой странѣ, гдѣ, въ сравненіи съ количествомъ населенія, имѣется избытокъ въ плодородной землѣ, и гдѣ, слѣдовательно, для удовлетворенія потребностей его достаточно пока обрабатывать почву № 1, весь чистый сборъ хлѣба останется земледѣльцу и составитъ прибыль на затраченный имъ капиталъ. Но, какъ скоро подъ вліяніемъ роста населенія земледѣльцу придется обрабатывать почву № 2, которая за вычетомъ заработной платы даетъ только 90 квартеровъ хлѣба, для почвы № 1 должны быть вычтены 10 *квартеровъ* хлѣба, или ихъ эквивалентъ для того, чтобы употребить ихъ на какое-нибудь другое предпріятіе. Кто бы ни обрабатывалъ почвы № 1, владѣлецъ-ли ея, или какой-нибудь другой человѣкъ, эти 10 квартеровъ будутъ всегда составлять ренту, такъ какъ человѣкъ, воздѣлывающій почву № 2, получитъ съ затраченнаго имъ капитала ту же выгоду, будетъ-ли онъ обрабатывать почву № 1 и платить 10 квартеровъ хлѣба, или будетъ продолжать обрабатывать почву № 2, не платя за нее ничего. Точно такъ же, съ того времени, какъ начнутъ обрабатывать почву № 3, рента почвы № 2 будетъ равняться 10 квартерамъ хлѣба или соотвѣтствующей имъ цѣнности, тогда какъ рента почвы № 1 достигнетъ 20 квартеровъ; дѣло въ томъ, что человѣкъ, воздѣлывающій почву № 3, получитъ одинаковую выгоду, если онъ будетъ обрабатывать почву № 1 и платитъ 20 квартеровъ ренты, или если онъ будетъ обрабатывать почву № 2 и платитъ 10 квартеровъ ренты или, если онъ, наконецъ, будетъ обрабатывать почву № 3 и не платитъ за это никакой ренты.

Часто бываетъ, что, прежде чѣмъ приступить къ обработкѣ почвъ №№ 2, 3, 4 и, вообще, къ почвамъ низшаго качества, можно выгоднѣе вложить капиталы въ уже ранѣе обработанныя земли. Можетъ случиться, что, удваивая капиталъ, затраченный первоначально на почву № 1, можно, хотя и не увеличить получаемый съ нихъ продуктъ вдвое и не довести его до 100 квартеровъ, все же получить 85 квартеровъ—количество, которое можно было бы получить съ этого капитала, если бы онъ былъ затраченъ на воздѣлываніе почвы № 3.

Въ данномъ случаѣ капиталъ былъ бы употребленъ по преимуществу на обработанныя уже ранше почвы и также далъ бы ренту, такъ какъ рента всегда представляетъ собою разницу между количествами продуктовъ, получаемыхъ отъ одинаковой затраты труда и капитала. Если бы съ капитала въ 1000 фунтовъ стерлинговъ арендаторъ получалъ 100 квартеровъ хлѣба, и если бы, затративъ второй капиталъ въ 1000 фунтовъ стерлинговъ, онъ получилъ добавныхъ 85 квартеровъ хлѣба, то владѣлецъ земли могъ бы имѣть право потребовать съ него, по истеченіи контракта, 15 квартеровъ или соотвѣтствующую имъ цѣнность въ видѣ дополнительной ренты; дѣло въ томъ, что не можетъ быть двухъ разныхъ уровней прибыли. Если арендаторъ соглашается платить эти 15 квартеровъ хлѣба вслѣдствіе увеличенія количества продуктовъ съ земли, на которую былъ затраченъ добавочный капиталъ въ 1000 фунтовъ стерлинговъ, то это онъ дѣлаетъ только потому, что ему въ данный моментъ некуда помѣстить свой капиталъ болѣе выгоднымъ образомъ. Таковъ былъ бы для даннаго момента пропорціональный уровень прибылей, и, если бы старый арендаторъ не согласился исполнить требованіе землевладѣльца, то эта земля была бы сдана вскорѣ кому-нибудь другому, кто согласился бы платить землевладѣльцу излишекъ ренты, пропорціонально той добавочной прибыли, которую онъ могъ бы извлечь изъ земли.

Въ этомъ, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, послѣдній капиталъ, затраченный на землю, не даетъ ренты. Арендаторъ, дѣйствительно, платитъ 15 квартеровъ ренты за болѣе производительныя силы первыхъ 1000 фунтовъ стерлинговъ; но онъ не платитъ ничего за примѣненіе вторыхъ

1000 фунтовъ стерлинговъ. Если бы онъ затратилъ на ту же землю третій капиталъ въ 1000 фунтовъ стерлинговъ, что дало бы ему лишнихъ 75 квартеровъ хлѣба, то тогда за употребленіе второго капитала въ 1000 фунтовъ стерлинговъ онъ платилъ бы ренту, равную разницѣ между количествами продуктовъ, получаемыхъ съ обоихъ капиталовъ, т. е. 10 квартеровъ хлѣба; такимъ образомъ, рента первыхъ 1000 фунтовъ стерлинговъ поднялась бы отъ 15 до 25 квартеровъ, тогда какъ за употребленіе послѣднихъ 1000 фунтовъ стерлинговъ арендаторъ не заплатилъ бы никакой ренты.

Если бы плодородныхъ земель было больше, чѣмъ сколько необходимо для удовлетворенія потребностей увеличивающагося населенія, или если бы было возможно увеличивать капиталъ на обработку старыхъ земель, причемъ количество продуктовъ не уменьшилось бы, то рента не могла бы подыматься; дѣло въ томъ, что рента возникаетъ всегда какъ результатъ затраты большаго количества труда, дающаго меньшее количество продуктовъ.

Наиболѣе плодородныя и лучше всего расположенныя земли обрабатывались бы раньше другихъ, и мѣновая цѣнность ихъ продуктовъ опредѣлялась бы, подобно мѣновой цѣнности всѣхъ другихъ товаровъ, количествомъ труда, необходимаго для ихъ производства и для доставки ихъ на рынокъ [1]).

Мѣновая цѣнность какого-нибудь товара, будь это произведеніе мануфактуры, рудниковъ или земледѣлія, ни въ коемъ случаѣ не опредѣляется наименьшимъ количествомъ труда, необходимымъ для его производства при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ, составляющихъ своего рода преимущества. Наоборотъ, мѣновая цѣнность опредѣляется наибольшимъ количествомъ труда, которой должны примѣнять тѣ, кто не пользуется такими привилегіями, и кто вынужденъ бороться съ самыми неблагопріятными условіями производства...

Итакъ, повышеніе мѣновой цѣнности сырыхъ продуктовъ объясняется необходимостью затратить добавочный трудъ на почвы, которыя позже другихъ начали обрабатываться, а не рентой, которую платятъ землевладѣльцу. Мѣновая цѣнность хлѣба опредѣляется количествомъ труда, затраченнаго на производство его на худшихъ участкахъ земли, или частью капитала, который не платитъ ренты. Хлѣбъ не дѣлается дороже потому, что арендаторъ платитъ ренту; наоборотъ, вслѣдствіе того, что хлѣбъ дорожаетъ, приходится платить ренту; вполнѣ правиленъ тотъ взглядъ, что мѣновая цѣнность хлѣба не понизится даже тогда, когда землевладѣльцы перестанутъ взимать ренту съ земли. Это привело бы только къ тому, что нѣкоторые арендаторы стали бы жить по барски; но это ни въ коемъ случаѣ не уменьшило бы количества труда, необходимаго для производства сырыхъ продуктовъ на наименѣе плодородныхъ почвахъ.

Крайне распространено мнѣніе, будто земля имѣетъ то преимущество передъ всѣми другими источниками полезныхъ продуктовъ, что она даетъ излишекъ въ видѣ ренты. А между тѣмъ, въ тотъ періодъ, когда земли наиболѣе плодородны, богаты и производительны, онѣ не даютъ никакой ренты; только съ того момента, когда онѣ начинаютъ истощаться, когда при той же затратѣ труда количество продуктовъ меньше, только тогда отъ прежняго продукта съ почвъ лучшаго качества стали отдѣлять извѣстную часть на уплату ренты. Крайне странно, что это свойство почвы, которое, въ сравненіи съ естественными силами фабричнаго производства, слѣдовало

[1]) Выставленная Рикардо третья причина возникновенія ренты—преимущество положенія и близость рынка—въ его время была очень важна. Но въ наши дни, когда средства сообщенія такъ удобны, она имѣетъ очень мало значенія.

бы считать отрицательнымъ, признавалось, наоборотъ, за особое преимущество. Если бы воздухъ, вода, упругость пара и давленіе атмосферы обладали ограниченными и измѣнчивыми свойствами, если бы ихъ можно было обратить въ частную собственность, то всѣ они давали бы ренту, которая увеличивалась бы по мѣрѣ того, какъ люди начинали бы пользоваться различными качествами ихъ. Чѣмъ ниже становилось бы ихъ качество, тѣмъ выше подымалась бы мѣновая цѣнность продуктовъ, создаваемыхъ съ помощью этихъ силъ, такъ какъ одинаковое количество затраченнаго труда давало бы все меньшее и меньшее количество продуктовъ. Человѣкъ выбивался бы изъ своихъ силъ, природа работала бы все меньше, и земля перестала бы пользоваться преимуществами, основанными на ограниченности ея производительныхъ силъ.

Если излишекъ продукта, образующій ренту, дѣйствительно представляетъ собою преимущество, то тогда мы должны были бы желать, чтобы ежегодно вновь сооружаемыя машины работали все менѣе и менѣе производительно въ сравненіи со старыми машинами. Это подняло бы, въ самомъ дѣлѣ, мѣновую цѣнность товаровъ, произведенныхъ при посредствѣ не только этихъ машинъ, но и машинъ всей страны вообще; такимъ образомъ, тогда бы платили ренту всѣмъ тѣмъ, кто владѣетъ наиболѣе производительными машинами.

Ростъ ренты является всегда результатомъ увеличенія національнаго богатства и затрудненія въ удовлетвореніи жизненныхъ потребностей возрастающаго населенія; рента есть признакъ, но не причина богатства, потому что богатство часто возрастаетъ очень быстро, тогда какъ рента остается на одномъ и томъ же уровнѣ или даже уменьшается. Рента возрастаетъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ скорѣе истощаются производительныя силы земель, находящихся въ распоряженіи населенія. Національное богатство возрастаетъ быстрѣе всего тамъ, гдѣ земли, находящіяся въ распоряженіи населенія, наиболѣе плодородны, гдѣ ввозъ иностранныхъ продуктовъ наименѣе стѣсненъ, гдѣ, вслѣдствіе улучшеній въ земледѣліи, можно увеличивать число продуктовъ безъ какого-либо соотвѣтствующаго увеличенія количества труда, гдѣ, слѣдовательно, ростъ ренты идетъ медленнымъ темпомъ [1]).

[1]) Рикардо заканчиваетъ свою главу *о земельной рентѣ* слѣдующими словами: „Говоря о рентѣ землевладѣльца, мы ее разсматриваемъ въ ея отношеніяхъ къ цѣлому продукту, не обращая вниманія на ея мѣновую цѣнность; но, такъ какъ та же самая причина, а именно производственная сила повышаетъ мѣновую цѣнность сырыхъ продуктовъ, увеличивая также соотвѣтственно ту часть этихъ продуктовъ, которая отдается землевладѣльцу въ видѣ ренты, то вполнѣ ясно, что онъ извлекаетъ изъ трудности производства двойную выгоду. Дѣйствительно, съ одной стороны, онъ получаетъ бо́льшую сумму, а съ другой—продукты, которыми ему платятъ, обладаютъ бо́льшей цѣнностью“.

Джонъ Стюартъ Милль.

Глава IV.

Джонъ Стюартъ Милль (1806-1873 гг.).

Теорія цѣнности.

Вліяніе Милля.—Его воспитаніе.—Его занятія въ послѣднее время.—Его честность.—«Кризисъ» въ исторіи его «умственнаго развитія».—Пройденная имъ школа Бентама.—«Пробужденіе» Милля.—Кажущіяся противорѣчія въ его работахъ.—Его соціалистическія тенденціи.—Переходный характеръ его труда.—Его заслуги.—Теорія цѣнности.—Заявленіе Милля.—Значеніе теоріи.—Исторія ея развитія.—Изложеніе Милля въ сравненіи съ даваемымъ нынѣ.—Опредѣленіе цѣны, рынка, нормальной цѣны. 1) Теорія, разсматриваемая со стороны продавцевъ или предложенія.—Торговое и промышленное соперничество.—Издержки и стоимость производства.—Не конкурирующія группы.—Различные разряды товаровъ.—2) Теорія, разсматриваемая со стороны покупателей или спроса.—Конечная или предѣльная полезность.—3) Комбинированіе обѣихъ сторонъ.—Четыре разряда товаровъ: 1) рѣдкіе предметы; 2) продукты съ немѣняющимися издержками производства; 3) земледѣльческіе продукты; 4) промышленные продукты. Возможность двухъ или болѣе нормальныхъ цѣнъ. Взгляды Милля по вопросу о 1) рыночныхъ цѣнностяхъ,—2) международныхъ цѣнностяхъ.—Теорія распредѣленія.

Лишь немногіе писатели,—если только таковые, вообще, имѣются,—оказали за послѣдніе полвѣка болѣе глубокое и обширное вліяніе на англійскую мысль, чѣмъ Джонъ Стюартъ Милль. Не трудно понять и причины этого: Милль писалъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ и среди нихъ по такимъ, которые касаются наиболѣе возвышенныхъ и постоянныхъ интересовъ человѣка. Воспитаніе, данное ему его отцомъ и описан-

ное имъ самимъ въ его «Автобіографіи», еще и теперь не перестало вызывать изумленіе. Самъ Милль называетъ это «необычнымъ» и «замѣчательнымъ». Воспоминанія Милля относятъ его къ тѣмъ днямъ, когда онъ трехлѣтнимъ мальчикомъ заучивалъ греческія слова, записанныя для него отцомъ на особыхъ карточкахъ. Съ трехъ до семи лѣтъ онъ занимался греческимъ языкомъ, исторіей и ариѳметикой, и списокъ книгъ, которыя онъ прочелъ, длиненъ и разнообразенъ. Семи лѣтъ Милль началъ изучать латинскій языкъ, а двѣнадцати—логику и немного позже—политическую экономію. Въ 1820 г. онъ поѣхалъ на годъ во Францію, продолжая тотъ же самый рутинный непрерывный трудъ. Его занятія не прекратились и съ возвращеніемъ въ Англію; такъ онъ пишетъ: «мое воспитаніе продолжалось своимъ обычнымъ порядкомъ. Я возобновилъ свои старыя занятія и прибавилъ нѣкоторые новые предметы изученія». Онъ работалъ по девяти часовъ въ день, и едва ли можно сомнѣваться, что уже въ эти ранніе годы надломилъ свои силы. Милль не могъ, конечно—это и физически невозможно—усвоить весь громадный матеріалъ, который изучалъ. Но, несомнѣнно, эти занятія увеличили разнообразіе предметовъ, по которымъ онъ впослѣдствіи писалъ, и дали ему тѣ обширныя познанія, которыя онъ обнаруживаетъ въ своихъ сочиненіяхъ.

Среди этихъ разнообразныхъ предметовъ было нѣсколько, которые онъ уже въ ранніе годы изучилъ особенно хорошо, и въ которыхъ его позднѣйшіе труды являются, повидимому, наиболѣе цѣнными. Это—логика, политика и политическая экономія. Его отецъ самъ наиболѣе интересовался этими вопросами и придавалъ имъ наибольшее значеніе. Джемсъ Милль, называемый иногда въ отличіи отъ своего сына «старымъ Миллемъ», былъ, безспорно, замѣчательной личностью своего времени. Онъ оказывалъ необыкновенное личное вліяніе на своихъ современниковъ; говорили даже, что онъ похожъ на Сократа по своему умѣнію заставлять встрѣчавшихся съ нимъ людей пересматривать свои воззрѣнія и удерживать изъ нихъ лишь то, что представляетъ собой чистую неподдѣльную истину. У него была привычка брать съ собой на прогулку сына и бесѣдовать съ нимъ о вопросахъ, которые онъ тогда изучалъ. Мальчикъ долженъ былъ дѣлать на бумагѣ замѣтки обо всемъ, что онъ читалъ, и съ ихъ помощью давалъ затѣмъ отчетъ во время прогулокъ. Уже съ самаго начала молодого Милля заставляли самостоятельно мыслить. Его отецъ никогда не объяснялъ ему затруднительныхъ мѣстъ, если только онъ не поработалъ надъ ними и не приложилъ серьезныхъ усилій разрѣшить ихъ. Какъ ни разнообразны и обширны были изучаемые предметы, все же это образованіе не было простымъ «накопленіемъ знаній», а въ высокой степени будило мысль.

Профессіональныя занятія Милля въ послѣдующій періодъ его жизни давали ему много досуга для его многочисленныхъ литературныхъ работъ. Въ 1823 г., семнадцатилѣтнимъ юношей, онъ получилъ мѣсто въ India House (управленіи Остъ-индской компаніи), подъ непосредственнымъ начальствомъ своего отца, а въ 1856 г. былъ назначенъ Examiner of Indian Correspondence (за два года до перехода управленія Индіей къ коронѣ и своей отставки). Милль самъ говорилъ, что нельзя найти профессіи, которая предоставляла бы больше свободы для литературной дѣятельности, и «въ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей онъ находилъ настоящій отдыхъ отъ своихъ другихъ умственныхъ занятій». Эта дѣятельность представляла еще и ту добавочную выгоду, что заставляла Милля разрѣшать различныя практическія затрудненія и пріучила его облекать свои мысли въ такую форму, которая могла бы быть легко понята. Этой привычкѣ мы должны приписать въ нѣкоторой мѣрѣ характерную для Милля ясность его сочиненій и способность легко развить даже абстрактную аргументацію.

Нѣкоторое время по выходѣ изъ Управленія Остъ-Индской компаніи Милль несъ парламентскія обязанности, смѣняя, какъ онъ самъ говоритъ, «тихое и уединеное существованіе писателя на менѣе подходящую дѣятельность члена палатъ общины». Гладстонъ говоритъ [1]), что во время пребыванія Милля въ парламентѣ вокругъ него чувствовалось «какое-то особое нравственное благородство». Но это пребываніе было сравнительно недолго, и на слѣдующихъ выборахъ его кандидатура потерпѣла неудачу. Онъ умеръ въ Авиньонѣ въ 1873 г.

Разнообразіе книгъ, которыя Милль читалъ въ свои ранніе годы, имѣло и еще одно послѣдствіе, кромѣ уже указанныхъ нами. Милль былъ необыкновенно литературно-честенъ. Онъ всегда былъ озабоченъ, какъ бы не оказаться въ чемъ-либо несправедливымъ по отношенію къ своему оппоненту; онъ всегда старался изложить воззрѣнія своего противника въ наиболѣе нравственной формѣ, хотя и не былъ съ ними согласенъ и намѣревался опровергать ихъ. По его собственнымъ словамъ онъ «всегда былъ готовъ учиться и переучиваться»; и это онъ обнаружилъ въ своихъ позднѣйшихъ экономическихъ работахъ, когда открыто и полностью отказался отъ теоріи «опредѣленнаго по своимъ размѣрамъ фонда заработной платы», которую онъ въ началѣ поддерживалъ. Одно время въ своей юности Милль имѣлъ обыкновеніе раза два въ недѣлю собираться со своими молодыми знакомыми и обсуждать книги, которыя они прочли; и онъ говоритъ, что «эти разговоры сдѣлали изъ него оргинальнаго и независимаго мыслителя». Кромѣ того, его отецъ особенно старался предупредить въ немъ развитіе какого-либо самомнѣнія и всегда показывалъ ему, какъ мало онъ въ сущности знаетъ.

Но, если бы мы остановились на этомъ, мы не дали бы правильной характеристики духовной личности Милля. Важнѣйшая часть въ его «Автобіографіи» та, гдѣ Милль описываетъ «кризисъ», происшедшій въ его «духовномъ развитіи». Отецъ воспиталъ его въ самыхъ строгихъ догматахъ опредѣленной школы. Школа эта относилась отрицательно къ чувству и воображенію и признавала желательными лишь строгую мысль и суровую аналитическую способность.

Это была школа Іереміи Бентама; она утверждала, что сложныя общественныя явленія могутъ быть объяснены въ свѣтѣ немногихъ простыхъ принциповъ. Она слѣпо вѣрила въ представительное правленіе и полагала, что цѣль всякой законодательной работы должна заключаться «въ возможно большемъ счастьѣ возможно большаго числа людей», и что вѣрнѣйшій путь къ этой цѣли—ограниченіе правительственнаго вмѣшательства минимумомъ, и предоставленіе личности максимума свободы дѣйствія и сужденія. Она заявляла, что источникъ всякой нравственности — «просвѣщенный эгоизмъ», такъ какъ каждый человѣкъ дѣйствуетъ такъ, чтобы получить возможно большее удовольствіе или возможно меньшее страданіе, и что интересы индивида совпадаютъ съ интересами общества. По ея утвержденію наша психика представляетъ собой лишь «пучокъ ощущеній», а нашъ характеръ является продуктомъ вліяній окружающей обстановки. Согласно ей вся юридическая наука можетъ быть понята изъ послѣдовательно проведеннаго анализа такихъ немногихъ понятій, какъ верховная власть, право и обязанность, психологія—изъ принципа «ассоціаціи идей», этика—«изъ принципа наибольшаго счастья возможно большаго числа людей», политическая экономія—изъ принципа laissez faire и доктрины о народонаселеніи. «Эвклидъ былъ для этой школы», какъ образно выразился Бедждготъ, «единственнымъ типомъ научнаго мышленія».

---

[1]) Въ письмѣ, обнародованномъ въ книгѣ Кортеня «Mill».

Въ своей «Автобіографіи» Милль разсказываетъ, какъ по прочтеніи Бентама его «охватило чувство, что всѣ предшествовавшіе моралисты превзойдены, и что начинается новая эра въ человѣческомъ мышленіи». Здѣсь была «интеллектуальная ясность» и «самыя обнадеживающія перспективы относительно улучшеній въ человѣческихъ дѣлахъ». «Теперь у меня было», пишетъ Милль, «опредѣленное мнѣніе; вѣра, доктрина, философія, религія въ лучшемъ смыслѣ слова, и распространеніе ея могло сдѣлаться важнѣйшею задачей жизни». И этому дѣлу Милль и посвятилъ себя. Зимой 1822—23 г. образовалось небольшое общество, такъ называемое «Утилитаріанское Общество», состоявшее изъ молодыхъ людей, «признававшихъ *пользу* своимъ критеріемъ въ этикѣ и политикѣ» и собиравшихся разъ въ двѣ недѣли для чтенія рефератовъ и дискуссированія различныхъ вопросовъ. Новое «Вестминстерское Обозрѣніе» («Westminster Review») служило литературнымъ органомъ для пропаганды идей утилитаризма и другихъ родственныхъ ученій, извѣстныхъ впослѣдствіи подъ именемъ «философскаго радикализма».

Но это продолжалось недолго. Въ 1826 г. Милль «проснулся» отъ своихъ «иллюзій». Ему «случилось» прямо поставить передъ собою вопросъ»: «Предположимъ, что всѣ ваши намѣренія осуществились въ жизни; что всѣ измѣненія въ учрежденіяхъ и взглядахъ, къ которымъ вы стремитесь, могутъ быть полностью осуществлены въ этотъ самый моментъ: принесло ли бы это большое удовольствіе и счастье вамъ?» «И незаглушимый голосъ самосознанія ясно отвѣчалъ: Нѣтъ». Тогда «сердце замерло» въ немъ, и все основаніе, на которомъ строилась его жизнь, пало».

«Первое время» Милль думалъ, что «туча пройдетъ сама собой; но она не проходила». Напротивъ, она «повидимому, становилось все больше и больше». «Напрасно искалъ Милль утѣшенія въ своихъ любимыхъ книгахъ»: онѣ не могли ему помочь. Не могли ему помочь и указанія отца: воспитаніе Милля, бывшее «всецѣло» дѣломъ отца, велось такимъ образомъ, что «возможность подобнаго результата вовсе не была предусмотрѣна». «Привычка къ анализу», составлявшая центръ системы его отца, заключала въ себѣ «тенденцію устранять всякое чувство» и нуждалась въ дополненіяхъ и коррективахъ. «Наслажденіе, проистекающее отъ сочувственнаго движенія къ людямъ, и чувства, дѣлающія изъ стремленія къ благу другихъ и, главнымъ образомъ, изъ стремленія къ благу всего человѣчества—цѣль существованія», могутъ являться и, вѣроятно, являлись «величайшимъ и вѣрнѣйшимъ источникомъ человѣческаго счастья».. Но открываемое анализомъ сознаніе, что это такъ, ничего не говоритъ чувству; и Милль видѣлъ, что «онъ потерпѣлъ крушеніе уже въ самомъ началѣ своего путешествія», «съ хорошо снаряженнымъ кораблемъ и рулемъ, но безъ паруса», безъ «реальнаго стремленія къ тѣмъ цѣлямъ, для достиженія которыхъ онъ былъ такъ хорошо подготовленъ, ибо не испытывалъ наслажденія отъ добродѣтели или общаго блага, ровно какъ и отъ чего-либо другого».

Чувство господствовало надъ нимъ почти полъ года, но, наконецъ, слабый лучъ свѣта пронизалъ мракъ». Милль читалъ случайно «Воспоминанія» Мармонтеля и «дошелъ до мѣста, разсказывающаго о смерти отца автора, о печальномъ положеніи семьи и о томъ, какъ у него, тогда еще мальчика, явилась вдругъ счастливая идея, позволившая ему самому почувствовать и показать другимъ, что онъ займетъ для нихъ мѣсто всего того, что они потеряли.» Читая этотъ разсказъ, Милль былъ «тронутъ до слезъ»; и съ этого момента давившая его тяжесть стала легче». Онъ зналъ, что у него есть чувство и чувство, и что онъ не палка и не камень». И теперь его «теорія жизни» радикально «измѣнилась». Онъ

чувствовалъ теперь, что, хотя «счастье», дѣйствительно, можетъ быть критеріемъ всѣхъ правилъ поведенія и цѣлью жизни», «достигнуть его возможно лишь, не ставя его прямой цѣлью». «Счастливы» только тѣ, «кто направилъ свои помыслы на другіе предметы, чѣмъ собственное счастье; на счастье другихъ людей, на совершенствованіе человѣчества, вообще, на что-нибудь, являющееся не средствомъ, а идеальною цѣлью само по себѣ». Съ этого времени, далѣе, Милль началъ смотрѣть, какъ «на одно изъ первыхъ требованій человѣческаго благополучія», «на внутреннюю культуру человѣка и переставалъ» придавать почти исключительное значеніе упорядоченію внѣшнихъ отношеній и воспитанію человѣка для умозрѣнія и дѣйствія». Онъ началъ стремиться къ утонченію своихъ чувствъ, развивалъ существовавшій уже у него интересъ къ музыкѣ, интересовался поэзіей Вордсворта.

Въ природѣ Милля была теплая, симпатичная и эмоціональная сторона, и теперь она разорвала узы, которыя наложила на нее строгая и суровая система его отца. Вліяніе этого освобожденія сказалось въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ интеллектуальной дѣятельности Милля и породила тѣ кажущіяся и дѣйствительныя противорѣчія, которыя были открыты въ его сочиненіяхъ непріязненно настроенными критиками. Отказъ отъ узкой вѣры его раннихъ лѣтъ уступилъ черезъ нѣкоторое время реакціи противъ этого отказа, и Милль попытался примирить вновь пріобрѣтенную вѣру со старой и сочетать болѣе нѣжную и человѣчную доктрину съ той, которая была болѣе сурова и холодно-абстрактна.

Въ этой попыткѣ Милль не всегда имѣлъ успѣхъ. Онъ вводитъ въ свою философію элементы, разрушающіе, по мнѣнію нѣкоторыхъ критиковъ, основаніе, на которыхъ она строится. Теорія, согласно которой характеръ опредѣляется окружающими условіями, нашла поправку въ соображеніи, развитомъ Миллемъ въ его «Логикѣ» (вышедшей въ 1843 г.) и сводящемся къ тому, что мы сами можемъ сознательно измѣнять эти условія. Теорія, что критеріемъ нравственности является сумма наслажденій или страданій, порожденныхъ даннымъ поступкомъ, была модифицирована концепціей, изложенной въ его Essay on Utilitarianism («объ утилитарной нравственности»), согласно которой различія существуютъ не только въ количествѣ, но и въ качествѣ наслажденій, и что одни изъ наслажденій могутъ быть выше другихъ. Сходнымъ образомъ, въ политикѣ и политической экономіи Милль уже не защищаетъ въ абсолютной формѣ утвержденія, что цѣль всякой законодательной работы—полная свобода дѣйствія для отдѣльнаго лица и невмѣшательство со стороны правительства; теперь онъ уже говоритъ, что «законныя функціи правительства охватываютъ значительно болѣе широкую сферу дѣятельности, чѣмъ представляетъ ему какое-либо ограничительное опредѣленіе; и невозможно найти какое-либо основаніе, общее имъ всѣмъ, помимо цѣлесообразности, равнымъ образомъ невозможно ограничивать вмѣшательство правительства какимъ-либо общимъ прииципомъ, помимо простого и слишкомъ общирнаго ограниченія, что вмѣшательство это должно имѣть мѣсто лишь, когда того настоятельно требуетъ цѣлесообразность».

И дѣйствительно, можно сказать, что экономическія сочиненія Милля проникнуты легкой соціалистической тенденціей; да и самъ Милль говоритъ, что, когда онъ переживалъ кризисъ въ своемъ духовномъ развитіи, онъ испыталъ вліяніе соціалистической литературы «французской школы Сенъ Симона». Въ своихъ «Началахъ политической экономіи» Милль проводитъ различіе, которое, по его словамъ, онъ первый установилъ, между законами производства богатства, составляющими содержаніе его первой книги, и законами распредѣленія, разсматриваемыми во второй. Первые

законы—«дѣйствительные законы природы, зависящіе отъ свойствъ предметовъ», и они не могутъ быть измѣнены; вторые же лишь «необходимыя послѣдствія даннаго соціальнаго строя» и «съ прогрессомъ общества должны быть значительно измѣнены». Такимъ образомъ, Милль провидѣлъ въ будущемъ время, когда будетъ господствовать соціальный строй, вовсе несхожій съ теперешнимъ экономическимъ режимомъ. «Соціальная проблема будущаго» заключается, по словамъ Милля, въ томъ, какъ «соединить наибольшую индивидуальную свободу дѣйствія съ общимъ владѣніемъ сырыми продуктами земли и равнымъ участіемъ всѣхъ въ благахъ организованнаго труда». Эта соціалистическая тенденція явилась у Милля, повидимому, отчасти благодаря вліянію г-жи Тейлоръ, на которой онъ женился, и самъ онъ говоритъ, что различіе между законами производства и законами распредѣленія было внушено ему ею. Привязанность, которую Милль чувствовалъ къ ней, возвышалась до прямого преклоненія передъ ней—свидѣтельство силы эмоціональной стороны въ его природѣ.

Положеніе Милля въ исторіи политической экономіи въ Англіи мы можемъ опредѣлить, сказавъ, что его трудъ обозначаетъ, повидимому, переходную стадію. Милль былъ въ извѣстномъ смыслѣ—перефразируя слегка слова Беджгота [1])—secrétaire de la rédaction (секретарь редакціи), систематизировавшій и упорядочившій въ своихъ книгахъ о производствѣ, распредѣленіи, обмѣнѣ, вліяніи прогресса общества и вліяніи правительства идейный матеріалъ, доставленный ему его предшественниками, такъ что получилось великое цѣлое; самъ онъ говорилъ иногда о Рикардо съ «піететомъ ученика». Но въ абстрактныя построенія Рикардо Милль внесъ элементъ человѣчности; свои теоріи, кромѣ того, онъ формулировалъ болѣе осторожно, внося въ нихъ много оговорокъ. Въ своихъ раннихъ «Essays on some unsettled Questions of Political Economy» («Этюдахъ о нѣкоторыхъ нерѣшенныхъ вопросахъ политической экономіи»), вышедшихъ въ 1844 г., но написанныхъ въ 1829 и 1830 г.г., Милль развивалъ мысль о построеніи теоретической науки, которая должна быть чисто абстрактной; но, когда онъ въ 1848 г. выпустилъ свою великую книгу, онъ уже уклонился отъ этой концепціи. Ея названіе—«Начала политической экономіи съ нѣкоторыми изъ примѣненій къ соціальной философіи» (Principles of Political Economy with some of their Applications to social Philosophy); и въ предисловіи Милль указываетъ, что его «цѣль отлична отъ цѣли любого трактата по политической экономіи, который только появлялся въ Англіи со времени А. Смита». «Наиболѣе характерная особенность книги Смита», заявляетъ Милль, «та, что онъ всегда соединяетъ принципы съ ихъ приложеніями», и въ этихъ приложеніяхъ Смитъ «постоянно апеллируетъ къ другимъ и часто значительно болѣе широкимъ идеямъ, чѣмъ тѣ, которыя дастъ чистая политическая экономія». Эта мысль, высказанная въ предисловіи, проходитъ по всему сочиненію, и реформаторское увлеченіе, характеризующее Милля въ его стремленіи приложить свои принципы къ практикѣ, повинно, несомнѣнно, въ нѣкоторыхъ изъ его дѣйствительныхъ или кажущихся противорѣчій, тогда какъ другія должны быть отнесены на счетъ измѣненій, которыя онъ послѣдовательно дѣлалъ въ новыхъ изданіяхъ.

Его общая позиція, поэтому, переходная, и его трактованіе предмета страдаетъ незаконченностью. Критики указывали, что тенденція къ соціализму, обнаруживаемая въ нѣкоторыхъ главахъ, несовмѣстима съ энергичной защитой мелкаго землевладѣнія, которую мы видимъ въ другихъ главахъ; они находили также, что позиція, которую Милль занимаетъ въ

[1]) Cf. Bagehot's Economic Studies, p. 19.

пятой книгѣ по вопросу о «вліяніи правительства», непослѣдовательна и ненаучна. Но работа Милля имѣетъ свои очевидныя достоинства, равно какъ и свои недостатки. Могутъ быть нѣкоторыя противорѣчія, теорія не всегда достаточно развита, а факты не совсѣмъ гармонируютъ съ теоріей. Но противорѣчія часто болѣе кажущіяся, чѣмъ дѣйствительныя, а вся книга проникнута моральнымъ одушевленіемъ, заражающимъ читателя энтузіазмомъ къ человѣческому прогрессу и вдохновенной вѣрой въ возможность осуществленія этого прогресса, хотя бы и съ извѣстной постепенностью. Она вноситъ элементъ человѣчности въ разсмотрѣніе такихъ вопросовъ, которые получали иногда сухое несимпатическое трактованіе, и отчасти благодаря этому самому элементу онъ указываетъ иногда направленіе, въ которомъ могутъ быть исправлены и дополнены прежнія доктрины.

Въ одномъ пунктѣ, однако, Милль съ вовсе несвойственной ему самоувѣренностью настаивалъ, что онъ достигъ полной законченности. Это—теорія цѣнности, которую Милль излагалъ въ своей третьей книгѣ. «Къ счастью», пишетъ онъ, «нѣтъ ничего въ законахъ цѣнности, что оставалось бы выяснить современнымъ или будущимъ писателямъ. Теорія по данному вопросу полна. Единственное затрудненіе состоитъ въ томъ, чтобы изложить ее въ формѣ, которая позволила бы предусмотрѣть и разрѣшить затрудненія, встрѣчающіяся при ея приложеніи». Если эти замѣчанія толковать въ свободномъ смыслѣ, ихъ можно считать по существу правильными; но это толкованіе по необходимости должно быть настолько свободнымъ, что приведенная фраза теряетъ какое-либо конкретное содержаніе. Данное Миллемъ изложеніе теоріи цѣнности и до сихъ дней остается непоколебленнымъ въ своей существенной основѣ; Милль изложилъ ее лучше, чѣмъ его предшественники, и здѣсь, какъ и вездѣ, онъ внесъ въ ихъ доктрину много существенныхъ поправокъ. Его изложеніе теоріи содержитъ много такого, что является его лучшимъ и наиболѣе прочнымъ вкладомъ въ науку. Но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оно иллюстрируетъ также переходный характеръ его труда. Съ того времени теорія была значительно двинута впередъ, и самому Миллю не удалось привести въ соотвѣтствіе съ ней свое ученіе о распредѣленіи. Признавая всю важность теоріи, Милль все же повидимому не возвысился до господствующаго нынѣ взгляда на нее, какъ на центральную теорію политической экономіи, объясняющую обмѣнъ товаровъ и труда на мѣстномъ и международномъ рынкѣ.

Милль, однако, сознавалъ ея громадное значеніе, ибо онъ говоритъ, что «вопросъ о цѣнности является основнымъ» въ современномъ промышленномъ обществѣ. «Малѣйшая ошибка въ этомъ вопросѣ порождаетъ неизбѣжно соотвѣтственную ошибку во всѣхъ нашихъ другихъ выводахъ, а что-либо недостаточно опредѣленное и смутное въ нашемъ представленіи о цѣнности создастъ неясность и неопредѣленность и во всемъ другомъ». Если, поэтому, мы хотимъ опредѣлить положеніе, занимаемое Миллемъ въ исторіи политической экономіи въ Англіи, и оцѣнить характеръ его работы, мы едва ли можемъ взять для изслѣдованія его метода лучшій примѣръ, чѣмъ то, что онъ самъ называетъ «основными вопросами», и что другіе писатели, и раньше и позже его, разсматривали, какъ центральную часть политической экономіи (если только не видѣли здѣсь всего содержанія этой науки). Это изслѣдованіе лучше всего произвести, разсматривая теорію въ ея теперешнемъ видѣ, и пытаясь опредѣлить, что въ ея выработкѣ сдѣлано самимъ Миллемъ, и что создано позднѣйшими писателями.

Разсматривая сочиненіе Смита, мы видѣли, что раздѣленіе труда предполагаетъ рынокъ и обмѣнъ на этомъ рынкѣ. Теперь возникаетъ вопросъ—каковъ принципъ, регулирующій этотъ обмѣнъ? Какое количество своихъ продуктовъ долженъ дать одинъ человѣкъ, чтобы получить въ обмѣнъ извѣст-

ную сумму продуктовъ своихъ ближнихъ? Сколько этихъ послѣднихъ продуктовъ можетъ быть получено въ обмѣнъ за извѣстное количество его собственныхъ продуктовъ? Здѣсь на сцену выступаетъ теорія цѣнности, ибо цѣнность собственныхъ продуктовъ даннаго человѣка или цѣнность того, чѣмъ онъ владѣетъ, измѣряется количествомъ продуктовъ или предметовъ владѣнія другихъ людей, которое онъ можетъ получить въ обмѣнъ на свои, а цѣнность продуктовъ или предметовъ владѣнія другихъ людей измѣряется количествомъ его собственныхъ продуктовъ или предметовъ владѣнія, которое онъ готовъ дать въ обмѣнъ на нихъ; и экономическая теорія цѣнности покоится на изслѣдованіи условій и обстоятельствъ, которыя оказываютъ вліяніе и опредѣляютъ эту сдѣлку. Общій абрисъ этого изслѣдованія можно найти уже въ «Богатствѣ народовъ», и одинъ экономистъ назвалъ это «важнѣйшимъ изъ того, что сдѣлалъ» Смитъ. Этотъ абрисъ былъ точнѣе намѣченъ Рикардо и его учениками, но лишь Миллю удалось наложить значительнѣйшую часть необходимыхъ тѣневыхъ штриховъ. Когда теорія вышла изъ рукъ Милля, она имѣла большую часть существеннѣйшихъ деталей законченнаго рисунка, и задача позднѣйшихъ писателей, какъ напр., Джевонса и Кернса, состояла, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы рѣзче подчеркнуть нѣкоторыя изъ этихъ деталей. Новѣйшій трактатъ по этому вопросу, появившійся въ Англіи[1]), можно охарактеризовать какъ попытку возстановить должную пропорцію между этими деталями и создать гармоническую и цѣльную картину.

На обѣихъ сторонахъ обмѣна находятся, такимъ образомъ, люди и находятся товары; и, съ одной точки зрѣнія, каждое изъ выступающихъ въ обмѣнѣ лицъ является покупателемъ, а съ другой—каждый изъ нихъ продавецъ. Каждый покупаетъ продукты другой стороны и продаетъ свои собственные., Но, чтобы избѣжать неудобства, актъ обмѣна совершается обыкновенно черезъ посредство денегъ; сходнымъ образомъ и для экономической теоріи легче разсматривать сдѣлку въ каждый данный моментъ лишь съ одной стороны. Точно также терминъ «цѣнность» удобнѣе замѣнить терминомъ «цѣна», подъ которой, какъ указываетъ Милль, разумѣется «цѣнность предмета относительно денегъ», и разсматривать сторону, предлагающую деньги, какъ «покупателя», а сторону, предлагающую товары, какъ «продавца».

Теорія цѣнности предполагаетъ, что обмѣнъ совершается свободно, и что на обѣихъ сторонахъ дѣйствуетъ конкуренція; и съ тѣхъ поръ, какъ Милль написалъ свою книгу, терминъ «рынокъ» былъ точнѣе опредѣленъ Джевонсомъ. Этотъ терминъ необходимо обозначаетъ не отдѣльную мѣстность, а область охватывающую, быть можетъ, громадную страну, гдѣ какъ для цѣлыхъ промысловъ, такъ и для отдѣльныхъ товаровъ дѣйствуетъ ничѣмъ не стѣсняемая конкуренція, гдѣ сообщеніе легко и быстро, всѣ продавцы знаютъ условія, на которыхъ другіе продавцы продаютъ, и всѣ покупатели знаютъ условія, на которыхъ другіе покупатели покупаютъ. Рынокъ въ экономическомъ смыслѣ—сфера, въ предѣлахъ которой для одного и того же товара одинаковаго качества существуетъ лишь одна цѣна. Свободное дѣйствіе неограниченной конкуренціи, предполагаемое этимъ опредѣленіемъ, было въ болѣе отчетливой формѣ выдвинуто послѣдующими за Миллемъ писателями.

На такомъ рынкѣ, предполагается далѣе, должна существовать *нормальная* или *естественная* цѣна, на уровнѣ которой конкуренція покупателя съ покупателемъ и продавца съ продавцомъ стремится остановить и покупателя и продавца. Отъ этой цѣны могутъ быть временныя укло-

[1]) Marshall's Principles of Economics.

ненія, но, пока дѣйствуетъ конкуренція, эта цѣна является центромъ, къ которому стремятся уклоненія. Теорія цѣнности и состоитъ, по мнѣнію Милля, въ изслѣдованіи вліяній, воздѣйствующихъ на эту *нормальную* цѣну; но послѣдующее развитіе науки пыталось точнѣе, чѣмъ это дѣлалъ Милль, отдѣлить временную или *рыночную* цѣну отъ *нормальной* или естественной цѣны; оно выяснило также взаимное вліяніе, которое они оказываютъ другъ на друга.

Вліянія, воздѣйствующія на *нормальную* цѣну, могутъ разсматриваться со стороны продавца и со стороны покупателей; и, чтобы создать полную теорію цѣнности, мы должны эти результаты, полученные отдѣльно, соединить вмѣстѣ. Позднѣйшіе экономисты стремились показать выгоды такого раздѣленія изслѣдованія и подчеркивали взаимную зависимость вліяній, дѣйствующихъ на каждой сторонѣ. Они также больше, чѣмъ Милль, обращали вниманія на вліянія, дѣйствующія со стороны покупателей, ибо, подобно своимъ предшественникамъ, Милль былъ занятъ, главнымъ образомъ, изслѣдованіемъ мотивовъ, опредѣляющихъ дѣйствія продавцовъ.

Очевидно, что *продавцы* не будутъ производить въ убытокъ себѣ. Они будутъ стремиться реализовать такую цѣну, которая, по крайней мѣрѣ, покрыла бы издержки, сдѣланныя ими, чтобы поставить на рынокъ продукты. Лично каждый изъ нихъ будетъ, правда, стараться получить возможно болѣе высокую цѣну. Но, если бы кто-нибудь изъ нихъ попытался реализовать эту болѣе высокую цѣну, то, при дѣйствіи кункуренціи, его соперники, чтобы обезпечить за собой болѣе обширный сбытъ, предложили бы товаръ по низшей, чѣмъ онъ, цѣнѣ. Онъ былъ бы принужденъ понизить свою цѣну до ихъ уровня, и это, вообще говоря, была бы наинизшая цѣна, позволяющая работать безъ убытка, Если бы эта цѣна была болѣе высокой, то въ виду относительныхъ выгодъ, доставляемыхъ даннымъ производствомъ, сюда пришелъ бы новый капиталъ и трудъ, и въ своемъ стремленіи обезпечить за собой болѣе обширный сбытъ новые производители предлагали бы товаръ по все низшей цѣнѣ, пока не достигли бы предѣльнаго уровня, допускающаго безубыточное производство. Вѣдь предполагаемая теоріей конкуренція дѣйствуетъ не только среди продавцевъ, но и среди производителей, и Кернсъ, особенно настаивавшій на этомъ различеніи, назвалъ эти различные виды соперничества *торговой* и *промышленной* конкуренціей. *Нормальная* цѣна есть, слѣдовательно, такая цѣна, которая окупаетъ *стоимость производства*. Она не можетъ быть на продолжительное время ниже этого уровня, ибо тогда производители перестали бы изготовлять товары; но, съ другой стороны, она не можетъ быть и выше, ибо тогда новые конкуренты вложили бы въ данное производство свои капиталы.

Позднѣйшіе экономисты нашли болѣе удобнымъ замѣнить употребляемое Миллемъ выраженіе «стоимость производства» терминомъ «издержки производства»; выгодность этой замѣны становится ясной, если проанализировать эти выраженія. Терминъ «издержки производства» обозначаетъ такое вознагражденіе за затрату труда и за воздержаніе (полное или временное) отъ личнаго потребленія капитала, необходимаго для производства данныхъ продуктовъ, которое считается «нормальнымъ». Сюда входитъ «заработная плата» и «прибыль», уплачиваемыя рабочимъ и предпринимателямъ и капиталистамъ, участвовавшимъ въ производствѣ данныхъ продуктовъ въ такомъ размѣрѣ, что будь они (заработная плата, прибыль) ниже, то часть предпринимателей и капиталистовъ оставили бы это производство и стали бы искать въ какомъ-либо другомъ промыслѣ болѣе выгоднаго приложенія для своего труда и капитала, и наоборотъ, будь они выше, то нѣкоторые рабочіе и нѣкоторые предприниматели и капита-

листы, оставивъ какой-либо менѣе выгодный промыселъ, стали бы здѣсь искать занятія себѣ. Терминъ «прибыль» включаетъ прибыль самого производителя, равно какъ и всѣхъ тѣхъ, кто такъ или иначе участвовалъ въ производствѣ даннаго продукта. Терминъ «заработная плата» употребляется въ аналогичномъ широкомъ смыслѣ. «Издержки производства», которыя должна окупить «нормальная» цѣна, охватываютъ также и всѣ случайные расходы, какъ, напр., налоги и т. под. Не слѣдуетъ далѣе забывать, что одного ожиданія конкурренціи со стороны часто бываетъ достаточно, чтобы понизить цѣну. Нѣтъ вовсе необходимости, чтобы свѣжій капиталъ и трудъ были въ дѣйствительности вложены въ данное производство; достаточно, чтобы производители знали, что это можетъ имѣть мѣсто.

До сихъ поръ сдѣланный Миллемъ анализъ того, что онъ называетъ «стоимостью производства», находится въ полномъ согласіи съ только что изложенымъ нами ученіемъ, хотя Милль и не проводилъ яснаго различія между предпринимателемъ и капиталистомъ (оно было выдвинуто уже впослѣдствіи американскимъ экономистомъ, президентомъ Іокеромъ) и не подчеркивалъ различнаго значенія составныхъ частей того, что обыкновенно разумѣется подъ словомъ «прибыль». По онъ, повидимому, пользовался терминомъ «стоимость производства» въ двоякомъ смыслѣ. Иногда этотъ терминъ обозначаетъ денежную заработную плату и прибыль различныхъ видовъ промысловой дѣятельности, иногда же ту дѣйствительную затрату труда и то полное или временное воздержаніе отъ потребленія капитала, для которыхъ эта заработная плата и прибыль являются лишь денежнымъ вознагражденіемъ. Позднѣйшая наука ясно различаетъ два значенія; и терминъ «издержки производства» былъ условно принятъ для перваго значенія, «стоимость» же «производства»—для второго. Эта поправка въ терминологіи внесена въ значительной степени подъ вліяніемъ Кернса, указывавшаго, что, если *промышленная* конкурренція осуществляется не въ полной мѣрѣ, то заработная плата и прибыль въ различныхъ производствахъ могутъ и не представлять собою эквивалентнаго вознагражденія за затраченный трудъ и за полное или временное воздержаніе капиталиста отъ личнаго потребленія [1]). Иначе рабочіе могутъ получать больше, а иные капиталисты меньше, чѣмъ другіе, въ вознагражденіе за такой же точно трудъ и такое же точно воздержаніе. Могутъ быть *не конкурирующія группы* производителей, среди которыхъ конкурренція дѣйствуетъ съ полной силой, а трудъ не движется вполнѣ свободно, переходя отъ менѣе выгоднаго къ болѣе выгодному занятію.

Съ этой точки зрѣнія, Кернсъ, слѣдуя, повидимому, безсознательно по стопамъ Милля, уже отмѣтившаго этотъ фактъ, разбилъ приблизительно промышленное общество на четыре основныя группы, по послѣдующіе изслѣдователи показали, что удобнѣе сравнивать такое общество съ лѣстницей со многими ступенями. Могутъ быть различныя промышленныя группы и подраздѣленія этихъ группъ, и въ каждой группѣ трудъ можетъ двигаться сравнительно свободно между подраздѣленіями, но не между самими группами. Свободныя профессіи могутъ въ практическихъ цѣляхъ быть выдѣлены въ особую группу, съ которой—кромѣ совершенно исключительныхъ случаевъ — обученные рабочіе не конкурируютъ. Рабочіе не могутъ вступить въ эти профессіи, если бы даже и хотѣли: у нихъ нѣтъ для этого нужнаго воспитанія и соціальнаго положенія. Едва ли, далѣе можно сомнѣваться, что одна изъ наиболѣе трудныхъ для перехода соціальныхъ перегородокъ та, которая отдѣляетъ въ современномъ обществѣ

---

[1]) Кернсъ не проводилъ различія между предпринимателями и капиталистами.

обученнаго ремесленника отъ необученнаго рабочаго. И сходнымъ образомъ, хотя этотъ пунктъ и не былъ отмѣченъ ни Кернсомъ ни Миллемъ, не различавшими функцій предпринимателя, какъ такового, и функцій капиталиста, крупные предприниматели-капиталисты могутъ обладать извѣстными преимуществами передъ своими мелкими соперниками, которыхъ еще не задавила конкуренція. Трудъ по управленію болѣе значительными суммами капитала не возрастаетъ пропорціонально возрастанію самого капитала; а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ говоритъ проф. Сидгвикъ [1]), обыкновенно принимаютъ, что отдѣльныя части прибыли увеличиваются и уменьшаются одинаковымъ одна съ другой образомъ, и *заработокъ по завѣдыванію предпріятіемъ*, т. е. вознагражденіе предпринимается, какъ такового, мѣняется, съ измѣненіемъ размѣра вложеннаго въ дѣло капитала и получаемаго *процента*.

Въ этихъ случаяхъ, когда конкуренція недостаточно сильна, чтобы устранить или перешагнуть черезъ барьеры, отдѣляющіе различныя *группы*, дѣйствительная *стоимость производства* можетъ отличаться отъ того, что нынѣ обозначается терминомъ «издержки производства». По и здѣсь, какъ раньше для *цѣны*, нужно воспользоваться для сравненія деньгами. Невозможно сравнивать прямо одинъ трудъ съ другимъ или воздержаніе съ воздержаніемъ: ихъ можно сравнить лишь косвеннымъ образомъ черезъ посредство денежнаго вознагражденія, которое они обыкновенно обезпечиваютъ. Поэтому, нормальная цѣна продукта, говорятъ теперь, представляетъ *нормальные издержки его производства*.

Терминъ «издержки производства» требуетъ однако дальнѣйшаго анализа; ибо условія и обстановка производства могутъ мѣняться для различныхъ продуктовъ. Могутъ быть такіе товары, издержки производства которыхъ *не мѣняются въ зависимости отъ количества произведенныхъ продуктовъ*. Трудно назвать какой-либо отдѣльный продуктъ, относящійся къ этому разряду, и сдѣланное Миллемъ описаніе условій ихъ производства недостаточно ясно. Но, безъ сомнѣнія, существуютъ продукты, принадлежащіе къ двумъ другимъ классамъ, которые различаетъ Милль. Бываютъ *рѣдкіе предметы*, какъ, напр., картины великихъ художниковъ или нѣкоторыя книги, имѣющіяся въ ограниченномъ; количествѣ бываютъ и другіе, напр. *земледѣльческіе продукты*, которые за извѣстнымъ предѣломъ, благодаря дѣйствію закона убывающаго плодородія, могутъ быть произведены въ возрастающемъ количествѣ лишь съ *затратами, возрастающими относительно быстрѣй*. Существуетъ еще, наконецъ, разрядъ товаровъ, о которомъ Милль, быть можетъ, долженъ былъ бы упомянуть прежде всего. Онъ состоитъ изъ продуктовъ,—таковы, напр., промышленныя издѣлія—, увеличенное производство которыхъ означаетъ *уменьшеніе затратъ на единицу продукта*: при увеличеніи производства можетъ быть примѣнено въ болѣе значительныхъ размѣрахъ раздѣленіе труда, могутъ быть достигнуты и различныя сбереженія.

Въ двухъ послѣднихъ случаяхъ *издержками производства*, опредѣляющими *нормальную* цѣну, будутъ издержки производства той части потребнаго продукта, которая произведена съ наибольшими затратами. Если бы это было не такъ, часть производителей не покрыла бы своихъ расходовъ и была бы принуждена оставить производство. Такимъ образомъ, въ этихъ двухъ случаяхъ, охватывающихъ большинство продуктовъ, увеличеніе производства означаетъ съ точки зрѣнія продавца въ первомъ случаѣ болѣе высокую, а во второмъ болѣе низкую цѣну, и, vice versa, уменьшеніе производства означаетъ въ первомъ болѣе низкую, а во второмъ

[1]) Sidgwick, Principle of Political, Economy, Bk. II, § 8.

болѣе высокую цѣну. И прежде, чѣмъ опредѣлить эти «предѣльныя издержки», какъ мы можемъ назвать ихъ, или издержки на той *границѣ* производства, на которой нормальная цѣна можетъ еще ихъ окупить,—мы должны знать количество продукта, на которое существуетъ спросъ. Мы принуждены изучить обстоятельства, вліяющія на *спросъ*, и изслѣдовать вопросъ со стороны *покупателя*.

Въ этомъ послѣднемъ направленіи дальнѣйшее развитіе теоріи сдѣлало наибольшіе успѣхи, и Милль, повидимому, недостаточно оцѣнивалъ вліяніе спроса на предложеніе. Онъ сознавалъ, что главное условіе, чтобы создался спросъ на какой-либо продуктъ, это—то, что продуктъ этотъ обладаетъ какою-либо *полезностью*, приводитъ къ какой-либо цѣли или удовлетворяетъ какую—либо потребность. Если бы, правда, его можно было пріобрѣтать даромъ, и производство не было бы сопряжено ни съ какими издержками, то никто, конечно, ничего и не далъ бы за него. Но, предполагая далѣе, что производство его чего-нибудь стоитъ, и что пріобрѣтеніе его представляетъ нѣкоторое затрудненіе, все же необходимо, чтобы оно обладало нѣкоторой полезностью. Въ соотвѣтствіи съ этой полезностью измѣняется и спросъ, ибо, чѣмъ бо́льше полезность продукта, тѣмъ больше его и спрашиваютъ, и чѣмъ меньше полезность, тѣмъ меньше и спрашиваютъ. Покупатели дадутъ больше за то, въ чемъ они нуждаются, и меньше за то, въ чемъ не нуждаются.

Общій законъ, регулирующій спросъ, былъ извѣстенъ Миллю; но послѣдующими писателями онъ былъ установленъ съ большею точностью и развитъ болѣе полно. Онъ гласитъ: чѣмъ большимъ количествомъ данныхъ продуктовъ обладаетъ человѣкъ, тѣмъ меньшей полезностью будетъ, вѣроятно, обладать для него всякое добавочное количество ихъ, тѣмъ меньше онъ будетъ готовъ дать другихъ продуктовъ въ обмѣнъ на него; и, слѣдовательно, чѣмъ больше какихъ-либо продуктовъ, тѣмъ ниже—съ точки зрѣнія покупателя—должна быть ихъ цѣна. Чтобы иллюстрировать эту очевидную склонность человѣческой природы, Джевонсъ ввелъ выраженіе: «конечная полезность», замѣненное новѣйшими писателями [1]) другимъ терминомъ—«предѣльная полезность». Подъ «конечной» или «предѣльной полезностью» какого-либо продукта разумѣется полезность его, измѣряемая полезностью какъ разъ той послѣдней части его, за которую покупатель готовъ скорѣе заплатить требуемую цѣну, чѣмъ уйти безъ нея. Если цѣна будетъ хотя немного выше, покупатель предпочтетъ не пріобрѣтать этой послѣдней части; а, если она будетъ нѣсколько ниже, онъ купитъ немного больше. Весь купленный продуктъ представляетъ для покупателя извѣстную цѣнность или полезность; ее Милль называетъ «потребительной цѣнностью». Она обозначаетъ всю ту сумму удовлетворенія, которая проистекаетъ изъ потребленія продукта, или, другими словами, *всю его полезность*. Но послѣдняя часть продукта имѣетъ особую цѣнность, которой опредѣляется конечная или предѣльная полезность или, какъ выразился бы Милль, *мѣновая цѣнность* продукта. Предѣльная полезность опредѣляетъ нормальную цѣну со стороны покупателя.

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія продавцевъ, *нормальная цѣна* представляетъ издержки производства, а эти послѣднія въ большинствѣ случаевъ мѣняются вмѣстѣ съ количествомъ продуктовъ. Съ точки зрѣнія покупателей, она представляетъ *конечную* или *предѣльную полезность*, которая мѣняется вмѣстѣ съ предложеніемъ. Такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ спросъ и предложеніе взаимно опредѣляютъ другъ друга, и Милль, повидимому, недостаточно ясно сознавалъ эту взаимную зависи-

[1]) Проф. Маршалль въ его «Principles of Economics».

мость. Имѣются, однако, случаи, когда такого взаимного опредѣленія не наблюдается.

Если «издержки производства» какого-либо товара неизмѣнны въ томъ смыслѣ, что даннаго товара уже нельзя больше произвести, то его цѣна будетъ опредѣляться скорѣе съ точки зрѣнія покупателей, чѣмъ съ точки зрѣнія продавца, скорѣе вліяніями, дѣйствующими на спросъ, чѣмъ вліяніями, дѣйствующими на предложеніе. Продавцы, въ самомъ дѣлѣ, не согласятся получить меньше, чѣмъ необходимо, чтобы покрыть ихъ «издержки производства»; но, такъ какъ появленіе новыхъ конкурентовъ съ ихъ стороны устранено, они могутъ получить значительно большую цѣну. Цѣна продукта будетъ зависѣть отъ *конечной или предѣльной полезности* его для покупателей. Они не перейдутъ этого уровня, но конкуренція можетъ заставить ихъ подняться до него. Ихъ можно заставить заплатить столько, сколько они готовы дать скорѣе, чѣмъ остаться безъ продукта. Такъ обстоитъ дѣло относительно *рѣдкихъ предметовъ*, каковы, напр., картины, скульптура, старыя книги; и разсужденія Милля относительно этого разряда предметовъ могутъ быть признаны вполнѣ правильными, хотя позднѣйшіе писатели имѣютъ по сравненію съ нимъ преимущество болѣе точной терминологіи и болѣе детальнаго анализа.

Если, далѣе, *издержки производства* продукта фиксированы въ томъ смыслѣ, что каждое добавочное количество его можетъ быть произведено при *неизмѣняющихся затратахъ на единицу его*, то цѣна опредѣляется со стороны предложенія, и все, что можетъ сдѣлать спросъ, это установить размѣры производства. Пока свободно и въ полной мѣрѣ дѣйствуетъ конкуренція, цѣна не можетъ подняться выше или упасть ниже *издержекъ производства*. Этому разряду продуктовъ Милль удѣлилъ очень много мѣста въ своемъ изложеніи; и здѣсь, быть можетъ, кроется причина того, что онъ слишкомъ исключительно поддерживалъ вліяніе «стоимости производства» на нормальную цѣну. Въ цѣляхъ теоретической полноты этотъ разрядъ долженъ быть разсмотрѣнъ, но на практикѣ трудно выдѣлить относящіеся къ нему продукты. Ошибка Милля заключается, повидимому, въ томъ, что при построеніи своей теоріи цѣнности онъ не принялъ во вниманіе разобранныхъ имъ въ другомъ мѣстѣ выгодъ, которыя сопровождаютъ возрастаніе производства въ сферѣ обрабатывающей промышленности.

Наиболѣе обширные разряды продуктовъ это, вѣроятно, тѣ, въ которыхъ *издержки производства на единицу уменьшаются или возрастаютъ съ увеличеніемъ количества производимыхъ продуктовъ*, и къ первому изъ этихъ разрядовъ должны бы быть, по существу своему, отнесены, тѣ *промышленныя издѣлія*, которыя Милль помѣстилъ въ только что разсмотрѣнный нами разрядъ. Второй изъ этихъ разрядовъ включаетъ въ себя *земледѣльческіе продукты*. И въ томъ и въ другомъ случаѣ *нормальная* цѣна является результатомъ взаимодѣйствія спроса и предложенія. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, съ точки зрѣнія покупателя, дѣйствуетъ законъ спроса, и чѣмъ больше будетъ масса продуктовъ, предлагаемыхъ для продажи, тѣмъ меньше будетъ *конечная или предѣльная полезность*, и тѣмъ ниже цѣна; и, наоборотъ, чѣмъ меньше количество предназначенныхъ для продажи продуктовъ, тѣмъ больше ихъ *конечная или предѣльная полезность*, и тѣмъ выше цѣна. Однако, вопросъ оказывается болѣе сложнымъ, если разсматривать его съ точки зрѣнія продавцевъ. *Для промышленныхъ издѣлій издержки производства на единицу* уменьшаются съ возрастаніемъ производства; поэтому, чѣмъ больше количество, на которое существуетъ спросъ, тѣмъ ниже должна быть цѣна, по которой отдѣльный продуктъ можетъ быть предложенъ на продажу, и, наоборотъ, чѣмъ меньше

требуемое количество, тѣмъ выше должно быть цѣна. Для *земледѣльческихъ продуктовъ* условія производства создаютъ противоположную тенденцію и соотвѣтственно этому измѣняются окончательныя условія продажи. Въ обоихъ случаяхъ поэтому должны быть принимаемы въ разсчетъ различныя соображенія, и положительно можно лишь сказать, что «нормальная цѣна» должна быть такова, чтобы привести спросъ въ соотвѣтствіе съ производствомъ, могущимъ развиваться при этой цѣнѣ.

Эта «нормальная цѣна» однако можетъ измѣняться въ связи съ количествомъ поставляемыхъ продуктовъ, равно какъ и съ количествомъ требуемыхъ. При болѣе высокой цѣнѣ количество продуктовъ, на которое существуетъ спросъ, можетъ уменьшиться, ибо ихъ *конечная или предѣльная полезность* понизится; но если эти продукты принадлежатъ къ разряду «промышленныхъ издѣлій», то издержки производства ихъ могутъ быть таковы, что съ сокращеніемъ производства дѣлаютъ для нихъ необходимой болѣе высокую цѣну, и, такимъ образомъ, новая цѣна можетъ представлять, подобно старой, *предѣльныя издержки производства* для продавцевъ и *предѣльную или конечную полезность* продукта для покупателей. При низкой цѣнѣ опять-таки покупатели быть можетъ захотятъ купить большее количество продуктовъ и это расширеніе спроса можетъ допустить сокращеніе *издержекъ производства на единицу*, ибо благодаря ему сдѣлается возможнымъ раздѣленіе труда со всѣми его выгодными послѣдствіями. И здѣсь цѣна опять-таки можетъ представлять *предѣльныя издержки производства* для продавцевъ и предѣльную или конечную полезность продукта для покупателей. Но это будетъ уже цѣна, отличная отъ реализованной прежде, хотя подобно ей она будетъ «нормальной». Новѣйшіе экономисты установили болѣе точнымъ образомъ, чѣмъ сдѣлалъ это Милль, различіе между подобнымъ *расширеніемъ* спроса, являющимся результатомъ пониженія цѣны и *возрастаніемъ* спроса, свидѣтельствующимъ объ увеличеніи спроса на продуктъ при неизмѣнномъ уровнѣ цѣнъ. Милль не устанавливалъ этого различія достаточно ясно и не подчеркивалъ возможности двухъ и болѣе нормальныхъ цѣнъ; но онъ, повидимому, сознавалъ это различіе и въ своемъ изложеніи международной цѣнности опредѣленно призналъ эту возможность. Работа позднѣйшихъ экономистовъ состояла часто въ томъ, чтобы изложить ясно, что въ скрытой формѣ уже содержалось въ его сочиненіи.

Однако многое изъ сдѣланнаго этими экономистами имѣетъ существенное значеніе; они помогли закончить то, что Милль лишь началъ. Миллю не удалось гармонично развить теорію цѣнности во всѣхъ ея разнообразныхъ приложеніяхъ. Онъ заложилъ лишь основанія ея и въ общемъ заложилъ ихъ правильно и хорошо; но онъ не закончилъ всей надстройки. Его работа имѣетъ переходный характеръ.

Такъ напр., Милль признавалъ существованіе *рыночныхъ* цѣнностей, на которыя вліяютъ временныя и случайныя обстоятельства; и онъ выставилъ поучительное сравненіе между цѣнностью и моремъ: «поверхность моря всегда волнуется, надъ ней проносятся иногда бури, и тѣмъ не менѣе море всегда стремится къ одному уровню, но никогда не можетъ остановиться на опредѣленномъ уровнѣ». Такъ и цѣнность. Но Милль не показалъ—это было сдѣлано позднѣйшими изслѣдователями—взаимодѣйствія между рыночными и нормальными цѣнностями. Они различаются, главнымъ образомъ, по сравнительной длинѣ періодовъ времени, на которые распростираются; но исходнымъ пунктомъ изслѣдованія и въ томъ и въ другомъ случаѣ должно быть взаимодѣйствіе *спроса и предложенія* и, лишь анализируя предложеніе, мы можемъ дойти до «стоимости производства», которой Милль въ своемъ изложеніи отводитъ столь видное мѣсто

въ качествѣ опредѣляющей причины «нормальной цѣнности». Но онъ недостаточно хорошо показалъ, какое вліяніе оказываетъ спросъ, законъ котораго сходенъ и для «рыночной» и для «нормальной» цѣнности.

Далѣе, Милль не вполнѣ сознавалъ степень связи между теоріями цѣнности для товаровъ, обращающихся на «тузсмномъ» и на «международномъ» рынкѣ. Обѣ эти теоріи онъ излагаетъ отдѣльно, а между тѣмъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ должно имѣть мѣсто взаимодѣйствіе спроса и предложенія, и съ анализа его и должно начинаться изслѣдованіе. Націи, поскольку для нихъ переходъ труда отъ менѣе выгоднаго къ болѣе выгодному занятію встрѣчаетъ нѣкоторыя ограниченія, представляютъ собой рѣзко выраженный примѣръ «неконкурирующихъ группъ»; но капиталъ съ каждымъ годомъ обнаруживаетъ все большую и большую готовность эмигрировать изъ одной страны въ другую, а съ другой стороны идея «неконкурирующихъ группъ» не совсѣмъ чужда и для рынковъ, не выходящихъ за географическія границы отдѣльной страны. Позднѣйшіе изслѣдователи стремились показать сходство этихъ двухъ теорій и открыть дѣйствіе сходныхъ законовъ въ обоихъ случаяхъ, хотя частныя условія приложенія ихъ могутъ различаться и *стоимость доставки на рынокъ* представлять собой въ международной торговлѣ болѣе важный элементъ, чѣмъ во внутренней.

Наконецъ, въ третьихъ, Милль не приложилъ своей теоріи къ обмѣну личнаго труда. Онъ шагъ за шагомъ расширялъ ея сферу ея примѣненія другихъ продуктовъ на деньги, а съ денегъ во внутренней торговлѣ на деньги, какъ факторъ международнаго обмѣна; и развитіе теоріи, которое онъ такимъ образомъ далъ въ своей третьей книгѣ, было удивительно систематично. Равнымъ образомъ и разбросанныя здѣсь отдѣльныя замѣчанія о заработной платѣ и прибыли не даютъ повода для серьезной критики; но свою теорію распредѣленія, изложенную имъ во второй книгѣ, онъ никогда не привелъ въ соотвѣтствіе съ теоріей цѣнности. Послѣдующіе экономисты сдѣлали этотъ важный шагъ и показали, какъ теорія цѣнности прилагается къ опредѣленію процента, прибыли и заработной платы, точно такъ же, какъ и цѣнъ. Условія, на которыхъ капиталисты готовы обмѣнивать свой капиталъ на трудъ предпринимателей и рабочихъ, и условія, на которыхъ предприниматели и рабочіе готовы обмѣнивать свой трудъ въ производствѣ богатства на услуги другихъ, опредѣляются вліяніями, дѣйствующими на спросъ и предложеніе. Существуютъ рыночные размѣры процента, прибыли и заработной платы, опредѣляемые преходящими и случайными причинами и простирающіеся на сравнительно короткіе періоды времени; и существуютъ «нормальные» размѣры, къ которымъ эти рыночные размѣры, если взять продолжительный періодъ, стремятся приблизиться.

Капиталистъ, ссужая свой капиталъ, не можетъ получить большаго процента, чѣмъ тотъ, который представляетъ «предѣльную полезность» его капитала для лица, занимающаго этотъ капиталъ; равнымъ образомъ, если взять продолжительный періодъ, капиталистъ не можетъ довольствоваться болѣе низкимъ уровнемъ, чѣмъ тотъ, который вознаградитъ его за временное воздержаніе отъ потребленія капитала, связанное съ его аккумуляціей. Обученный рабочій, если брать продолжительный періодъ, будетъ стремиться обезпечить за свой трудъ заработную плату, которая оплатила бы «издержки производства» его спеціальнаго искусства, т. е. издержки по его воспитанію и обученію, и если это стремленіе не увѣнчается успѣхомъ, то съ теченіемъ времени предложеніе искусныхъ рабочихъ уменьшится. Но съ своей стороны и предприниматель не захочетъ платить болѣе высокой заработной платы, чѣмъ та, которая представляетъ для него «предѣльную полезность» труда рабочаго, и позиція рабочихъ и капиталистовъ

относительно вознагражденія за его трудъ по завѣдыванію предпріятіемъ будетъ сходной. И далѣе, чѣмъ меньше предложеніе даннаго труда и чѣмъ больше его полезность, тѣмъ большее вознагражденіе онъ будетъ стремиться обезпечить себѣ; и, наоборотъ, чѣмъ меньше его полезность и чѣмъ обильнѣе предложеніе, тѣмъ ниже будетъ оплата.

«Нормальная цѣна» личнаго труда опредѣляется, такимъ образомъ, какъ и цѣна всѣхъ товаровъ, взаимодѣйствіемъ спроса и предложенія; и среди вліяній, воздѣйствующихъ на предложеніе, «издержки производства» занимаютъ первенствующее положеніе. Быть можетъ важнѣйшій недостатокъ положенія Милля состоитъ въ томъ, что онъ не сознавалъ этого; во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ забывать того обстоятельства (Милль особенно подчеркиваетъ его и посвящаетъ ему самостоятельное изслѣдованіе), что въ обмѣнѣ личнаго труда дѣйствуютъ элементы, связанные съ человѣческими чувствами и страстями, которые не входятъ въ обмѣнъ неодушевленныхъ предметовъ.

Выдержки изъ труда Джона Стюарта Милля „Начала политической экономіи".

1. Неподвижное состояніе.

...Куда мы идемъ? Какова конечная цѣль промышленнаго прогресса общества? Каково будетъ положеніе человѣчества въ тотъ моментъ, когда этотъ прогрессъ прекратится?

Политико-экономы болѣе или менѣе ясно сознавали, что возрастаніе богатства не безгранично, что такъ называемое прогрессивное состояніе уступитъ мѣсто неподвижному состоянію, что каждый прогрессъ богатства только на время отсрачиваетъ это состояніе, и что каждый шагъ впередъ приближаетъ насъ къ нему... Эта невозможность избѣжать неподвижнаго состоянія, перспектива того, что потокъ человѣческой промышленности—вольется, въ концѣ-концовъ, въ неподвижное море, должна была казаться экономистамъ двухъ послѣднихъ поколѣній мало утѣшительной; въ своихъ сочиненіяхъ они приписывали одному только прогрессивному состоянію все то, что имъ казалось хорошимъ съ экономической точки зрѣнія [1]).

...Что касается меня, то я не питаю къ неподвижному состоянію капиталовъ и богатства того скрытаго отвращенія, какимъ проникнуты сочиненія экономистовъ старой школы. Мнѣ кажется, что оно значительно лучше нашего современнаго положенія. Признаюсь, я не сторонникъ того жизненнаго идеала, преподносимаго намъ тѣми, кто считаетъ нормальнымъ состояніемъ человѣка постоянную борьбу, положеніе, при которомъ каждый топчетъ другъ друга ногами, расталкиваетъ, тѣснитъ и давитъ; эти писатели находятъ, что этотъ типъ современнаго общества является наиболѣе желательнымъ для человѣчества, тогда какъ онъ представляетъ собою только одну изъ неблагопріятныхъ фазъ промышленнаго прогресса... Конечно, пока богатство является силой, и всякій стремится стать возможно

[1]) Вотъ что говоритъ по этому поводу Адамъ Смитъ: „Положеніе бѣдныхъ рабочихъ, составляющихъ массу населенія, лучше всего при прогрессивномъ состояніи общества, когда общество успѣшно пріобрѣтаетъ богатства, а не тогда, когда оно достигло максимума богатства. *Ихъ положеніе тяжело въ періодъ неподвижнаго состоянія общества*; оно ужасно въ періодъ общественнаго упадка. *Прогрессивное состояніе* является періодомъ расцвѣта для всѣхъ классовъ общества; *неподвижное состояніе*—это *періодъ гнета и инертности*; а упадокъ—это періодъ тоски и болѣзней".

богаче, путь къ счастью долженъ быть открытъ всѣмъ безъ всякихъ ограниченій. Но лучшимъ состояніемъ человѣчества является то, въ которомъ никто не богатъ, никто не стремится стать богачемъ и никто не боится, что его оттолкнутъ другіе, стремящіеся проникнуть впередъ.

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что, пока лучшіе люди не успѣли дать болѣе хорошее воспитаніе другимъ людямъ, пусть энергія человѣчества возбуждается лучше борьбой за богатство (подобно тому, какъ раньше она возбуждалась войной); это будетъ лучше, чѣмъ если коснѣть и разлагаться. До тѣхъ поръ, пока люди грубы, имъ нужны грубыя возбужденія; ну и пусть они у нихъ будутъ. Но пока такія условія не измѣнились, можно понять психологію людей, не считающихъ эту ступень человѣческаго прогресса окончательнымъ типомъ и относящихся довольно холодно къ экономическому прогрессу, прогрессу производства и накопленія капиталовъ, которымъ такъ восхищаются наши дюжинные политики. Для обезпеченія національной независимости какой-либо страны необходимо, чтобы она въ этомъ отношеніи не отставала отъ сосѣднихъ странъ [1]).

Но прогрессъ производства и накопленія капитала самъ по себѣ имѣетъ мало значенія, пока ростъ населенія или какая-нибудь другая причина будетъ препятствовать массѣ населенія извлекать изъ него какую нибудь выгоду. Я не вижу, чѣмъ тутъ восхищаться, когда люди, достаточно состоятельные, стараются потреблять возможно больше предметовъ, которые не приносятъ имъ вовсе никакого или очень мало удовольствія, а служатъ только признакомъ богатства; я не вижу, чѣмъ тутъ восхищаться, когда огромное число лицъ средняго сословія ежегодно переходитъ въ высшее сословіе, или изъ класса занятыхъ дѣломъ богачей въ классъ богачей-дармоѣдовъ. Только въ отсталыхъ странахъ прогрессъ производства имѣетъ кое-какое значеніе; въ передовыхъ же странахъ главную роль играетъ лучшее распредѣленіе, необходимымъ средствомъ котораго должно служить воздержаніе отъ размноженія. Одни уравнивающія всѣхъ учрежденія не могутъ достигнуть этой цѣли; они могутъ понизить общественныя вершины, но они не смогли бы на долгое время поднять низы общества.

Если техника и возрастаніе капитала будутъ идти тѣмъ же темпомъ, какъ и раньше, то, безъ сомнѣнія, міръ и даже старыя страны будутъ достаточно просторны для очень большаго роста населенія. Но, сознаюсь, я не вижу особенной надобности желать этого роста населенія, хотя бы это и было совершенно безвредно. Страны, наиболѣе населенныя, уже достигли той степени густоты населенія, при которой люди могутъ лучше всего пользоваться выгодами совмѣстнаго труда и общественныхъ сношеній. Населеніе можетъ имѣть слишкомъ мало простора даже тогда, когда никто не будетъ нуждаться ни въ хлѣбѣ, ни въ одеждѣ. Постоянное, вынужденное сожительство съ другими людьми крайне неблагопріятно отражается на человѣкѣ; міръ, въ которомъ человѣкъ не могъ бы уединяться, кажется мнѣ очень жалкимъ. Уединеніе является необходимымъ условіемъ для развитія всякаго глубокаго ума и характера; уединеніе передъ лицомъ великихъ красотъ природы является колыбелью мыслей и стремленій, полезныхъ не только отдѣльному человѣку, но и всему обществу. Если бы въ мірѣ не было ничего оставлено естественнымъ силамъ природы, если бы въ немъ обрабатывалась всякая пядь земли, на которой могла бы расти пища для людей, если бы была вспахана вся земля, если бы всѣ не приученныя человѣкомъ четвероногія и птицы были уничтожены, какъ соперъ-

---

[1]) Милль далѣе говоритъ: „На національной независимости какой-нибудь страны крайне неблагопріятно можетъ отразиться тотъ фактъ, что она достигнетъ неподвижнаго состоянія въ то время, когда сосѣднія съ нею страны будутъ еще прогрессировать“

ники человѣка въ дѣлѣ пріисканія пищи, если бы были вырваны всѣ безполезныя деревья,—то міръ представлялъ бы очень жалкую картину; выросшій на пемъ кустъ или дикій цвѣтокъ былъ бы немедленно вырванъ съ корнемъ во имя прогресса земледѣлья. Если земля должна потерять большую часть своей привлекательности, которой она обязана вещамъ, обреченнымъ на гибель при постоянномъ ростѣ богатства и населенія, причемъ жизнь человѣка не дѣлается лучше или счастливѣе, то мнѣ кажется, что люди захотятъ остановиться въ неподвижномъ состояніи гораздо раньше, чѣмъ заставитъ ихъ неизбѣжная необходимость.

Врядъ ли надо упоминать о томъ, что неподвижное состояніе населенія и капитала вовсе не означаетъ остановку въ развитіи человѣчества. При неподвижномъ состояніи общества былъ бы, какъ и прежде, полный просторъ для всякаго рода нравственнаго и общественнаго прогресса; когда люди перестали бы стремиться къ достиженію однихъ только богатствъ, они могли бы сдѣлать свою жизнь болѣе пріятной и интересной. Даже техника могла бы развиваться такъ же дѣятельно и успѣшно, какъ и теперь, и выполняла бы свое дѣйствительное назначеніе—сокращеніе труда, тогда какъ теперь она служитъ только для увеличенія богатства. Весьма сомнительно, облегчили ли хоть одному человѣку его ежедневный трудъ всѣ тѣ механическія изобрѣтенія, которыя были сдѣланы человѣчествомъ. Они дали возможность, съ одной стороны, большему числу людей изнурять себя тяжкой работой, а съ другой—большему числу промышленниковъ пріобрѣтать себѣ огромныя состоянія: они улучшили удобства жизни среднихъ сословій, но они еще не приступили къ тѣмъ великимъ перемѣнамъ въ судьбахъ человѣчества, свершить которыя они призваны. Только тогда, когда человѣчество будетъ въ своихъ поступкахъ руководиться здравой предусмотрительностью, побѣды, одержанныя умомъ и энергіей великихъ изобрѣтателей надъ естественными силами природы, станутъ общественной собственностью человѣчества и средствомъ къ улучшенію жизни всѣхъ людей.

2. Замѣщеніе системы наемнаго труда ассоціаціей [1]).

Хотя поднятіе уровня образованія среди рабочихъ классовъ и справедливые законы могутъ повести къ болѣе правильному распредѣленію продуктовъ между всѣми классами, но, какъ мнѣ кажется, рабочій не удовольствуется навсегда своимъ положеніемъ наемнаго рабочаго, и поэтому онъ не видитъ въ настоящемъ положеніи вещей своего окончательнаго состоянія. Онъ можетъ согласиться на положеніе наемнаго слуги, чтобы стать хозяиномъ; но онъ ни въ коемъ случаѣ не хочетъ оставаться наемнымъ рабочимъ въ теченіе всей своей жизни. Въ новой странѣ, гдѣ богатство и населеніе быстро растутъ (какъ напримѣръ, въ Америкѣ или въ Австраліи) рабочій обыкновенно начинаетъ свою жизненную карьеру службою по найму, затѣмъ нѣкоторое время работаетъ самъ на себя, и, наконецъ, самъ нанимаетъ рабочихъ; но въ старой, густо населенной странѣ люди, вынужденные зарабатывать свой хлѣбъ въ качествѣ наемныхъ рабочихъ, остаются всю свою жизнь на этой ступени, или спускаются еще ниже, живя на средства общественной благотворительности. При современномъ общественномъ положеніи, когда идеи равенства распространяются все сильнѣе и сильнѣе въ рабочемъ классѣ и могутъ быть искоренены только полнѣйшей отмѣной свободы печати и слова, нельзя надѣяться, чтобы надолго удержалось раздѣленіе человѣчества на два наслѣдственныхъ класса

[1]) См. Джонъ Стюартъ Милль. «Начала политической экономіи». Книга IV гл. II. «О вѣроятной будущности трудящихся классовъ».

хозяевъ и ихъ рабочихъ. Такія отношенія непріятны какъ для того, кто платитъ заработную плату, такъ и для того, кто получаетъ ее. Если богачъ смотритъ на бѣдняка, какъ на человѣка, который по своей природѣ обязанъ служить ему, то бѣднякъ, въ свою очередь, смотритъ на богача, какъ на добычу, которую слѣдуетъ по возможности лучше использовать... Рано или поздно, но хозяева не вынесутъ этой совмѣстной жизни съ людьми, интересы и чувства которыхъ имъ совершенно враждебны. Хозяева, почти въ такой же степени, какъ и рабочіе, заинтересованы въ устройствѣ такихъ промышленныхъ предпріятій, при которыхъ люди, работающіе въ нихъ, проявляли бы къ дѣлу такой же интересъ, какъ если бы они работали на самихъ себя.

Но народъ, перешедшій въ промышленности и земледѣліи къ системѣ крупнаго производства, не обнаруживаетъ склонности вернуться къ старымъ способамъ производства; если размноженіе населенія не обгоняетъ роста средствъ существованія, то такой шагъ назадъ и не является желательнымъ. Вполнѣ ясно, что при системѣ крупнаго производства трудъ болѣе производителенъ; продуктъ получаемый при такихъ условіяхъ больше если не по своей абсолютной величинѣ, то по отношенію къ затраченному труду; то же самое число людей работаетъ тутъ менѣе напряженно и пользуется большимъ досугомъ; а это будетъ особенно выгодно съ того момента, когда цивилизація сдѣластъ такіе значительные успѣхи, что все, являющееся выгоднымъ для всего общества, будетъ въ то же время выгодно всѣмъ членамъ его... До настоящаго времени рабочій долженъ былъ или работать на самого себя, или на своего хозяина; но цивилизующее и благотворное вліяніе товарищества и успѣшность и экономность крупнаго производства могутъ быть достигнуты безъ раздѣленія производителей на двѣ партіи съ противоположными интересами и чувствами, какъ это имѣетъ мѣсто теперь, когда большое число рабочихъ подчинено одному, дающему средства къ работѣ, и заботится только о томъ, чтобы получить заработную плату съ наименьшей затратой труда... Если прогрессъ будетъ идти тѣмъ же темпомъ, какимъ онъ шелъ до сихъ поръ, то весьма возможно, что въ положеніи наемныхъ рабочихъ останутся только тѣ рабочіе, которые по своимъ нравственнымъ качествамъ не способны къ болѣе независимому положенію; отношеніе же между хозяиномъ и рабочимъ замѣнится товариществомъ, которое приметъ одну изъ слѣдующихъ двухъ формъ: въ однихъ случаяхъ можетъ возникнуть временная ассоціація хозяевъ и рабочихъ, въ другихъ,—а, весьма вѣроятно, въ концѣ концовъ и во всѣхъ—ассоціація между самими рабочими.

Первая изъ этихъ формъ имѣлась на лицо уже давно въ различныхъ отрасляхъ промышленности, но она была тамъ не общимъ правиломъ, а исключеніемъ; бываютъ случаи, когда каждый, кто поддерживаетъ предпріятіе своимъ трудомъ или капиталомъ, имѣетъ право на извѣстную долю прибыли, соотвѣтственно вносимой имъ цѣнности. Обычай вознаграждать служащихъ, пользующихся особымъ довѣріемъ хозяина, извѣстнымъ процентомъ съ дохода, получилъ уже довольно широкое распространеніе; эта система вознагражденія, примѣненная къ обыкновеннымъ рабочимъ, дала тоже хорошіе результаты.

На американскихъ корабляхъ, торгующихъ съ Китаемъ, установился обычай выплачивать каждому матросу извѣстный процентъ съ прибыли каждаго рейса; этимъ объясняютъ хорошее поведеніе матросовъ въ пути и ихъ рѣдкія столкновенія съ китайцами и китайскимъ правительствомъ. (Въ Англіи, въ Корнуэллскихъ рудникахъ введена та же система, которая дала хорошіе результаты).

Общественное вниманіе привлекъ къ себѣ опытъ этого рода, начатый

лѣтъ тридцать тому назадъ парижскимъ ремесленникомъ Леклеромъ [1]), который описалъ его въ брошюрѣ изданной въ 1842 году. Въ ней онъ говоритъ, что въ его предпріятіи было занято, въ среднемъ, двѣсти рабочихъ, которымъ онъ платилъ обычное жалованье. Себѣ самому, кромѣ процентовъ съ капитала, онъ назначилъ постоянное жалованье за свой трудъ и управленіе дѣломъ. Въ концѣ года остальная прибыль дѣлится между всѣми рабочими и хозяиномъ, пропорціонально жалованью, получаемому каждымъ изъ нихъ. Весьма интересны причины, заставившія Леклера перейти къ этой системѣ. Находя поведеніе своихъ рабочихъ не вполнѣ удовлетворительнымъ, онъ повысилъ сначала ихъ заработную плату и получилъ прекрасный результатъ: онъ пріобрѣлъ себѣ вѣрныхъ рабочихъ, которые не промѣняли бы его ни на какого другого хозяина. «Достигнувъ такимъ образомъ нѣкотораго рода устойчивости въ организаціи своего заведенія (я цитирую выдержку изъ брошюры), Леклеръ надѣялся, что онъ будетъ пользоваться большимъ спокойствіемъ. Но онъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. До тѣхъ поръ, пока онъ могъ лично входить во всѣ мелочи своего дѣла, онъ испытывалъ нѣкоторое удовлетвореніе; но съ того момента, когда, вслѣдствіе расширенія его предпріятія, оказалось, что онъ можетъ быть только центромъ, откуда исходятъ распоряженія и которому доставляются отчеты дѣла, его начали безпокоить прежнія заботы». Дурное поведеніе рабочихъ онъ считаетъ причиной постоянныхъ потерь. «Рабочіе относятся крайне безразлично къ интересамъ хозяина; они не дѣлаютъ даже и двухъ третей той работы, какую они были бы въ состояніи выполнить; этимъ объясняется безпокойная мнительность хозяевъ, которые думаютъ, что рабочіе составляютъ постоянные заговоры противъ нихъ, что рабочіе хотятъ раззорить тѣхъ, отъ которыхъ они получаютъ заработокъ. Если бы поденный рабочій былъ бы увѣренъ въ томъ, что онъ будетъ имѣть постоянно работу, то его положеніе, во многихъ отношеніяхъ было бы лучше, чѣмъ положеніе хозяина; онъ былъ бы убѣжденъ въ томъ, что, сколько бы онъ ни работалъ, онъ будетъ обезпеченъ ежедневной заработной платой. Онъ ничѣмъ не рискуетъ и работаетъ добросовѣстно, руководимый лишь чувствомъ долга. Хозяинъ, напротивъ, не увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ: онъ постоянно волнуется и безпокоится. Дѣло обстояло бы иначе, если бы интересы хозяина и интересы рабочаго были связаны между собою какими-нибудь узами взаимнаго обезпеченія, какъ напримѣръ, системой ежегоднаго распредѣленія прибыли».

...Въ сильныхъ выраженіяхъ Леклеръ описываетъ ту перемѣну къ лучшему, какая сказалась въ привычкахъ и поведеніи его рабочихъ не только во время работы и по отношеніи къ хозяину, но и въ другое время; рабочіе стали относиться съ большимъ уваженіемъ, какъ къ другимъ, такъ и къ самимъ себѣ... Какъ говорилъ самъ Леклеръ, усердіе рабочихъ далеко вознаграждаетъ его за ту долю прибыли, отъ которой онъ ранѣе отказался въ ихъ пользу. Въ 1857 году Вильоме (Nouveau traité d'économie politique) писалъ слѣдующее: «Несмотря на то, что Леклеръ и не прибѣгалъ къ разнымъ мошенничествамъ, которыя такъ прак-

---

[1]) М. Леклеръ (умеръ 14 іюля 1872 года) родился въ Бургони. Восемнадцати лѣтъ отъ роду онъ, безъ гроша денегъ, не зная никакого ремесла, пріѣзжаетъ въ Парижъ, гдѣ случайно становится ученикомъ маляра, затѣмъ маляромъ и, въ концѣ концовъ, маляромъ-подрядчикомъ. Прежде, чѣмъ ему удалось привести въ исполненіе задуманный имъ планъ товарищескаго предпріятія, доставившій ему чуть ли не европейскую извѣстность, ему пришлось бороться съ іюльскимъ правительствомъ. Префектъ полиціи отказалъ ему въ легализаціи его предпріятія, и онъ долженъ былъ тайно продолжать свое предпріятіе, являющееся наиболѣе либеральнымъ, наиболѣе демократическимъ и въ то же время наиболѣе филантропическимъ, какое только можно себѣ представить. *Прим. изд.*

тикуются въ его профессіи, онъ могъ всегда конкурировать со своими соперниками и нажилъ себѣ крупный капиталъ. Конечно, всѣмъ этимъ онъ обязанъ усердію своихъ рабочихъ и наблюденію рабочихъ другъ за другомъ; это съ успѣхомъ вознаградило его за его жертву, которую онъ принесъ, согласившись на уменьшеніе своихъ личныхъ доходовъ».

...Но, если человѣчество будетъ развиваться, то надо ожидать, что въ концѣ концовъ одержитъ верхъ не форма ассоціаціи капиталиста съ рабочими, которые не принимаютъ никакого участія въ управленіи дѣломъ, а форма ассоціацій самихъ рабочихъ, обладающихъ общимъ капиталомъ, съ которымъ они оперируютъ подъ управленіемъ завѣдующихъ, выбираемыхъ и смѣняемыхъ ими самими.

(Упомянувъ о томъ, что различныя ассоціаціи давали прекрасные результаты, какъ напримѣръ, ассоціація четырнадцати французскихъ рабочихъ, которые соединились въ 1879 году для открытія фабрики фортепіано, Джонъ Стюартъ Миль переходитъ къ описанію наиболѣе замѣчательной изъ всѣхъ этихъ ассоціаціи—къ Рочдэльскому обществу Equitable Pioners [1]).

Первоначальный капиталъ Рочдэльскаго общества состоялъ изъ 28 фунтовъ стерлинговъ (около 259 рублей) и былъ собранъ путемъ еженедѣльныхъ взносовъ по два пенса [2]) (впослѣдствіи по три пенса), которые платились приблизительно сорока рабочими. Съ этими деньгами они въ 1844 году открыли небольшой магазинъ предметовъ ежедневнаго обихода, удовлетворявшихъ жизненныя потребности ихъ собственныхъ семей. Ихъ честная дѣятельность увеличила количество покупателей и участниковъ предпріятія; они стали торговать различными предметами потребленія, и черезъ нѣсколько лѣтъ имъ удалось основать кооперативную мельницу. Вотъ что сообщаетъ Голіокъ о ростѣ ихъ ассоціаціи до 1857 года:

«Общество Equitable Pioneers имѣетъ семь отдѣленій: овощное, суконное, мясное, башмачное, отдѣленіе для приготовленія деревянныхъ башмаковъ, приготовленіе платья, оптовая продажа. Каждое отдѣленіе ведетъ отчетность и три раза въ годъ отдается общій отчетъ, показывающій положеніе дѣлъ общества.

«Овощное отдѣленіе было открыто въ 1844 году, и въ немъ производилась продажа только четырехъ предметовъ; въ настоящее время оно является овощной торговлей въ полномъ смыслѣ этого слова. Торговлю сукномъ начали вести въ 1847 году въ очень скромныхъ размѣрахъ. Въ 1854 году она стала самостоятельнымъ отдѣленіемъ. Годомъ раньше, въ 1846 году общество начало торговать мясомъ, покупая ежедневно отъ 80 до 100 фунтовъ у городского мясника. Затѣмъ мясное отдѣленіе было закрыто до 1850 года, когда общество устроило собственный магазинъ. Джонъ Мургаузъ, въ распоряженіи котораго имѣются теперь два помощника, покупаетъ и бьетъ для общества трехъ быковъ, восемь барановъ, много свиней и телятъ, стоимость которыхъ, въ среднемъ, равняется еженедѣльно 130 фунтамъ стерлингамъ.

Сапожная мастерская открылась въ 1852 году. Въ ней работало три мастера и одинъ подмастерье; она торговала обувью. Изготовленіе деревянныхъ башмаковъ и платья началось тоже въ 1852 году.

Оптовая продажа началась въ 1852 году; она показываетъ, что рочдэльское общество сильно развилось. Оптовое отдѣленіе было открыто съ цѣлью, во-первыхъ, удовлетворять потребности тѣхъ членовъ общества, которымъ нужны были различные предметы въ большомъ количествѣ, а

---

[1]) Рочдэль—англійскій городъ въ графствѣ Ланкаширъ, находится на разстояніи 17 километровъ отъ Манчестера, гдѣ выдѣлывается много сукна, фланели, бумажныхъ тканей и т. п. Въ дѣйствительности эта ассоціація была основана въ 1814 году по иниціативѣ 24 ткачей.

[2]) Пенсъ равняется приблизительно четыремъ копейкамъ.

во вторыхъ, съ цѣлью оказывать помощь кооперативнымъ магазинамъ Ланкашира и Іоркшира, которые, за отсутствіемъ капитала, не могли покупать на лучшихъ рынкахъ и имѣть хорошаго закупщика, понимающаго толкъ въ дѣлѣ.

Вслѣдствіе того, что многіе изъ членовъ жили далеко и удовлетворять потребности ихъ становилось все труднѣе и труднѣе, рочдэльское общество открыло филіальныя отдѣленія въ предмѣстьяхъ.

Магазинъ, снятый обществомъ на срокъ въ 1849 году и заключавшій въ себѣ только одно отдѣленіе, имѣлъ вначалѣ очень жалкій видъ. Онъ былъ заново отремонтированъ, скромно украшенъ и производитъ теперь очень хорошее впечатлѣніе. Одна изъ изящныхъ залъ превращена въ кабинетъ для чтенія газетъ; въ другой, не менѣе изящной, устроена библіотека... По количеству газетъ кабинетъ для чтенія не уступаетъ читальнѣ любого лондонскаго клуба. Члены общества могутъ пользоваться имъ безплатно; на его содержаніе уходитъ часть денегъ, отчисляемыхъ въ размѣрѣ $2^1/_2$ процентовъ для воспитательныхъ и просвѣтительныхъ цѣлей. Въ библіотекѣ имѣется 2200 томовъ произведеній лучшихъ писателей; среди книгъ имѣется много роскошныхъ изданій. Члены общества пользуются библіотекой безвозмездно. Съ 1850 по 1855 года тамъ была открыта школа для юношества, съ ежемѣсячной платой въ два пенса. Въ 1855 году администрація общества предоставила одну изъ своихъ залъ въ распоряженіе 20—30 членовъ въ возрастѣ отъ 14 до 40 лѣтъ, гдѣ они могли преподавать другъ другу по воскресеньямъ и вторникамъ».

«За городомъ была нанята мельница. Позднѣе общество выстроило новую мельницу въ самомъ городѣ... На ней было занято одиннадцать человѣкъ».

Впослѣдствіи общество стало заниматься и мануфактурной промышленностью. Успѣхъ такъ воодушевилъ Рочдэльское общество, что оно устроило кооперативную ассоціацію для производства хлопчатобумажныхъ и шерстяныхъ тканей. «На этой мануфактурѣ работаетъ девяносто шесть станковъ; рабочій персоналъ состоитъ изъ тридцати шести мужчинъ, семи женщинъ, четырехъ мальчиковъ, пяти дѣвочекъ,—всего сорокъ два человѣка...»

«Въ 1853 году Рочдэльское общество купило за 745 фунтовъ стерлинговъ магазинъ на противоположной сторонѣ улицы; въ немъ продается мука, мясо, картофель и другіе съѣстные припасы; контора и залы собраній помѣщаются въ томъ же домѣ. Общество сняло сосѣдніе дома, гдѣ оно продаетъ коленкоръ, вязальныя издѣлія и обувь. Въ этихъ большихъ помѣщеніяхъ посѣтитель встрѣчаетъ сапожниковъ и портныхъ, работающихъ въ хорошихъ гигіеническихъ условіяхъ и увѣренныхъ въ томъ, что они въ субботу получатъ свою заработную плату. Въ этихъ магазинахъ имѣется масса товаровъ, и постоянные покупатели въ буквальномъ смыслѣ наполняютъ Toad Lane, облѣпляя, какъ пчелы, всѣ прилавки. Въ промышленныхъ округахъ Англіи врядъ ли можно встрѣтить другую такую своеобразную картину, какую представляетъ собою Рочдэльская кооперація въ субботу вечеромъ [1]).

---

[1]) «Но», говоритъ Голіокъ, «лицо, пишущее эти строки, и читателя интересуетъ не блестящее состояніе коммерческой дѣятельности общества, а новый духъ, который обнаруживается въ этихъ торговыхъ отношеніяхъ. Покупатель и продавецъ здѣсь друзья; здѣсь нѣтъ ни желанія обмануть, съ одной стороны, ни боязни быть обманутымъ съ другой... Эти толпы скромныхъ рабочихъ, которые раньше не были увѣрены въ томъ, что потребляемые ими съѣстные припасы хороши, которые носили скверную обувь, одежду, жены которыхъ носили грязный коленкоръ,—они покупаютъ теперь первосортные продукты, которыми не побрезгаютъ лорды. (Весьма возможно, что они ѣдятъ даже лучшую пищу, чѣмъ лорды, которые при современныхъ размѣрахъ

...Нельзя смотрѣть иначе, какъ съ полной надеждой на будущность человѣчества, если въ двухъ наиболѣе передовыхъ странахъ свѣта кооперація низшаго класса общества—простыхъ рабочихъ, благодаря ихъ честности, здравому смыслу, самообладанію и довѣрію другъ къ другу, дала такіе блестящіе результаты. Прогрессъ кооперативнаго движенія позволяетъ намъ надѣяться даже на увеличеніе производительной силы въ промышленности...

Такія ассоціаціи являются сами по себѣ прекрасной школой для развитія тѣхъ качествъ, благодаря которымъ человѣкъ можетъ достигнуть въ жизни значительныхъ успѣховъ. Увеличиваясь численно, ассоціаціи будутъ стремиться къ тому, чтобы охватить весь рабочій классъ, исключая неспособныхъ и безнравственныхъ людей. По мѣрѣ того, какъ ассоціаціи будутъ расти, капиталисты увидятъ, что имъ гораздо выгоднѣе отдавать свои капиталы въ ссуду ассоціаціямъ, чѣмъ вести предпріятіе съ плохими рабочими; они будутъ ссужать ассоціаціямъ деньги по все болѣе и болѣе низкому проценту и, вѣроятно, въ концѣ-концовъ, согласятся получать вмѣсто процентовъ пожизненныя пенсіи. Такимъ или какимъ-нибудь другимъ путемъ, накопленные въ настоящее время капиталы могутъ вполнѣ правильно и естественно стать общей собственностью тѣхъ, кто принимаетъ участіе въ производствѣ. Такое преобразованіе общества, при которомъ оба пола должны быть сравнены въ своихъ правахъ [1]), было бы наиболѣе точнымъ осуществленіемъ соціальной справедливости и наиболѣе лучшей организаціей промышленности на всеобщее блага, какое мы только можемъ предвидѣть въ настоящее время [2]).

безчестной конкуренціи тоже не ограждены отъ обмановъ). Они сами выдѣлываютъ свои ткани, шьютъ себѣ обувь, платье, мелютъ свой хлѣбъ. Они покупаютъ лучшій сахаръ, чай и сами мелютъ свой кофе. Они сами убиваютъ животное, мясо котораго они ѣдятъ, и лучшій скотъ Рочдэля потребляется ткачами и башмачниками».

«Такъ какъ у магазина не было долговъ, то у него не было убытковъ, и въ теченіи тринадцати лѣтъ своего существованія его оборотъ дошелъ до 302852 фунтовъ стерлинговъ; за все это время у него не было ни одного процесса.

Въ 1872 году членами Рочдэльской ассоціаціи состояло 4000 человѣкъ, денежные обороты достигали 1 милліона фунтовъ, и общество вело свои дѣла въ очень крупныхъ размѣрахъ».

1) Джонъ Стюартъ Миллъ считаетъ (Книга IV глава VII § 3), что прогрессъ рабочихъ классовъ былъ бы ускоренъ, если бы женщины въ соціальномъ отношеніи были независимы. Въ Рочдэльскомъ обществѣ члены-женщины пользовались такими же правами, какъ и члены-мужчины, и имѣли голосъ въ дѣлахъ ассоціаціи.

2) Миллъ, продчувствуя упрекъ въ симпатіи къ соціализму, отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: „Я вполнѣ согласенъ съ соціалистами въ ихъ опредѣленіи формы, какую промышленность должна принять въ процессѣ своего развитія; я думаю, что уже настало время начинать эти реформы, и что имъ надо способствовать всякими разумными и дѣйствительными средствами... Но я не признаю наиболѣе видную и горячую часть системы соціалистовъ, а именно, ихъ отрицательное отношеніе къ конкуренціи. Выставляя идеи, далеко опородившія въ нравственномъ отношеніи принципы современнаго общества, соціалисты имѣютъ о немъ крайне смутное и ошибочное понятіе; одной изъ ихъ наиболѣе грубыхъ ошибокъ является, по моему мнѣнію, то, что они считаютъ конкуренцію источникамъ всѣхъ золъ нашего общественнаго положенія. Они забываютъ, что тамъ, гдѣ нѣтъ конкуренціи, господствуетъ монополія, а монополія, какую бы форму она не принимала, представляетъ собою налогъ на трудящихся въ пользу тунеядцевъ или грабителей. Они забываютъ, что (за исключеніемъ конкуренціи между рабочими) всякая конкурренція выгодна рабочимъ, такъ какъ подъ вліяніемъ ея понижается стоимость потребляемыхъ ими предметовъ. Они забываютъ, что даже на рабочемъ рынкѣ конкуренція стремится повысить, а не понизить заработную плату всякій разъ, когда спросъ на рабочія руки превышаетъ предложенія. Они забываютъ, что конкуренція никогда не понижаетъ заработную плату, если предложеніе не превышаетъ спросъ; а если рабочій рынокъ переполненъ, никакой соціализмъ не сможетъ удержать паденіе заработной платы... Общей ошибкой всѣхъ соціалистовъ является то, что они не считаются съ естественной лѣностью людей, съ ихъ стремленіемъ къ бездѣятельной жизни... Можетъ быть, конкуренція не является самымъ лучшимъ побужденіемъ, которое можно себѣ представить, но въ настоящее время она необходима, и никто не можетъ предвидѣть тотъ моментъ, когда она не будетъ нужна для прогрессивнаго развитія общества“...

3. Доходы, не достигающіе извѣстной минимальной суммы, должны быть освобождены отъ налога.

Исходя изъ того принципа, что каждый членъ общества долженъ приносить одинаковую жертву, мы должны прежде всего разсмотрѣть, будетъ ли осуществленъ этотъ принципъ въ томъ случаѣ, если каждый будетъ платить одинаковый процентъ со своего дохода. Многіе отрицаютъ это, говоря, что тотъ, кто платитъ десятую часть маленькаго дохода, ощущаетъ это гораздо сильнѣе, чѣмъ человѣкъ, платящій такой же процентъ изъ гораздо большаго дохода; на этомъ то и основывается очень популярная теорія прогрессивнаго налога, по которой налогъ увеличивается, пропорціонально величинѣ дохода. Тщательно обдумавъ этотъ вопросъ, я пришелъ къ тому заключенію, что въ изложенномъ мнѣніи заключается значительная доля истины, которая вытекаетъ изъ принципіальной разницы между налогомъ, уменьшающимъ потребленіе предметовъ роскоши, съ одной стороны, и налогомъ, уменьшающимъ, хотя бы въ самой незначительной степени, потребленіе необходимыхъ предметовъ, съ другой. Если у человѣка, имѣющаго доходъ въ 10000 фунтовъ стерлинговъ, берутъ 1000 фунтовъ, то этимъ самымъ его не лишаютъ возможности удовлетворять его необходимыя жизненныя потребности и даже жить съ комфортомъ; но если отъ лица, имѣющаго 50 фунтовъ дохода, берутъ 5 фунтовъ, то этотъ налогъ по своей обременительности не можетъ даже итти въ сравненіе съ налогомъ, платимымъ первымъ лицомъ. Наиболѣе справедливымъ способомъ сгладить эти неравенства является способъ, предложенный Бентамомъ; этотъ способъ состоитъ въ томъ, что государство освобождаетъ отъ налога минимумъ дохода, достаточнаго для удовлетворенія необходимыхъ жизненныхъ потребностей. Предположимъ, что 50 фунтовъ (около 463 руб.) достаточны для того, чтобы опредѣленное число лицъ, живущихъ съ дохода, могло существовать при сносныхъ гигіеническихъ условіяхъ, но не позволяло себѣ никакой роскоши. Эта сумма должна въ такомъ случаѣ считаться минимумомъ, и доходъ, превышающій этотъ минимумъ, подлежитъ оплатѣ налогомъ. Если налогъ будетъ въ 10%, то на доходъ въ 60 фунтовъ надо будетъ смотрѣть, какъ на доходъ въ 10 фунтовъ, и съ этихъ 10 фунтовъ надо будетъ брать 1 фунтъ ежегоднаго налога; доходъ въ 1000 фунтовъ будетъ платить налогъ съ 950 фунтовъ. Въ такомъ случаѣ каждый будетъ платить налогъ пропорціонально не своему доходу, а своему избытку. Всякій доходъ въ 50 фунтовъ и ниже этого освобождается какъ отъ прямого, такъ и отъ косвеннаго налога, выражающагося въ обложеніи налогомъ предметовъ первой необходимости; какъ намъ кажется, 50 фунтовъ—это наименьшій доходъ, какой долженъ имѣть рабочій, и государство не должно способствовать его уменьшенію. Во всякомъ случаѣ, при такомъ положеніи дѣлъ мы имѣли бы основаніе обложить налогомъ предметы роскоши, потребляемые бѣдными классами. Необходимымъ условіемъ освобожденія отъ налога той части дохода, которой еле-еле хватаетъ на покрытіе самыхъ важныхъ расходовъ, являлось бы требованіе, чтобы этотъ доходъ расходовался на предметы первой необходимости; тѣ бѣдняки, которые, обладая минимальнымъ доходомъ, въ тоже время желали бы потреблять предметы роскоши, должны были бы отдавать на государственные расходы часть своихъ издержекъ на предметы роскоши, причемъ эта часть находилась бы въ извѣстной пропорціи къ данному потребленію.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Адамъ Смитъ	1
Выдержки изъ труда Адама Смита „Богатство народовъ“. . . .	19
Робертъ Мальтусъ	35
Выдержки изъ труда Р. Мальтуса „Опытъ закона народонаселенія“	49
Давидъ Рикардо.	54
Выдержки изъ труда Д. Рикардо „Начала политической экономіи“	67
Джонъ-Стюартъ-Милль	72
Выдержки изъ труда Д.-С.-Милля „Основы политической экономіи“	87